

VK.COM/E_BOOKS_VK

ДОЛГАЯ ИГРА

В ИГРЕ В
ЛОЖЬ, КОМУ ТЫ
ДОВЕРИШЬСЯ?

ДЖЕННИФЕР ЛИНН БАРНС

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Дженнифер Линн Барнс

Долгая игра

Фиксер — 2

Оригинальное название: Jennifer Lynn Barnes «The Long Game» 2016

Дженнифер Линн Барнс «Долгая игра» 2017

Перевод: Дина Техова

Редактор: Анастасия Антонова

Русификация обложки: Ксения Левченко

ГЛАВА 1

— Тэсс, тебе когда-нибудь говорили, что ты прекрасно выглядишь, когда что-нибудь замышляешь? — Ашер Роудс одарил меня ленивой ухмылкой.

Я проигнорировала Ашера, не отрывая взгляда от улицы перед отелем «Рузвельт». Мужчина по имени Чарльз Бэнкрофт зарезервировал столик в пятизвездочном ресторане «Рузвельта» на время ланча. Дороговато, учитывая то, что недавно Мистер Бэнкрофт убедил судью в том, что алименты для его детей должны быть сведены к минимуму.

— Спрашиваю для друга, — уточнил Ашер. Затем он подтолкнул своего лучшего друга локтем. — Генри, мой добрый человек, скажи Тэсс, что она хороша, словно картинка, когда готовится выпустить свой гнев на ничего не подозревающего отца одного из наших одноклассников.

— Кендрик? — произнёс Генри Маркетт.

— Да? — не сводя глаз с улицы, ответила я.

— Ты выглядишь донельзя жутко, когда что-то замышляешь.

У тротуара остановилась темная машина. Я улыбнулась.

— Спасибо, — сказала я Генри и обернулась к Ашеру. — Звони Вивви, — сообщила я. — Скажи, что мы начинаем.

Прежде чем Вивви и её тёте удалось найти квартиру в Вашингтоне, они почти месяц прожили в отеле «Рузвельт». Этого времени было достаточно, чтобы чрезмерно дружелюбная Вивви Бхарани успела расположить к себе персонал отеля.

Весьма кстати, — подумала я, наблюдая за тем, как Чарльз Бэнкрофт выбрался с заднего сидения своего роскошного седана.

Ашер передал Вивви мои слова, а затем включил громкую связь.

— Орёл приземлился, — произнесла Вивви на другом конце провода. — Птичка в кустарнике.

В жизни было не так уж и много вещей, которые радовали Вивви и Ашера так же сильно, как зашифрованные разговоры. Я не стала утруждаться переводом. Один из

коридорных выкатил тележку с багажом, преграждая дорогу машине Бэнкрофта. Её владелец скрылся в ресторане, но водителю было некуда ехать.

Это был мой сигнал.

Я шагнула вперед. Генри поймал меня за локоть.

— Никакого кровопролития, — произнёс он. — Никакого шантажа. Никакого препятствия правосудию.

— Ты многого просишь, — сказала я, вырываясь из его хватки. — Как насчет вымогательства?

Не дожидаясь ответа, я направилась к машине Бэнкрофта.

Генри и Ашер последовали за мной по пятам.

— Кошка пляшет в кошачьей мяте, — сообщил Вивви Ашер. — Ворчливый лев ворчит.

— Ты только что назвал меня ворчливым львом? — спросил у Ашера Генри.

— Конечно, нет, — заверил его Ашер. Затем он отключил громкую связь и понизил голос. — Подозрительный лев что-то подозревает, — наиграно прошептал он.

В последний раз взглянув на Генри и Ашера, я подошла к машине Бэнкрофта и постучала в окно. Водитель открыл его.

— Чем могу помочь? — спросил он.

— Я — подруга Джереми, — ответила я. — Я хочу поговорить.

Джереми Бэнкрофт учился в выпускном классе Хардвика и должен был закончить школу весной. По крайней мере, так было до тех пор, пока его отец не перестал платить за его обучение. Судя по тому, что мне удалось разузнать, Мистер Бэнкрофт хотел заставить свою бывшую жену страдать за то, что она посмела с ним развестись. И он был вовсе не против использовать для этого своих детей.

А я была вовсе не против устроить засаду в его машине. Через час мои старания были вознаграждены.

— Говорю же вам, — произнёс Бэнкрофт, перенося телефон от одного уха к другому и усаживаясь на заднее сидение машины, — они заключат договор с фирмой завтра к концу рабочего дня. Безусловно.

Машина тронулась с места. Я сидела на переднем сидении, не издавая ни звука, до тех пор, пока мы не присоединились к потоку транспорта. Затем я обернулась.

— Что за... — Бэнкрофт повесил трубку и принялся выкрикивать приказы своему водителю. — Мик, останови машину.

— Мику пришлось отойти, — сказала я отцу Джереми. — Сейчас он, наверное, гадает, куда подевались вы с вашей машиной.

На самом деле, водитель Бэнкрофта согласился очень вовремя отлучиться в уборную. Как оказалось, он был куда сильнее привязан к сыну своего босса, чем к нему самому.

— Не знаю, кто вы, — сквозь зубы выдавил Бэнкрофт, — или чего вы хотите...

— Я хотела бы, чтобы вы перестали использовать своих детей в качестве пешек в сумасшедшей игре, которую вы затеяли со своей бывшей женой, — произнесла я. — Но я согласна на большой денежный перевод.

Бэнкрофт уставился на меня в недоумении.

— Кто тебя прислал?

— Лучше спросите, что я сделаю, если вы не переведете деньги.

— Сделаешь? — выпалил Бэнкрофт. — Да что ты можешь сделать? Ты же ребенок.

— Я — Тэсс Кендрик, — сказала я. — Кейс, — вторая фамилия последовала с

опозданием. Эта комбинация заставила мужчину на заднем сидении побледнеть. — Я учусь с вашим сыном в Хардвике. Кажется, Джереми считает, что вы прячете деньги на офшорном счете, чтобы свести алименты к минимуму.

Когда я упомянула сына Бэнкрофта, на его лице не мелькнуло и следа эмоций.

— Докажи, — выплюнул он.

— Мне не придется, — я не спеша объяснила эти слова. — Либо вы скрываете свой капитал, — сказала я, — а значит, вы преступник; либо вы на самом деле разорились, как и утверждаете. А значит, вы последний человек, которому кто-либо в Вашингтоне доверит инвестировать свои деньги, — я сделала паузу. — Интересно, сколько времени понадобится, чтобы новости о ваших финансовых трудностях разлетелись по Вашингтону?

Бэнкрофт фыркнул, но глаза выдавали его волнение. Он нервничал. Отлично.

— Думаете, моя бывшая жена хочет, чтобы в Вашингтоне узнали, что она на мели? — парировал мужчина. — Если бы она хотела вынести это на публику, то уже сделала бы это.

Правда.

— Я — не ваша бывшая жена, — я достала свой телефон и открыла контактную информацию «Washington Post». — И, как оказалось, мне плевать на то, посчитают ли её банкротом, — я развернула телефон к Бэнкрофту, позволяя ему увидеть, кому я собиралась позвонить. Затем я нажала на кнопку вызова и включила громкую связь.

Один гудок.

Два.

— Стой, — произнёс Бэнкрофт.

Я сбросила звонок в тот самый момент, когда кто-то поднял трубку. Я достала документы, которые по просьбе Генри подготовил адвокат его семьи.

— В идеальном мире, — произнесла я, — вы бы внесли поправки в соглашение о разводе, которое вы заключили со своей бывшей женой.

На челюсти Бэнкрофта дернулся мускул. Лучше уж рискнуть провокационными слухами, чем пойти на встречу его бывшей.

— Но, — продолжила я, — я подумала, что, возможно, вы предпочтете сделать анонимное пожертвование на обучение ваших детей.

Я снова протянула ему бумаги. Бэнкрофт взял их и, нахмурившись, принялся их читать.

— Стипендиальный фонд?

— Спонсоры могут указывать любые условия для пожертвований. Ваши условия очень точны.

Джереми и его младшая сестра получают стипендию, которой будет достаточно, чтобы оплачивать их учебу в Хардвике до её окончания.

— У меня только двое детей, — Бэнкрофт поднял взгляд от бумаг и сердито взглянул на меня. — Почему я спонсирую три стипендии?

Я одарила его сдержанной улыбкой.

— Цена моей работы.

На лбу Бэнкрофта пульсировала вена.

— Что, если я порву эти бумаги, позвоню в полицию, и тебя арестуют за угон машины? Я пожала плечами.

— Формально, — произнесла я, — я не угоняла вашу машину.

Обогнув квартал, машина снова остановилась у тротуара «Рузвельта». Сидящий в водительском сидении Генри обернулся к Бэнкрофту.

— Формально, — сказал он, — это был я.

— Генри Маркетт, — уточнила я для мужчины на заднем сидении. — Его мать — Памела Эбеллард, — я просияла, словно кошка, съевшая канарейку. — Поправьте, если я ошибаюсь, но разве Эбелларды — не самый важный клиент вашей фирмы?

Бэнкрофт крепче сжал свой телефон. Костяшки его пальцев побелели.

— Мы оба знаем, что вы не станете никому звонить, — сказала я и кивнула на бумаги в его руках.

Мужчина снова взглянул на Генри.

— Обычно, — непринужденно произнёс Генри, — когда кто-то просит меня совершить угон, я сразу же отказываю. Но у меня есть сестра, — выражение лица Генри было абсолютно вежливым, но его мятно-зеленые глаза ярко сверкали на его шоколадной коже. — Моей младшей сестре, — продолжил Генри, — столько же лет, сколько и вашей дочери. Девять.

Бэнкрофт подписал документы. Он сделал звонок, подтверждая денежный перевод.

Выбравшись из машины, я взглянула на Генри.

— Позвонить Ашеру и сказать, что нам не понадобится отвлекающий маневр для побега?

Прежде чем Генри успел ответить, заиграла поп-музыка. Ашер подбежал к толпе людей и замер в драматической позе.

— Ты говоришь «отвлекающий манёвр», — невозмутимо произнёс Генри, — а Ашер слышит «флэшмоб».

Пять секунд спустя рядом с нами оказалась безумно танцующая Вивви. Она одарила меня вопросительным взглядом. Я кивнула.

— Опоссум упал на монахиню! — крикнула Вивви Ашеру.

Ашер не пропустил ни единого движения танца. Он потряс плечами и выбросил в воздух кулак.

— Да здравствует опоссум!

ГЛАВА 2

У меня было ровно три часа на то, чтобы прийти в себя после стычки с отцом Джереми Бэнкрофта. Затем мне предстояло столкнуться с другим противником.

— Что ты знаешь о Войне Роз? — мой дед по отцовской линии сжал пальцы на черном коне, с его помощью забирая с шахматной доски мою ладью.

Без жалости. Без промедления.

— Войны Роз, — произнесла я, делая ответный ход. — Во множественном числе.

Уголки губ старика изогнулись в улыбке. Он слегка склонил голову — одновременно признавая мою правоту и приказывая мне продолжать.

— Кучка ребят из пятнадцатого века сражались за трон Англии.

Коротко и по существу. Как и в шахматах, в разговоре с Уильямом Кейсом каждый ход нёс за собой последствия, иногда сразу же, а иногда — со временем. Он растил из меня свою наследницу, пытался изменить меня по собственному подобию. Если я протяну ему палец, он откусит всю мою руку. А я вовсе не хотела, чтобы меня меняли или растили.

Особенно человек, который может быть замешан в убийстве судьи Верховного Суда США.

— Войны Роз были серией кровавых стычек и политических манёвров между домом Ланкастеров и домом Йорков, — поправил меня Кейс, двигая по доске своего слона. — Политические беспорядки часто бывают жестоки к слабым и слабохарактерным королям.

Его взгляд застыл на шахматной доске — на моём короле — но я знала, что он думает о другом правителе и другом троне.

Каждое воскресенье я ужинала в особняке Кейсов, всё больше убеждаясь в том, что у моего деда было множество союзников и множество врагов. Чаще всего он относил президента Нолана к последним. Каждую неудачу в правлении президента он считал неоспоримым доказательством того, что Питер Нолан никогда не был подходящим кандидатом на эту должность.

Я подняла своего слона и снова опустила его на доску.

— Шах.

— Кровожадная девочка, — прокомментировал Кейс. — Это у тебя от матери. Терпение, — оглядывая доску, продолжил он, — вот черта Кейсов.

Так было всегда — он постоянно проводил черту между кровью Кендриков и кровью Кейсов в моих венах.

— Ты знала, что «создателем королей» впервые назвали графа Уорика во времена борьбы между Ланкастерами и Йорками? — мой дед продолжил свою лекцию, но я знала, что его глаза не упускают ни единой детали — ни того, как я реагировала, когда кто-то называл Айви моей матерью, ни положения фигур на шахматной доске. — Во время Войн Роз, Уорик сверг двух королей.

Именно «создателем королей» называли Уильяма Кейса. Он обладал колоссальной властью и влиянием на закулисные политическую арену Америки.

— Уорик был не просто богат и влиятелен, — продолжил Кейс. — Он был стратегом.

Власть. Политика. Теория. Такими были повседневные разговоры в этом доме. У Уильяма Кейса было двое сыновей. Один из них был мёртв, другой стал для него чужим. Я была его единственной внучкой. А значит, я была его единственной наследницей.

— Я бы хотел, чтобы ты проявила чуть больше стремления стать частью сообщества в Хардвике, Тэсс.

За две секунды мы перешли от Войн Роз к внеклассным занятиям в старшей школе.

— Я не слишком компанейский человек, — сказала я. *Преуменьшение.*

— Дискуссионный клуб, парочка спортивных кружков, — проигнорировав меня, продолжил Уильям Кейс. — Тебе пора чем-то выделиться.

Престижная Академия Хардвика была Вашингтоном в миниатюре. Там я была известна благодаря определенным умениям — включая то, что я сделала для Джереми Бэнкрофта несколько часов назад — которые нельзя было внести в резюме. И мой новообретенный дед явно их не одобрил бы.

— Королева, — возвращая меня к нашей игре, произнёс Кейс, — самая опасная фигура на доске, — на несколько секунд его указательный палец замер на черной королеве, а затем он двинул её вперед. — Шах.

Он зажимал меня в угол.

Я уже знала, чем закончится эта игра.

— Вы объявите шах и мат через три хода.

Губы старика раскрылись в опасной улыбке.

— Да?

Начиная игру, он был полностью уверен в своей победе. Точь-в-точь как он был уверен в том, что я поддамся его указам насчёт Хардвика.

— К счастью для меня, — сказала я, сжимая собственную королеву, — мне понадобится всего лишь два.

ГЛАВА 3

Удивительно, но к началу последнего урока в понедельник у меня всё ещё не появилось и малейшего желания записаться в дискуссионный клуб.

— Чисто гипотетически, — произнёс Ашер, занимая соседнее со мной место на последнем уроке, — если бы я сказал Кармен Севилл, что ты можешь позаботиться о небольшой проблеме, в которой замешана мстительная бывшая подруга, работающая над ежегодником, и несколько нелестных ракурсов... это было бы плохо или хорошо?

Произнося слово «хорошо», Ашер улыбнулся. Видимо, эта улыбка должна была меня подкупить.

Вивви проскользнула за соседнюю парту. Ей хватило одного взгляда на моё лицо.

— Плохо, — сказала она Ашеру, правильно истолковав выражение моего лица. — Это было бы очень плохо.

— Давай я перефразирую, — сказал Ашер. — Если бы я невзначай предложил ей твои прекрасные услуги...

Я перебила его.

— Я не оказываю услуги, — в ответ на скептические выражения их лиц, я уточнила. — То, что случилось вчера, с отцом Джереми? Это был первый и единственный раз.

Ашер поднял бровь до смешного высоко.

— Значит, когда выпускник из команды по лакроссу издевался над девятиклассником, а ты тайно записала это на камеру и прикрепила запись к его заявлению в колледж... Что это было?

Я пожала плечами. Никто так и не доказал, что это была я.

— А когда ты уничтожила слухи о том, что Мередит Саттон попала в центр реабилитации? — спросила Вивви.

Это были не слухи. Это была правда — но это было личным делом Мередит.

— А в тот раз, когда парень Линдси Ли угрожал рассказать её родителям о том, как далеко зашли их отношения, если она с ним расстанется? — Ашер поднял вторую бровь. — Поправь, если я ошибаюсь, но, кажется, в итоге он оказался в военном училище?

— Что вы пытаетесь сказать? — спросила я.

— Они пытаются сказать, что ты в каждой бочке затычка, — Генри опустил на соседний со мной стул. — Это неизлечимая болезнь. Ты ничего не можешь с собой поделывать, Кендрик.

Разве не он вчера сидел рядом со мной? Я не стала об этом упоминать и обернулась к нему.

— Я не затычка, — сказала я.

К несчастью, мои слова заставили Вивви и Ашера хором выпалить:

— Ты — фиксер!

В мою первую неделю в Хардвике я непреднамеренно пришла на помощь дочери вице-президента. Тогда я понятия не имела о том, кто она. Я знала лишь, что её унижал парень

постарше, сделавший несколько довольно интимных снимков. Когда я услышала, как этот придурок хвастался фотографиями, я вышла из себя, украла его телефон и озвучила парочку угроз.

Анна Хейден была очень благодарна. Она посчитала меня кудесницей и, вот так просто, ученики Хардвика решили, что я выступала для них тем же, кем моя сестра была для их родителей.

Человек, профессионально решающий проблемы. Справляющийся с кризисными ситуациями. Фиксер.

Я не фиксер. Я не стала произносить это вслух. *А Айви,* — произнёс в моей голове настойчивый голос, — *не моя сестра.*

Недавно я узнала, что она была моей матерью.

Мои размышления нарушил звонок. Он спас меня от попыток понять, кем мне на самом деле приходилась Айви.

— Я знаю, как сильно вы любите понедельник, — произнесла Доктор Кларк в передней части комнаты. — А единственное, что может сделать понедельник ещё лучше, это неожиданная контрольная, не так ли?

Раздалось шумное ворчание.

— Достаньте бумагу и карандаши, — проигнорировав стоны, сказала Доктор Кларк. Заглавными буквами она написала на доске один-единственный вопрос: «Что, по вашему мнению, больше всего повлияет на результаты промежуточных выборов?».

Вместо истории в Хардвике изучали «Проблемы современного мира». В теории, этот предмет должен был сделать нас гражданами мира, осведомленными о множестве вопросов, поднимающихся на международной арене. В реальности, большинство учеников были как-то связаны с политиками, а значит «проблемы мира» часто оказывались личными.

— От ваших ответов на этот вопрос будет зависеть сегодняшняя дискуссия, — Доктор Кларк облокотилась на свой стол. — Так как я недостаточно жестока, чтобы на самом деле устраивать контрольную в понедельник, можете не подписывать ваши работы.

Пока мои одноклассники записывали свои ответы, я обдумывала вопрос. Во мне было достаточно крови Кендриков — и Кейсов — чтобы понимать, что промежуточные выборы обещали быть жестокими. Если президент потерял контроль над Конгрессом, его шансы остаться в Белом Доме на второй срок были близки к нулю. Сейчас Айви работала как минимум на трёх конгрессменов, которые хотели быть переизбраны на промежуточных выборах. Я понятия не имела о том, чем именно она для них занималась, но люди приходили к Айви Кендрик только для решения проблем — только если они хотели похоронить свои тайны.

Я медленно опустила ручку на бумагу и вывела свой ответ — букву за буквой. *Какой фактор сыграет самую важную роль в промежуточных выборах?*

К-о-р-у-п-ц-и-я.

Пока моя ручка выводила буквы, я всё меньше думала о том, чем сейчас занималась Айви, и всё больше — о тайнах, которые скрывала я сама — частично, из-за неё. Мои первые недели в Хардвике были полны событий — включая попытки убийств, тайны и похищение вышедшим из подчинения телохранителем президента.

— Сдавайте ответы, — произнесла Доктор Кларк.

Я сложила лист бумаги напополам, а затем обернулась, чтобы взять работу Генри, и посмотрела ему в глаза. Он удержал мой взгляд, и я задумалась о том, каким был его ответ.

Я гадала о том, думал ли Генри о политическом заговоре, который мы раскрыли.

Собрав наши ответы, доктор Кларк заговорила.

— Сейчас президента Нолана поддерживают как палата представителей, так и Сенат. Но — уверена, многие из вас об этом знают — это может измениться в один миг, учитывая то, что эти выборы обещают быть самыми напряженными за последние годы.

Сидящий рядом со мной Ашер достал из своего рюкзака моток изолянта. Генри издал негромкий звук, который я перевела как: «Боже, почему у Ашера изолянта, и что он будет с ней делать?».

В передней части комнаты Доктор Кларк снова присела на край стола.

— Так, — продолжила она, — давайте посмотрим, что, по вашему мнению, повлияет на расстановку сил в этой стране. — Она принялась разворачивать листы бумаги. — Рабочие места. Медобеспечение. Иммиграция, — читая ответы, она сортировала их, откладывая некоторые на потом. — Снова рабочие места. Терроризм. Экономика. Терроризм. Защита. А теперь начинается что-то интересное, — Доктор Кларк перешла к работам, которые она отложила. — Идеология. Религия. Явка избирателей, — она сделала паузу. — Не совсем то, что я имела в виду, но без сомнения верно, мисс Роудс.

В передней части комнаты сестра-близнец Ашера перебросила через плечо свой светлорыжий хвостик. Почему-то я не удивилась тому, что она подписала свой ответ. Эмелия Роудс считала, что людям всегда нужно было воздавать должное — особенно если речь шла о ней.

— Последняя тройка, — сообщила Доктор Кларк. — Рейтинг популярности президента, — она мельком взглянула в мою сторону — в сторону Генри. — Честность, — она перешла к предпоследней работе и закончила моей. — И коррупция, — она сделала паузу. — Мистер Роудс, вы, конечно, очень похожи на Гудини, но я бы предпочла, чтобы вы не склеивали свои руки изолянта во время урока.

Ашер одарил её очаровательной улыбкой.

— Как пожелаете, — он попытался притвориться, что его руки ещё не были наполовину склеены.

На такое способен только Ашер, — подумала я. Но другая часть моего мозга — часть, в которой инстинкты смешивались с эмоциями; часть, которая была готова драться или бежать — вспомнила о том, как я сама была связана по рукам и ногам.

Я почувствовала чьё-то прикосновение на своём плече. Генри. Я не стала к нему оборачиваться, но что-то подсказывало мне, что он прекрасно знал, о чём я думала. *Телохранитель президента держал меня в заложниках.* Когда я думала об этом, воспоминание теряло часть своей власти надо мной. Этот человек помог убить судьбу Верховного Суда. И Америка никогда об этом не узнает.

Честность — не самая сильная сторона президента Нолана.

Остаток урока прошел размыто. Когда прозвенел звонок, я поднялась на ноги.

— Насчет злопамятного редактора ежегодника... — начал было Ашер, но прежде чем он успел продолжить уговоры, его бесцеремонно перебили.

— Ты задолжала мне услугу, — Эмилия Роудс была не из тех, кого волновали примитивные слова вроде «привет». Она была так же напряжена, как Ашер был расслаблен — и, к несчастью, она была права.

Я действительно задолжала ей услугу.

— Чего ты хочешь? — спросила я у Эмилии.

Она взяла меня под руку.

— Прогуляйся со мной, — она замолчала и продолжила только когда мы оказались в коридоре. — Завтра в часовне будут принимать номинации в студенческий совет.

— В ноябре? — спросила я.

— Выборы студенческого совета проходят в тот же день, когда и настоящие выборы, — Эмилия изящно пожала плечами. — Традиция Хардвика.

Хардвик не был нормальной школой. Обычно, он даже не притворялся.

— Следующий срок студенческого совета начинается в январе, — продолжила Эмилия. — И я намерена стать его президентом. Ты обладаешь некоторым... влиянием, — Эмилии было больно произносить это слово, — в этой школе, особенно в кругах девятиклассников и изгоев. Завтра утром, когда директор спросит о номинациях, я хочу, чтобы ты выдвинула мою кандидатуру. Майя поддержит твою номинацию.

Я ждала уловки.

— И всё? — спросила я, когда её не последовало. — Выдвинуть твою кандидатуру на должность президента студенческого совета, и мы в расчете?

Эмилия закатила свои зелено-голубые глаза.

— Нет. Ты выдвинешь мою кандидатуру и сделаешь так, чтобы я выиграла, тогда мы будем в расчете.

Я прищурилась.

— И как я должна это сделать?

— Как хочешь? — парировала Эмилия. — Я не прошу тебя о чуде, Тэсс. Я подхожу для этой должности. Я в хорошем социальном положении. У меня есть подходящие связи. И ты знаешь, что я справлюсь лучше, чем Джон Томас Уилкоккс.

Джон Томас был ужасным подобием человека. Именно он уговорил дочь вице-президента позировать для тех фотографий. После того, как я не позволила ему их распространять, он стал считать меня своей целью. Он был хищником и трусом. От одного звука его имени у меня заболели зубы.

— Твой конкурент — Джон Томас? — сама того не желая, я нахмурилась.

— Один из них, — выпятив подбородок, подтвердила Эмилия. — За последние десять лет девушка была президентом студенческого совета Хардвика всего один раз. Мои родители — дантисты. Его отец — конгрессмен, — Эмилия остановилась и повернулась ко мне. — Я собираюсь победить, Тэсс.

В последний раз Эмилия пыталась нанять меня для того, чтобы я присмотрела за Ашером. Сделать так, чтобы она победила Джона Томаса Уилкоккса, будет куда проще — и намного более приятно.

— Ладно, — сказала я. — Я помогу тебе с выборами, и тогда мы квиты.

Губы Эмилии растянулись в небольшой улыбке.

— Добро пожаловать в предвыборную компанию.

ГЛАВА 4

Ровно через десять минут после того, как Боди забрал меня из школы, он успел выведать самые яркие моменты моего дня. Для человека, почти наверняка совершившего не одно преступление, водителю Айви очень хорошо удавалось притворяться многодетной мамашей, когда он выпытывал у меня информацию по пути домой из школы.

— Сомневаюсь, что, когда Кейс говорил, что ты должна быть активнее в школе, он имел

в виду «руководителя выборной компании», — Боди одарил меня улыбкой.

— Я согласилась ужинать с ним каждый вечер и позволила ему публично назвать меня Кейсом, — парировала я. — Мы не договаривались о хоккее на траве и дискуссионном клубе.

Несколько секунд Боди изучал меня, как он делал каждый раз, когда разговор касался Уильяма Кейса.

— Если старик начнет спорить, — сказал он, пытаясь скрыть тот факт, что он мысленно конспектировал моё состояние для Айви, — ты всегда можешь сказать ему, что берешь пример с Кейсов и пытаешься распорядиться происходящим из-за кулис.

Я скорчила рожицу. Последнее, чего я хотела, чтобы ученики Хардвика решили, что я будущая «создательница королей».

— Это услуга для друга, — сказала я. — Вот и всё.

— Ты — Кендрик, — сказал мне Боди, сворачивая к дому Айви. — Услуги для друзей часто оказываются сложнее, чем кажутся.

Когда мы подъехали к дому, Боди сбросил скорость. Он был не только шафером Айви, но ещё и нашим телохранителем. Он небрежно осмотрел улицу перед домом Айви. Его взгляд замер на припаркованной у тротуара машине.

Учитывая то, что офис Айви находился на первом этаже нашего просторного дома, клиенты довольно часто приезжали сюда, но эта машина не походила на типичную машину клиентов Айви. Она была грязной, желтовато-красной — и явно подержанной. Окна не были пуленепробиваемыми. Я сомневалась в том, что её владелец нанял водителя.

Я мельком взглянула на Боди, пытаясь прочитать выражение его лица. Он узнал эту машину?

Когда он свернул на подъездную дорожку, завибрировал его телефон. Сообщение, почти наверняка от Айви. Боди прочитал его. Натянув свой лучший покер-фейс, он снова обернулся ко мне.

— Что думаешь о мороженом?

Боди не пускал меня домой целый день. К тому времени, как мы вернулись к дому Айви, стемнело, а к оранжевой машине присоединился ещё один автомобиль. На этот раз, я узнала его.

— Здесь Адам, — произнесла я.

— Так и есть, — ровно ответил Боди.

Если бы я уже не гадала о том, почему сюда приехал мой новообретенный дядя, тот факт, что Боди не назвал его «Капитаном Пентагоном» или «Мистером Америкой» наверняка заставил бы меня заподозрить что-то неладное. У Боди всегда был наготове бесконечный запас прозвищ — а подшучивать над дотошным Адамом Кейсом было его любимым занятием на свете.

Айви позвонила Адаму. Она написала Боди и сказала ему держать меня подальше от дома. Я продолжала размышлять об этом, выбираясь из машины и шагая в вестибюль.

Боди взглянул на меня и закрыл за нами дверь.

— Если я скажу тебе подняться наверх и забыть обо всём этом, ты проигнорируешь меня, так что окажи нам обоим услугу, котенок, и не попадайся на глаза Айви.

Озвучив этот совет, Боди направился в кабинет Айви. Я услышала, как открылась и закрылась дверь — а затем последовала тишина.

Сначала Адам, теперь Боди.

Чтобы не происходило, Айви созывала свои войска.

ГЛАВА 5

Я не стала подниматься наверх. Вместо этого я замерла в коридоре перед офисом Айви, глядя на дверь. Я слышала приглушенные голоса, но не могла разобрать слова.

Айви, как могла, пыталась скрыть от меня эту часть своей жизни — своих клиентов и вещи, которые она для них делала, черты, которые она переступала.

Рассуждая логически, я понимала, что род занятий Айви требовал гарантии конфиденциальности и осмотрительности. А ещё — рассуждая логически — я понимала, что она хотела меня защитить. В последний раз, когда я оказалась замешана в одно из её дел, меня похитили.

Но логика не могла притупить ту острую боль в моей груди, которую я ощущала, глядя на закрытую дверь и зная, что это Айви не позволяла мне войти.

Иногда мне казалось, что вся моя жизнь состояла из бесконечной череды закрытых дверей. Айви закрыла дверь, когда она отказалась быть моей матерью и отдала меня своим родителям. Она захлопнула её, согласившись мне лгать, и заперла на засов, когда отдала четырехлетнюю меня — плачущую на поминках наших родителей — дедушке.

Когда мне было тринадцать, она приоткрыла эту дверь, а затем захлопнула её прямо у меня перед носом.

Айви решила меня бросить. Она решила выбросить меня из своей жизни. Она возвела между нами стены, потому что жить ложью о том, что она была моей сестрой, оказалось слишком сложно.

Неважно, было ли это логично или справедливо. Именно об этом я думала каждый раз, когда Айви закрывалась от меня в своём офисе. Я не могла подавить бурлящее во мне чувство того, что она потеряла право на секреты, когда не рассказала мне о самом главном из них.

Повзрослей, Тэсс. Я заставила себя отвернуться от двери в офис, но, вместо того, чтобы подняться наверх, в комнаты, которые мы делили с Айви, я обернулась и зашагала к комнате для переговоров. Как и в случае с офисом Айви, формально, мне не позволялось сюда заходить.

Я была не из тех, кого заботили формальности.

Я покрутила ручку и толкнула дверь комнаты для переговоров внутрь, переступая порог. Несколько недель назад мы с Айви стояли в этой комнате, глядя на три снимка, которые она повесила на стену. Три мужчины — включая телохранителя президента и врача Белого Дома — сговорились убить дедушку Генри, судью Верховного Суда Теодора Маркетта. Именно в этой комнате Айви призналась, что в этом может быть замешан кто-то четвертый. Этот человек всё ещё был на свободе, и мы понятия не имели о том, кто он. Всего на одну ночь Айви впустила меня. Она не пыталась скрыть те части себя, которые она считала опасными. Она признала, что, нравилось ей это или нет, мы с ней были слишком похожи.

Я не могла просто сидеть и наблюдать за тем, как происходит что-то плохое. Как не могла и она.

Я подошла к столу и закрыла глаза, пытаясь вспомнить, где именно сидела Айви во время нашего ночного разговора. Я попыталась представить лежавший рядом с ней на столе список подозреваемых — в числе которых был и Уильям Кейс.

Никто — ни Ашер, ни Генри, ни Вивви, отец которой был врачом Белого Дома, помогшим убить судью Маркетта — не знал о том, что Айви подозревала, что в деле был замешан кто-то ещё. Человек, спланировавший нападение на судью Маркетта и выбравшийся сухим из воды. Я не рассказала моим друзьям о теории Айви. Ради их собственной безопасности, я держала их — и продолжу держать — в неведении.

— Ты не должна здесь находиться.

Я обернулась и увидела стоявшего в дверном проёме Адама. Мой мозг автоматически принялся искать сходства — между мной и Адамом, между создателем королей и его старшим сыном.

— Я никогда не умела делать то, что должна, — сказала я.

Адам сердито взглянул на меня. Он опекал меня ещё до того, как узнал, что он — мой дядя, но теперь, когда он знал правду, стало ещё хуже.

— Постарайся, — приказал он.

Адам был из тех, кто всегда играл по правилам. Судя по тому, что мне удалось узнать, мой отец — и его младший брат — был совсем другим.

— Айви держит все свои секреты под замком, — сказала я, оборачиваясь к голым стенам. — Какая разница, что я здесь, если здесь не на что смотреть?

Видимо, Адам услышал в моём голосе что-то, что заставило его смягчиться.

— Тэсс...

— Вчера вечером я ужинала с твоим отцом, — ничего не заставляло Адама замолчать быстрее, чем упоминание Уильяма Кейса. — Он хочет, чтобы я была активнее в Хардвике.

Адам изучающе оглядел меня.

— Ты этого хочешь?

— Я хочу знать, с кем разговаривает Айви.

— Тэсс, — на этот раз я услышала в голосе Адама предупреждение. — Айви не единственная, кто не хочет, чтобы ты в это вмешивалась.

«В это» — в значении «в новое дело Айви», или в значении «в огромную часть жизни Айви, к которой меня не подпускали»?

— Томми никогда не умел вовремя останавливаться, — голубые глаза моего дяди встретились с моими. — Он был не из тех, кто обдумывал свои поступки.

— Если бы он был таким, — негромко заметила я, — меня бы здесь не было, — я хотела, чтобы слова прозвучали легкомысленно. Но они прозвучали хрипло.

— Я любил своего брата. И ты так на него похожа, — теперь голос Адама походил на мой. — Будь я проклят, если я снова позволю тебе впутаться во что-то опасное.

Я притупила эмоции, которые вызвали во мне эти слова.

— Опасное?

Тишина.

— Кто там с Айви? — повторила я.

Адам потёр свой висок.

— Как будто со стеной говорю, — пробормотал он.

— Я тебя слышу, — сказала ему я. — Я стою прямо здесь.

Он пересек комнату и остановился прямо передо мной. Затем он опустил два пальца на мой подбородок, заставляя меня посмотреть на него.

— Не дави на меня, — негромко произнёс он. — Тебе не понравится результат.

Я никогда не знала моего биологического отца, но в этот момент я гадала — если бы он

был жив, если бы он был здесь, он сказал бы мне то же самое, с таким же предостережением в голосе?

— Скажи, что ты поняла, — приказал Адам.

Я поняла, что мой дядя очень серьезно относился к тому, чтобы я держалась подальше от происходящего. А значит, с кем бы ни встречалась Айви, что бы она не собиралась сделать — это было очень важно.

— Тэсс, я жду.

После долгого молчания, я произнесла то, что он хотел услышать.

— Я поняла.

Адам убрал руку с моего подбородка, ласково провел ею по моему затылку, а затем шагнул назад. Я последовала за ним, прочь из комнаты для переговоров. Стоило мне шагнуть в коридор, дверь офиса Айви открылась.

Адам тут же оказался рядом со мной, опуская руки мне на плечи. Если бы у него было время, он наверняка вывел бы меня из коридора, но в один миг глаза Айви замерли на мне. Со стороны выражение её лица и её поза выглядели абсолютно расслабленными, но я чувствовала, что она с трудом сохраняет самообладание.

Она думала, что я была наверху.

За спиной Айви появился Боди. Он беззвучно произнёс: «У тебя была одна задача».

— Адам уже вычитал меня за акт бунтарства, — сказала я Айви. Прежде чем она успела ответить, я обернулась к мужчине, стоявшему рядом с ней. Ему было чуть меньше тридцати. Его светлые волосы отросли достаточно сильно, чтобы выглядеть слегка неряшливыми. На его коже виднелся загар. Его лицо показалось мне отдаленно знакомым.

— Всё в порядке, — сказал мужчина Айви. — Я не кусаюсь, — темные круги под его глазами говорили о бессонных ночах, но его голос звучал насмешливо.

Айви боится не тебя, — подумала я, замечая, как она замерла на этих словах. — *Она боится чего-то другого.*

— Я — Тэсс, — сказала я, когда никто меня не представил. Через какой-то миг мужчина протянул мне руку. Адам чуть крепче сжал мои плечи.

— Уолкер, — произнёс мужчина.

Это имя запустило какой-то механизм в моём мозгу, и вдруг я поняла, почему он выглядел знакомо — и кого он мне напоминал.

Его мать.

Я пожала его руку.

— Уолкер, — повторила я. — Уолкер Нолан.

Младший сын президента.

ГЛАВА 6

Айви отказалась рассказывать мне что бы то ни было о визите Уолкера Нолана. Она уехала вскоре после него, а на следующее утро, когда я проснулась, её всё ещё не было дома.

Что такого должен был сказать сын президента, чтобы Айви сразу же переключилась в режим боевой готовности?

Прежде чем Боди высадил меня у Хардвика, он решил озвучить очевидное:

— Никому не рассказывай...

— О том, что у младшего сына президента какие-то проблемы? — закончила я. — Мой

рот на замке.

Прошлой ночью я засиделась допоздна, читая всю информацию об Уолкере Нолане, которую мне удалось найти в интернете. Единственный из трех сыновей Ноланов, отказавшийся от личной охраны. Ему было двадцать девять, и он старался держаться подальше от центра внимания. Прежде чем его отец стал президентом, он провёл два года с «Врачами без границ». Не нужно было быть политическим гением, чтобы догадаться, что любой скандал, связанный с сыном президента, может стать главной новостью, учитывая приближающиеся выборы.

В какие бы неприятности не ввязался Уолкер, даже Боди был на грани.

— Я не шучу, мелкая, — Боди повернулся ко мне и одарил меня многозначительным взглядом. — Что бы ты ни увидела или ни услышала — не говори ни слова.

Что-то опасное. Слова Адама эхом отдались в моей голове.

Мой желудок сжался.

— Я никому не расскажу.

Через пару секунд водитель Айви едва заметно кивнул.

— Выметайся отсюда, — сказал он, кивая в сторону школы. — И удачи с предвыборной компанией.

— Начнём с кандидатур на пост президентов классов, а затем перейдем к общешкольным должностям, — директор Хардвика был невысоким мужчиной в очках с исключительным чувством собственной важности и звучным голосом. — У вас есть кандидатуры на должность президента девятого класса?

Ученики принялись озвучивать кандидатуры, а я откинулась на спинку своего стула. Раз в месяц все старшеклассники Хардвика приходили в часовню для общешкольного собрания. Как и говорила Эмилия, сегодняшнее собрание было посвящено приближающимся выборам в студенческий совет.

Мне было сложно заставить себя волноваться о студенческом совете, когда интуиция подсказывала мне, что Айви находится на грани чего-то важного — чего-то ужасного.

Что бы ты ни увидела или ни услышала — не говори ни слова.

Я не могла выбросить из головы предостережение Боди. Каждый раз, когда я вспоминала об этих словах, они казались мне всё более и более жуткими. Что именно, по мнению Боди, я могла увидеть или услышать? Что могло заставить меня рассказать кому-нибудь о том, что Уолкер Нолан приезжал к нам домой?

Для чего сыну президента нужны услуги Айви?

Адам работал на Пентагон. С тех пор, как я переехала в Вашингтон, он помогал Айви с одним единственным делом: убийством судьи Маркетта.

Что бы ты ни увидела или ни услышала...

— А теперь мы переходим к кандидатурам на должность школьного президента, — мои размышления нарушил голос директора. Всё моё тело застыло, пока я гадала о том, как долго я сидела здесь, снова и снова прокручивая в мыслях предупреждение Боди.

— На пост президента может претендовать любой одиннадцатиклассник с хорошим уровнем успеваемости, — торжественно, словно выносящие вердикт присяжные, продолжил директор. — Я бы посоветовал вам хорошенько подумать о том, кто лучше всех сможет представлять учеников и принципы Академии Хардвика.

На какой-то миг повисла тишина, а затем её нарушил Ашер. Он поднялся на ноги,

выкрикивая:

— Выслушайте, выслушайте!

Директор очень походил на человека, страдающего от мигрени.

— Мистер Роудс, — произнёс он. — Будьте так любезны, чуть меньше драматизма.

В ответ Ашер положил ладонь на сердце.

— Я, Ашер Роудс, находясь в более или менее здоровом уме и твёрдой памяти, настоящими словами выдвигаю кандидатуру благородного — и, позвольте добавить, до смешного привлекательного — Генри Маркетта.

Кажется, Ашер не знал значения слова «меньше».

— Кто из вас встанет на нашу сторону? — спросил он, выбрасывая в воздух оба кулака.

Я вспомнила о том, как Эмилия сказала, что Джон Томас будет одним из её конкурентов. Когда кто-то поддержал кандидатуру Генри, она поймала мой взгляд и едва заметно пожала плечами. Судя по всему, она всё ещё ждала, что я выполню свою часть сделки.

— Вы принимаете эту номинацию? — спросил у Генри директор.

— Я приму её, — сказал Генри, — но только при условии, что Ашер согласится больше никогда не называть меня привлекательным.

Я фыркнула.

— Я ни о чём не сожалею! — крикнул Ашер.

Через несколько секунд кто-то выкрикнул:

— Я выдвигаю кандидатуру Джона Томаса Уилкокса.

Его кандидатуру поддержал парень из команды по лакроссу — тот самый, которому нравилось издеваться над новичками, пока я не положила этому конец.

— Я — Джон Томас Уилкокс, — произнёс Джон Томас с чем-то вроде благой улыбки на лице, — и я принимаю эту номинацию.

Раздалось несколько смешков.

— У нас всё ещё есть места, — объявил директор. — Третья кандидатура?

Эмилия сверлила меня взглядом. Ответив ей тем же, я поднялась на ноги.

— Мисс Кендрик, — произнёс директор. — Эмм... Кейс, — поправился он. — Тэсс.

С моей фамилией всё ещё возникали некоторые сложности.

— Вы хотите выдвинуть кандидатуру? — спросил у меня Рэлей.

Не глядя на Генри, я ответила.

— Я выдвигаю кандидатуру Эмилии Роудс.

ГЛАВА 7

— Шантаж или подкуп? — после того, как нас отпустили из часовни, Ашер догнал меня у главного школьного здания.

Я не ответила.

— Шантаж или подкуп? — повторил Ашер. — Потому что я очень сомневаюсь в том, что ты внезапно вспылала восхищением к гражданской позиции моей сестры, какой бы милой она не была.

В этот момент я бы не описала Эмилию Роудс словом «милая».

— Моя дражайшая, любимая сестра не сказала, что её конкурентом будет Генри, не так ли? — спросил Ашер.

— Она упустила эту мелочь, — сухо ответила я.

По другую сторону от меня появилась Вивви.

— Генри был президентом нашего класса ещё с детского сада. Все думали, что в этом году он наверняка станет школьным президентом.

— У вас в детском саду был президент класса? — скептически спросила я.

Ашер кивнул.

— Генри был единственным пятилетним ребенком, предвыборная компания которого состояла из трёх частей.

Я понятия не имела о том, шутил Ашер или нет.

— И третьей частью, — продолжил он, — было печенье.

Когда мы добрались к двери главного здания, из него поспешно вышел учитель живописи.

— Внутрь, — сказал он. — Все в класс, — учитель был напряжен, словно натянутая эластичная резинка.

Мы зашли в здание. По всему коридору учителя поспешно отправляли учеников по кабинетам. По моему позвоночнику скользнула тревога.

Что бы ты ни увидела или ни услышала...

Рядом со мной появился Генри. Судя по выражению его лица, сейчас выборы в студенческий совет были последним, что его волновало. Его челюсть была напряжена, а темная кожа туго натянулась на скулах. Его губы застыли в мрачной линии.

— Что происходит? — шагая в кабинет, спросила у него я. Вокруг меня перешептывались ученики. Учитель сказал нам сесть на наши места — но я была сосредоточена на Генри.

Не произнося ни слова, он передал мне свой телефон. Я заставила себя посмотреть на экран.

«В Вашингтонской больнице взорвалась бомба».

Воздух в моих лёгких покрылся льдом. Я не могла вдохнуть. Не могла выдохнуть.

Что бы ты ни увидела или ни услышала — не говори ни слова.

ГЛАВА 8

Я не знала, была ли проблема Уолкера Нолана как-то связана с событием, которое пресса называла «террористическим актом». Дрожащими руками я отправила Айви сообщение. Мне нужно было услышать, что она в порядке. Ради этого дела Айви позвонила Адаму. Адам работает на Пентагоне. Боди сказал мне никому не рассказывать...

Меньше минуты спустя Айви ответила на моё сообщение. *«Я в порядке. Кто-нибудь может подвезти тебя домой?»*

Другими словами: ей нужен Боди.

«Что происходит?» — ответила я.

Через несколько секунд я получила ответ.

«Кто-нибудь может подвезти тебя домой?»

Наш учитель испанского заметил мой телефон, но не стал делать мне замечания. Я была не единственной, кто писал родителям.

«Да». Я напечатала ответ, сдерживая желание повторить свой вопрос, как Айви повторила свой. У Генри была машина. Как и у Эмилии — и Ашер часто был не против её

«позаимствовать». Я смогу добраться домой из школы.

Шесть следующих часов я провела, гадая о том, зачем Айви понадобился Боди.

Пролетел урок испанского, а вслед за ним — урок физики. Собрание в часовне заменило мой первый урок английского, так что пятый урок — единственный урок, который я делила с Джоном Томасом Уилкоксом — наступил довольно быстро.

— Ходят слухи, что ты помогаешь Эмили Роудс с её предвыборной компанией, — Джон Томас явно не слишком переживал из-за новостей о взрыве. Остальные ученики были на грани от напоминания о том, что плохие вещи могли происходить совсем близко. Выражение лица Джона Томаса было, как и полагается, печальным. Но с ним плохо сочетался блеск его глаз.

— Совсем как твоя сестра помогла президенту Нолану, — продолжил Джон Томас. — И только посмотри, что из этого вышло. Ноланы сделали из национальной безопасности кавардак. Кто бы сегодня ни пострадал, их кровь на руках твоего президента — и твоей сестры.

Что бы ты ни увидела или ни услышала — не говори ни слова.

— Начинается урок, — Генри сел за парту передо мной и смерил Джона Томаса взглядом. — Смотри вперед, Уилкоккс.

— Защищает тебя, да? — спросил у меня Джон Томас. — Ты и правда умеешь обращаться с противоположным полом.

Одним из немногих приемов в репертуаре Джона Томаса было предположение о том, что я укрепила своё положение в Хардвике, переспав с большинством старшеклассников. Ему никогда не удавалось заставить меня отреагировать на эти слова, но он не переставал пытаться.

Кажется, мистер Уэсли — преподаватель предмета под названием «Говоря о словах» — что-то вроде ораторского искусства в Хардвике — почувствовал, что сегодня был неподходящий день для лекции. Он включил запись поэтического слэма и выключил свет.

— Девушки вроде тебя, женщины вроде твоей сестры — хороши только для одного, — прошептал Джон Томас. — И я говорю не о предвыборных компаниях.

— Мистер Уилкоккс, — прикрикнул учитель. — Смотрите видео.

Взгляд Джона Томаса замер на мне.

— Я смотрю.

ГЛАВА 9

— Источники сообщают, что во время сегодняшнего взрыва никто не пострадал — во многом благодаря анонимной наводке насчет этой женщины, поступившей в Министерство внутренней безопасности прошлой ночью.

Как только начался урок «Проблемы современного мира», Доктор Кларк приглушила свет и включила новости. В отличие от видеоролика на «Говоря о словах», теперь все сосредоточились на экране.

Эта женщина. Вместе со словами ведущего на экране появился снимок, сделанный издали. Женщина была молода — темные волосы, светлая кожа, атлетическое телосложение.

— Хоть правительство ещё не подтвердило личность этой женщины, в прессу просочились документы, судя по которым она была медиком-исследователем и жила в

Бетесде под именем Даниэлы Николае. Пока что неизвестно, является ли это имя настоящим.

В передней части кабинета Доктор Кларк наблюдала за тем, как мы смотрим новости. Я взглянула на Генри, не сводившего взгляда с экрана, а затем — на Ашера, сидящего так неподвижно, как никогда прежде. Сидящая рядом со мной Вивви теребила рукав своего блейзера, опустив свои тёмно-карие глаза.

— Никто не пострадал. Подозреваемую задержали. Кажется, это победа для нынешнего правительства.

Пока я наблюдала за моими друзьями, программа перешла в режим дебатов. По обе стороны от ведущего сидели эксперты. Не успел мужчина высказать своё мнение, как вмешалась женщина.

— Кто эта Даниэла Николае? Как она попала в страну? И почему только анонимная наводка отделяет нас от террористической атаки на Америку? — вторым экспертом была рыжеволосая женщина чуть старше сорока. Она была довольно симпатичной и чрезвычайно безжалостной. — Под правлением Нолана, — продолжила она, не давая своему собеседнику вставить и слово, — наша разведка тратит больше времени на то, чтобы шпионить за американскими гражданами и контролировать наши личные системы связи, чем на то, чтобы отслеживать иностранцев вроде Николае.

Между экспертами вспыхнул спор. Когда ведущему снова удалось заговорить, он серьезно обратился к камере.

— Вот, что мы знаем: судя по её паспорту, Даниэле Николае двадцать восемь лет. Она обладает двойным гражданством в Венесуэле и Беларуси. Она училась в Англии и закончила Оксфорд со степенью в медицине в возрасте двадцати четырех лет. Три года она работала с «Врачами без границ», а затем основала исследовательское товарищество здесь, в Штатах.

— И единственная причина, по которой мы об этом знаем, — снова заговорила женщина-эксперт, — единственная причина, по которой мы знаем хотя бы имя этой женщины — утечка информации. Честно говоря, я даже не знаю, стоит ли волноваться о том, почему президент всё ещё не прокомментировал происходящее, или о том, что у него под носом происходят утечки информации.

Доктор Кларк подняла пульт и выключила телевизор. Когда экран потемнел, она сказала что-то о том, чтобы мы разделились на небольшие группы и обсудили сегодняшние события, но я почти её не услышала.

Я думала о трёх словах, прокравшихся в уничтожительную критику женщины-эксперта. *«Врачи без границ».*

ГЛАВА 10

На протяжении двух лет Уолкер Нолан был волонтером за границей, работая с «Врачами без границ». Я хотела поверить в то, что тот факт, что Даниэла Николае работала на ту же организацию, был совпадением.

Я хотела, но не могла.

Министерство внутренней безопасности получило анонимную наводку, — напомнил мне мой мозг. Айви решает проблемы. У Уолкера Нолана была проблема — и для её решения понадобились связи Айви в Пентагоне.

— Ты подозрительно молчаливая, — Генри предложил подвезти меня домой. До этого

момента наша поездка проходила в тишине. Генри мельком взглянул на меня. — В последний раз, когда ты была молчаливой, Кендрик, ты затевала крах отца Джереми Бэнкрофта.

Я пообещала Боди, что не скажу никому ни слова об Уолкере Нолане. Мне не впервые приходилось скрывать что-то от Генри.

И скорее всего, не в последний раз.

— Я ничего не затеваю, — сказала я сидящему рядом со мной парню. — Обещаю.

— Ты меня так успокоила, — сказал Генри. Он остановился на светофоре и обернулся ко мне. — Это моё спокойное лицо.

— Ты говоришь, как Ашер, — парировала я. — У него есть выражение лица на все случаи жизни.

— А вот у тебя, — сказал Генри, — есть покер-фейс, который появляется, когда ты о чём-то волнуешься.

— Не только я молчала, — заметила я. Первую половину пути Генри был погружен в свои мысли не меньше меня. *И не только у меня есть покер-фейс*, — мысленно добавила я.

Я думала об Уолкере Нолане. О чём думал Генри?

— Джон Томас Уилкоккс, — у Генри отлично получалось менять тему разговора. — Сегодня на пятом уроке. Что бы он ни говорил о тебе или об Айви, он не достоин даже секунды твоих размышлений.

— Тебе не кажется, что это немного лицемерно — говорить мне не обращать внимания на то, что Джон Томас сказал об Айви? — небрежно произнесла я. — Ты никогда не был членом фан-клуба Айви Кендрик.

Я ожидала, что Генри ответит мне остроумной репликой, но вместо этого он снова замолчал.

За год до того, как я поступила в Хардвик, отец Генри погиб в автокатастрофе — по крайней мере, так считало большинство людей. Но Генри рассказал мне правду: его отец покончил с собой, а Айви скрыла это. Никто кроме Генри и Айви — и меня — не знал о том, что произошло на самом деле.

Она сделала меня соучастником. Я всё ещё видела боль на лице Генри, когда он произносил эти слова.

Я не хотела, чтобы он когда-нибудь снова почувствовал эту боль, пусть даже всего на миг.

— Ты совсем не такой, как Джон Томас, — сказала я Генри. — Я это знаю. Прости. Просто мне...

— Не нравится, когда тебе советуют, как себя с ним вести, учитывая то, что ты и сама можешь справиться с Джоном Томасом Уилкоксом? — предположил Генри.

— Именно, — согласилась я. — Но ещё... Я даже о нём не думала. Я думала о том, что сегодня произошло. О взрыве, — вот и вся правда, которую я могла сказать, не нарушая данное мной Боди обещание.

Я думала об Уолкере Нолане и Даниэле Николае.

— Это иначе, — мягко произнёс Генри, — для тех, кто кого-то потерял.

В Хардвике не было ничего общего с моей бывшей школой в Монтане. По коридорам ходила Анна Хейден с личной охраной. За происходящим на территории школы наблюдали камеры слежения. Каждого посетителя подвергали проверке. Школьные охранники были незаметны, но вооружены.

Возможность ходить в школу, которую охраняли лучше, чем некоторые государственные учреждения, странно на нас влияла. В Хардвике ученики были хорошо осведомлены о широкомасштабных атаках, но нас заставляли поверить в то, что подобное не могло произойти здесь.

Некоторых из наших одноклассников потряс сегодняшний взрыв. Другие, вроде Джона Томаса, смогли отмахнуться от этого. Но Генри был прав — для нас это всегда будет иначе.

Если ты встречался со смертью лицом к лицу, тебе было проще почувствовать её дыхание на своей шее — и на шеях твоих близких.

— Я всё ещё вижу Айви с бомбой на груди, — я никому об этом не рассказывала. Я повернулась к окну, чтобы Генри не видел выражения моего лица. — Иногда, — мягко продолжила я, — я просыпаюсь посреди ночи, и на какой-то миг мне кажется, что я снова в том подвале с телохранителем президента.

На миг повисла тишина. А затем Генри оплатил мне той же монетой.

— Это я нашел моего отца.

Я не стала оборачиваться к Генри. Если бы я смотрела на него, он бы не стал об этом говорить.

— Я думал об этом, когда услышал о взрыве, — сказал Генри. — Видел это. Мой отец просто... лежал на полу. С открытыми... пустыми глазами. В те выходные меня не должно было быть дома. Никого из нас не должно было там быть. А когда я нашел его...

Его глаза притягивали мои, словно магниты.

— Я сбежал, — сказал Генри. — Я просто... сбежал. А через несколько часов мне позвонили и сказали об аварии.

Аварии, которую подстроила Айви.

Горе походило на матрешку. Каждая следующая травма состояла из травм, через которые ты прошел до неё. Когда мне было четыре, я не знала, как скорбеть по моим родителям — родителям Айви. Но я скорбела о них в тринадцать, когда Айви ушла из моей жизни, и в пятнадцать, когда заболел дедушка. На протяжении прошлых месяцев я чувствовала это снова и снова.

Сегодня никто не умер. Но сначала мы этого не знали.

Генри сглотнул. Я видела, как он запирает свои эмоции, скрывает их даже от себя самого.

— Тэсс. То, что я тебе только что сказал...

— Останется между нами, — сказала я. Генри Маркетту было не просто доверять людям. Эта черта была для нас общей. — Я умею хранить секреты, — сказала я.

Я уже хранила столько тайн. Чем могла навредить ещё одна?

ГЛАВА 11

Когда мы подъехали к дому Айви, через дорогу от него была припаркована машина. В отличие от автомобиля Уолкера, эта машина подходила под описание, которые я привыкла ассоциировать со многими клиентами Айви — тёмное авто с тонированными окнами. Рядом с машиной стоял водитель. Я взглянула на газон перед домом, и мой взгляд замер на владельце машины.

Уильям Кейс.

Генри поймал мой взгляд и склонил голову на бок, безмолвно спрашивая у меня всё ли в

порядке.

Я понятия не имела о том, кого поджидал Кейс — меня или Айви. Так или иначе, я отрывисто кивнула.

— Он лает, но не кусает.

Генри многозначительно взглянул на меня.

— Я очень в этом сомневаюсь.

— Как бы то ни было, — сказала я, — на меня Уильям Кейс может только скалиться.

Я — Кейс.

— Сейчас ты попросишь меня угнать его машину в качестве отвлекающего маневра? — спросил Генри, изгибая бровь. — Или ты задумала какое-то другое преступление?

— Очень смешно, — сказала я, потянувшись к двери.

— Я могу провести тебя к дому, — на этот раз голос Генри звучал мягче.

Я открыла дверцу машины.

— Расслабься, сэр Галахад, — ответила я, изгибая собственную бровь. — Я могу о себе позаботиться.

Я захлопнула дверцу и отправилась навстречу неприятностям — какими бы они ни были.

— Тереза, — Кейс стоял спиной к входной двери. Моё имя было также именем его покойной жены. Когда я была маленькой, Айви и дедушка называли меня полным именем, только если я напрашивалась на неприятности. Что мог означать тот факт, что сейчас Уильям Кейс называл меня именно так. — Где она?

Скорее требование, чем вопрос. «Она» — определено Айви.

— Я тоже рада вас видеть, — пробормотала я.

— При других обстоятельствах, я бы с радостью поспорил с тобой, моя дорогая, но это не игра. Где Айви?

— Я не знаю, — впервые я порадовалась тому, что Айви держала меня в неведении.

— У тебя есть мобильный, — не вопрос, а факт. — Позвони ей, — Кейс раздавал приказы, словно Бог, провозглашающий одиннадцатую заповедь.

Я скрестила руки на груди и взглянула на него, прищурившись — точь-в-точь как он смотрел на меня.

— Почему?

— Потому что, — парировал он, — она возьмет трубку, если позвонишь ты.

Я хотела отказаться из принципа, но Айви захочет узнать о том, что Кейс приехал к нам домой. А я хотела узнать, о чём ему так сильно нужно было с ней поговорить.

Я достала свой телефон и набрала её номер. Айви подняла трубку после трёх гудков.

— Ты в порядке?

— Со мной всё хорошо, — ответила я. — Но я не одна. Кое-кто поджидал меня, когда я приехала домой из школы. Высокий. С причудами. Большой фанат графа Уорика.

Кейс выхватил у меня телефон.

— Ты сейчас же расскажешь мне, что за игру ты ведешь, Айви.

Эти слова подтвердили мои подозрения о том, что происходило больше, чем я знала — и Айви оказалась в самой гуще событий.

Она ничего вам не расскажет, — подумала я, мысленно обращаясь к Кейсу.

Судя по всему, на другом конце провода Айви сказала что-то подобное.

— Ходят слухи, — сказал ей Уильям Кейс. Его слова очень походили на угрозу.

Слухи о чём? — гадала я.

— Люди задаются вопросами о том, как улаживают эту ситуацию, и не мне говорить тебе о том, как подобные вопросы могут повлиять на партию во время выборов, — не дожидаясь ответа, Кейс перешел к самому важному. — Вчера вечером к тебе приезжал младший сын Ноланов. Почему?

Слушая этот разговор, я чувствовала себя так, словно наблюдаю за тем, как старик играет в шахматы. Каждый ход был просчитан, каждый ход был частью плана.

К несчастью для Уильяма Кейса, когда он учил Айви правилам этой игры, он был слишком хорошим учителем. Она не расскажет ему ничего, если не хочет, чтобы он об этом знал. Повернувшись ко мне спиной, Кейс ответил на слова Айви. Я не смогла разобрать его слов.

Меньше минуты спустя он выругался и повесил трубку. Когда он снова обернулся ко мне, он полностью контролировал выражение своего лица. Он протянул мне мой телефон. Я сжала его в ладони и сделала собственный ход.

— Даниэла Николае, — сказала я. На какой-то миг на его лице мелькнуло удивление, сразу же сменившееся хмурым взглядом. — Вы сказали, что люди задаются вопросами о том, как улаживают эту ситуацию, — продолжила я. — Насколько я понимаю, вы имели в виду взрыв.

Создатель королей изучал меня взглядом, как он делал, когда мы играли в шахматы — пытаюсь увидеть, усвоила ли я его урок.

— Мы с твоей матерью сходимся мнениями в одном, — наконец произнёс он. — Что бы ни происходило, это не твоё дело.

Я ожидала подобного от Айви с Адамом, но не от него.

Кейс бесстрастно изучал меня.

— Тебе не нравится, когда тебя держат в неведении, — сказал он. — Это у тебя от меня, — он зашагал к машине. — Пойдём.

Я не сдвинулась с места.

Уильям Кейс обернулся ко мне.

— Обо мне можно сказать многое, Тереза, но я не из тех, кто оставит свою единственную внучку одну в таком доме в такое время. Айви играет с огнём. И я не позволю ей сжечь и тебя. Если она не может обеспечить тебе соответствующую охрану, то это сделаю я.

Вот почему Айви не хотела, чтобы Кейс знал о моём существовании. Он раздавал приказы и полностью контролировал всех, кто находился в кругу его близких. И как только он узнал, что во мне текла кровь его сына, я вошла в этот круг.

— Если хочешь, — вкрадчиво произнёс Кейс, — я могу приказать Хэйсу остаться здесь до возвращения Айви, — он кивнул в сторону своего водителя.

Стратегия. Ресурсы. Влияние. Семья была важна для Кейса — но отправить своего человека в дом Айви. Заглянуть в её офис?

Это многого стоило.

Я выбрала меньшее из двух зол.

— Куда мы едем?

Мы поехали в торговый комплекс. В любом другом городе в мире это могло бы подразумевать шоппинг, но на Национальной алее не было магазинов. Мы с Кейсом стояли у Отражающего Бассейна. Неподалеку от нас возвышался над туристами Мемориал

Линкольна. На дальней стороне Отражающего Бассейна Монумент Вашингтона резко прорезал серое небо.

— Тебя подвёз до дома мальчик Маркеттов, — кажется, Кейс обращался скорее к воде, чем ко мне. — Его мать Эбеллард, не так ли?

Я посчитала этот вопрос риторическим.

— Очень важно, — вдумчиво произнёс Кейс, — подружиться с правильными людьми.

В его глазах, Генри был «правильным» человеком.

— Ты видела Уолкера Нолана, когда он приезжал к Айви? — осведомился Кейс. Что-то подсказывало мне, что он хотел спросить об этом с самого начала.

Я была не против тишины. Не против оставить его вопросы неотвеченными. Иногда таким образом мне удавалось заставить человека сказать больше.

— Иногда, — вздохнул Кейс, — ты очень сильно напоминаешь мне мою жену.

Я не собиралась рассказывать ему что бы то ни было о работе Айви, а он не собирался делиться со мной тем, что он знал. Но я чувствовала себя так, словно я должна сказать ему что-то взамен на эти слова о бабушке, с которой я никогда не встречалась.

— Сын конгрессмена баллотируется в студенческий совет, — вот и всё, что я могла предложить ради примирения. — Я планирую, что он проиграет.

Старик негромко фыркнул.

— Забавно, — сказал он, — не так ли, что иногда проигравший значит куда больше, чем победитель? — он поднял глаза от воды. Его взгляд остановился на чём-то, а затем вернулся ко мне. — Дашь нам минутку, Тэсс?

Нам? Я обернулась и увидела неподалеку женщину. Её волосы скрывала шаль, а на лице красовались тёмные очки. Несмотря на маскировку, я сразу же узнала её.

Джорджия Нолан. Первая Леди.

Я попыталась принять тот факт, что она была здесь, в то время как СМИ атаковало президента по поводу взрыва в больнице. Не самое подходящее время для прогулки Первой Леди по Национальной Аллее.

Она пришла сюда, чтобы встретиться с Кейсом. Почему?

Я развернулась и зашагала к Мемориалу Линкольна, а затем остановилась у подножья его ступенек, глядя на моего деда по отцовской линии и Первую Леди. Неподалеку от неё стоял её личный охранник. Их с Кейсом разделяло несколько футов. Они говорили, не глядя друг на друга.

Что могло заставить её прийти сюда ради разговора с ним? И, если он собирался встретиться с ней, зачем он взял меня с собой?

Мои вопросы остались неотвеченными. Джорджия исчезла ровно через три минуты после того, как появилась.

ГЛАВА 12

Как только мы подъехали к дому Айви, я увидела мигающие огни. Прежде чем Кейс успел приказать мне оставаться на месте, я выбралась из машины и миновала припаркованную у дома полицейскую машину.

— Айви? — я позвала её по имени за миг до того, как увидела её. На ней был тёмно-синий блейзер, а её темно-русые волосы были аккуратно заколоты на затылке.

— Уверю вас, — Айви разговаривала с полицейским, всем своим видом излучая

самообладание, — всё в порядке, — она заметила меня. — Прошу прощения, теперь я должна позаботиться о моей дочери.

Отослав полицейского, она поспешно провела к дому.

— Что случилось? — негромко спросила у неё я.

— Насколько известно полиции, — ответила Айви, — ничего. Сигнализация сработала случайно.

— Что случилось на самом деле? — парировала я.

Я видела, как Айви взвешивает свои возможности. В конечном счёте, она, кажется, решила, что я смогу справиться с правдой.

— Кто-то забрался в дом. Они обыскали мой офис, но не нашли того, что искали.

Я не стала спрашивать, почему Айви отослала полицию. Она бы не хотела, чтобы стали ходить слухи о том, что кому-то удалось прорваться через её охрану.

— Что они искали? — спросила я.

Айви взглянула на дверь, словно она видела то, что находится за ней.

— Рычаг давления.

Дождавшись того, когда полиция уехала, к дому подошел Уильям Кейс.

— Подожди наверху, — сказала мне Айви.

Она не спросила меня о том, где я была, когда она приехала домой. Я гадала, станет ли создатель королей упоминать о том, что если бы я не поехала с ним, я могла бы быть в доме, когда кто-то вломился туда. А потом я подумала о том, посчитает ли Айви совпадением то, что он увёз меня из дома прямо перед тем, как кто-то забрался туда и перевернул её офис вверх дном.

Они что-то искали. Что-то, связанное с Уолкером Ноланом. Мысли путались у меня в голове, пока я поднималась по спиральной лестнице. Я остановилась на её вершине, но ничего не услышала.

Кейс встречался с Джорджией Нолан. Сын президента знал о террористической атаке. Люди начинают задавать вопросы.

Мысли приходили в мою голову одна за другой, пока Айви не поднялась на второй этаж. Она нерешительно посмотрела на меня.

— Сейчас ты должна разозлиться на меня за то, о чём я не могу тебе рассказать, или я должна напомнить тебе не доверять Уильяму Кейсу? — в голосе Айви не было и капли злости или раздражения. Она звучала уставшей.

Я хотела сказать ей так много вещей. Я хотела сказать, что она может мне доверять, что её скрытность всего лишь отталкивает меня ещё дальше. Хотела сказать, что это было не честно. Она имела право защищать меня, а я должна была просто сидеть и позволять ей, как выразился Кейс, играть с огнём.

Я хотела сказать ей, что она не могла снова так со мной поступить. Но она была уставшей, она была рядом, и она была цела.

— Сейчас я должна сделать домашнее задание, — мягко произнесла я, — а ты должна заказать еду, чтобы мы могли притвориться, что всё в порядке.

ГЛАВА 13

На следующее утро Хардвик вернулся в норму — более или менее.

— Не оборачивайтесь, — прошептал Ашер. — Но мне кажется, что за вами следят.

Вивви тут же обернулась. Скрытность не была её сильной стороной.

— Я бы сказала, «подзывают», — помыслив несколько секунд, сказала она Ашеру.

— Может, «призывают»? — ответил Ашер.

На противоположной стороне кафетерия Эмилия Роудс прищурилась и жестом приказала мне подойти. Ашер был прав. Она вызывала меня. Напоследок взглянув на Ашера с Вивви, я сжала зубы и подошла к Эмили, чтобы узнать, чего она хотела.

— Мы получим голоса клуба роботостроения и джаз-бэнда, — когда я села за их столик, Майя Роджас провела пальцами по кончику своей соломинки. — Я могу заполучить голоса девочек из команды по баскетболу, а то, что твою кандидатуру выдвинула Тэсс, кажется, повлияло на девятиклассников.

— Но, — подсказала Эмилия.

— Тем не менее, — осторожно произнесла Майя, — Генри очень популярен среди девятиклассниц. И десятиклассниц. И большей части одиннадцатиклассников.

— А Джон Томас? — Эмилия была непоколебима.

— Его поддерживают некоторые любители вечеринок и многие парни из девятого и десятого класса, — мать Майи была специалистом по опросам общественного мнения и работала на президента. Судя по всему, Майя кое-чему у неё научилась.

— Нам нужны голоса ребят из младших классов, — сказала Майя. — Они не очень хорошо знают кандидатов, так что их голоса может заполучить кто угодно.

Эмилия повернулась от Майи ко мне.

— Ты у нас заклинатель девятиклассников, — прямо произнесла она. — Есть предложения?

До начала первого урока оставалось ещё десять минут. У нас было на десять минут больше, чем мне хотелось бы.

— Я вернусь к этому вопросу позже, — сказала я. Слишком рано для этих разговоров.

Эмилия открыла было рот, чтобы возразить, но, прежде чем она успела заговорить, на столе завибрировал её телефон.

Как и телефон Майи.

Как и мой телефон.

На миг мы застыли, не произнося ни слова. Телефоны звенели по всему кафетерию и в коридоре.

Майя — спортсменка в трёх разных видах спорта — среагировала быстрее, чем мы с Эмилией. Она нажала на кнопку на своём телефоне, затем судорожно вдохнула и протянула руку, останавливая Эмилию, прежде чем она успела посмотреть на свой.

— Наверное, ночка была веселой! — выкрикнул кто-то.

Я опустила взгляд на экран своего телефона. Сообщение с фотографией. Я нажала на экран, чтобы открыть фото. На снимке Эмилия осела у стены ванной. Её волосы спадали ей на лицо. Она была полностью одета, но явно пьяна.

Страхнув хватку Майи, Эмилия взяла свой телефон. Она уставилась на фото. Её светлая кожа побледнела ещё сильнее. Она сжала губы, но я видела, как дрожит её подбородок.

— Всем плевать, — сказала ей Майя. — Что такого, если ты хорошо провела вечер. Это делала половина школы.

Эмилия всё ещё смотрела на снимок. Я протянула руку и забрала её телефон, закрывая фото. Даже когда я забрала у неё телефон, Эмилия продолжила глядеть на свою руку.

— Почему я не слышала эту историю? — за наш столик под села подруга Эмили Ди. —

Ты знаешь все мои истории, негодница.

Учитывая то, что имя Ди было сокращением слов «дипломатический иммунитет», а она никогда не отклоняла вызовы, её истории явно могли утереть нос истории Эмилии.

— Кто получил это сообщение? — Эмилия наконец смогла заговорить. Её голос звучал гортанно. — Кто видел эту фотографию?

Судя по перешептыванию и любопытным взглядам учеников в кафетерии и коридоре, я догадывалась, каким был ответ на этот вопрос — а ещё я догадывалась о том, кто мог разослать это фото.

— Всем плевать, — повторила Майя. — Мы все иногда немного сходим с ума.

Эмилия поднялась на ноги и выхватила у меня свой телефон.

— Не я.

Эмилии не было на уроке физики, но все всё равно говорили только о ней.

— Я не думала, что она такая.

— Когда её сфотографировали?

— Я всегда считала её такой идеальной.

— Стойте, стойте — угадайте, кто я? — за соседним столиком для лабораторных работ парень уставился вдаль стеклянным взглядом и лениво приоткрыл рот.

В нескольких столиках от него, Генри поднялся на ноги. Он пересек комнату и замер, опустив руки на столик этого парня.

Друзья парня медленно перестали смеяться.

— Сдаюсь, — абсолютно спокойно произнёс Генри. — Кто ты?

Внезапно, парень очень сильно заинтересовался своей тетрадью.

— Эмилия в порядке? — вопрос Вивви вернул меня за наш столик. Вивви понизила голос. — В смысле, я понимаю, что она наверняка не рада, но по шкале от полной противоположности порядка до порядка... — Вивви прикусила свою нижнюю губу. — Она в порядке?

Я взглянула на Генри, а затем ответила:

— Она хочет, чтобы мы так думали.

— Чисто гипотетически, — произнёс Ашер, подходя к нам в кафетерии, — если бы кто-то планировал совершить что-то безрассудное, чтобы отвлечь внимание осуждающих людей от своей близняшки, было бы лучше, если бы в этом был замешан самодельный дельтаплан или...

— Нет, — Генри перебил Ашера до того, как он успел озвучить второй вариант.

— Очень мило, что ты хочешь помочь Эмилии, — сказала Ашеру Вивви, — абсолютно неразумным способом.

— Именно, — провозгласил Ашер. — Я — сама душа альтруизма, поэтому я и пытаюсь выбрать между прыжком с крыши часовни с дельтапланом и...

— Нет, — Генри серьезно посмотрел на Ашера.

— Может быть, у тебя нет права голоса, — сказал Генри Ашер.

— Может быть, ты дал мне право на вето, когда нам было по семь лет, — парировал Генри. — И, возможно, последнее, чего хочет Эмилия — чтобы ты спрыгнул с крыши.

— Будьте прокляты ты и твоя адская логика, Маркетт! — всем своим видом выражая горе, Ашер потянулся к Генри и выхватил у него печенье.

— Всё это утихнет, — сказала я Ашеру.

Сплетни уже начали затихать. Как и сказала Майя, фотография была не такой уж скандальной. Единственной причиной, по которой ей уделили столько внимания, было то, что Эмилия Роудс была идеальной, отличницей и всегда добивалась своих целей. Она заботилась о своей репутации также рьяно, как о подготовке к экзаменам. Она создала свой образ, и эта фотография в него не вписывалась.

— Считай это моим первым залпом, — Джон Томас Уилкокс проскользнул ко мне в очереди за ланчем. Он говорил негромко — эти слова явно предназначались только для моих ушей.

В это время Генри стоял у кассы. Ашер и Вивви разговаривали друг с другом.

Джон Томас подался вперед, вторгаясь в моё личное пространство. Я помогла ему отстраниться. Силой.

— Осторожно, — ухмыльнулся Джон Томас. — Ты же не хочешь, чтобы тебя вызвали к директору за драку.

Плевать. Я отметила, что он больше не пытался осматривать меня плотоядным взглядом.

— Я считаю, — на этот раз громче — чтобы его услышали — произнёс он, — кто-то сделал Мисс Снежной Королеве одолжение. Нельзя быть такой зажатой.

Я добралась до начала очереди и дала кассиру своё ученическое удостоверение, чтобы заплатить за еду.

— Благодаря этой фотографии она кажется более человеческой, — продолжил Джон Томас. — Как будто она правда умеет веселиться.

Когда кассир отдал мне мою карточку, я развернулась, чтобы уйти. На протяжении всего разговора выражение моего лица не изменилось. Со временем Джон Томас поймет, что ему не удалось вытянуть из меня ни одного ответа.

Некоторые люди не стоили усилий, которые нужно было приложить, чтобы сбить с них спесь.

Я была на полпути к нашему столику, когда заметила, что за столиком Эмилии появился посетитель. Мистер Коллинз. Учитель фотографии. Даже на расстоянии я видела неодобрение на его лице, и панику, мелькнувшую на лице Эмилии, когда он вывел её из комнаты.

— Как жаль, — ко мне снова подошел Джон Томас. — Администрация Хардвика никогда не одобряла умение веселиться. Особенно, — добавил он, — когда кто-то достаточно беспечен, чтобы это запечатлели на камеру.

ГЛАВА 14

Я пропустила ланч.

Когда-то здание администрации Хардвика было чьим-то домом. Теперь оно было памятником старины.

Когда я зашла, секретарша директора подняла взгляд от своего стола.

— Тэсс, — мягко произнесла она. — Чем я могу тебе помочь?

Кажется, миссис Перкинс, которая носила вязанные свитера с кардиганами и пекла печенье, умела быть только мягкой.

— Я ищу Эмилию Роудс, — сказала я. Возможно, Джон Томас обманул меня, а мистер

Коллинз просто хотел поговорить с Эмилией.

Миссис Перкинс развеяла мои сомнения.

— Она в кабинете директора. Если хочешь, можешь подождать её, — она склонила голову на бок. — Но разве сейчас не время ланча? Тебе правда не стоит пропускать приемы пищи, Тэсс.

На её столе зазвонил телефон. Она ответила на звонок, а когда она отвернулась, чтобы взглянуть на экран компьютера, я нырнула под её стол и бросилась к кабинету директора.

Когда-то Адам сказал, что мой отец часто делал что-то, не думая о последствиях. Судя по всему, эта черта передалась мне по наследству.

Я повернула дверную ручку и толкнула дверь, как раз когда директор Рэлей активно зачитывал Эмилиии лекцию.

— Думаю, вы знаете об отношении Хардвика к алкоголю и подобным веществам, — сказал он Эмилиии. — Хотя мы и не можем контролировать ваше поведение за пределами этих стен, распространение этой фотографии плохо влияет на ваш личный имидж и имидж этой школы...

— Я её не распространяла, — голос Эмилиии звучал довольно спокойно, но я знала, что это давалось ей нелегко.

— Даже если так, — продолжил директор, — такое поведение едва ли подходит для будущего президента студенческого совета. Думаю, для всех будет лучше, если вы снимете свою кандидатуру с голосования.

Эмилия, которую я знала, сразу же отказалась бы. Но девушка, сидящая перед столом директора, этого не сделала.

— Насколько я понимаю, в следующем году вы собираетесь подать документы в Йель, — Рэлей ударил Эмилию по самому больному месту. — Приёмная комиссия во многом полагается на рекомендации учителей и администрации Хардвика. Вы пытаетесь произвести хорошее впечатление. Это, — директор кивнул в сторону лежащего перед Эмилией телефона, — выглядит не слишком-то хорошо.

Я шагнула вперед, привлекая внимание директора. Эмилия даже не обернулась ко мне. Она склонила голову, а её глаза застыли на столе директора.

— Мисс... — голос директора пульсировал неодобрением, но он всё ещё колебался, когда дело касалось моей фамилии.

— Кендрик Кейс, — подсказала я. Директор Рэлей едва заметно вздрогнул при упоминании обеих фамилий. Айви Кендрик. Уильям Кейс. Нравилось мне это или нет — и чаще всего, мне это не нравилось — но в этой школе и в этом городе эти фамилии говорили о многом.

— Это — частная беседа, — сообщил мне директор. — Если вы и сами не хотите получить дисциплинарное наказание, я настоятельно рекомендую вам уйти. Сейчас же.

— Точно как вы настоятельно рекомендуете Эмилиии выбыть из выборов в студенческий совет? — спросила я. — Напомните мне: на этой фотографии был запечатлен алкоголь или любое другая нелегальное вещество? Эмилия держит выпивку?

— Это было последнее предупреждение, юная леди.

— Вы не знаете, что на самом деле происходило на этой фотографии, правильно? — продолжила я. Я никогда не умела реагировать на предупреждения. — Возможно, она заболела. Училась всю ночь. Кто-то мог подсыпать что-то в её безалкогольный напиток.

— Остановись, Тэсс, — хрипло произнесла Эмилия. — Прошу. Просто остановись.

Лежащий на столе телефон завибрировал. Через миг то же самое сделал и мой мобильный. Эмилия не пошевелилась, но директор взял телефон. Через несколько секунд я услышала, как включился видеоролик.

— Посмотри на неё. Она совсем обдолбанная. Эмилия, скажи «обдолбанная»!

В ответ Эмилия пробормотала что-то неразборчивое. Её слова было невозможно разобрать. В настоящем времени Эмилия подняла голову. Её плечи дрожали. Я пересекла комнату и подошла к телефону, нажимая на паузу, когда несколько парней смеялись за кадром, а один ткнул её ногой.

— Я сниму свою кандидатуру, — Эмилия заставила себя посмотреть на директора.

— Думаю, это будет мудрым решением, — негромко ответил он.

— Как насчёт парней на этом видео? — спросила я. — Один из них трогает девушку без её разрешения. Как насчёт того, кто разослал эти сообщения?

Кажется, теперь, когда он добился от Эмилии того, чего он хотел, директора не так сильно заботило моё присутствие.

— Мы постараемся найти того, кто отправил сообщения, — пообещал директор.

— А если я скажу, что Джон Томас Уилкоккс признался мне в том, что он разослал эту фотографию? — спросила я.

На мой вопрос ответила Эмилия.

— Твоё слово против его, — она покачала головой. — Один из вас врёт, — словно робот, она повернулась к директору. — Если на этом всё, я хочу подготовиться к следующему уроку.

ГЛАВА 15

Я не видела Эмилию до урока «Проблем современного мира». Когда Доктор Кларк разделила нас на группы, Эмилия попросила разрешения выйти в туалет. Передо мной стоял выбор: остаться, чтобы Генри и Ашер допросили меня о том, что произошло в офисе директора, или пойти за Эмилией и рискнуть тем, что она оторвёт мне голову.

Я выбрала второе.

Когда я попросила разрешения выйти, Доктор Кларк принялась молча изучать меня.

— Между нами, — сказала она, — если то, что я слышала о том, как разобрались с этой ситуацией с Эмилией, правда, то я абсолютно с этим не согласна, — она кивнула в сторону двери. — Иди.

И я пошла.

Когда я добралась до уборной, Эмилия стояла перед зеркалом и красила губы блеском.

— Не волнуйся, — сказала она с надломом в голосе. — Считай, что твой долг выплачен.

Я шагнула к ней.

— Я волнуюсь не об этом.

Эмилия закрыла свой блеск для губ и обернулась ко мне.

— У тебя нет права обо мне волноваться, — сердито произнесла она. — Я тебе даже не нравлюсь.

Когда-то она сказала мне, что из них двоих всем нравился Ашер. Люди доверяли ему. Она была сосредоточенной. Она делала всё правильно.

— На той фотографии ты не пьяна, — мягко произнесла я. — Да?

— Ты видела видео, — произнесла она, пытаясь скрыть эмоции, читающиеся в её

глазах.

— Да, — сказала я. — Видела.

В кабинете директора, когда я предположила, что в тот вечер кто-то подсыпал что-то в её напиток, она попросила меня остановиться. Умоляла меня.

Твоё слово против него. Один из вас врёт.

Как бы я не пыталась, я не смогла выбросить из головы слова Джона Томаса: *Я считаю, кто-то сделал Мисс Снежной Королеве одолжение. Нельзя быть такой зажатой.*

С самого начала эта фотографию выбила Эмилию из колеи.

— Я не стану об этом говорить, — натянуто произнесла Эмилия. — И ты не станешь. Никто не станет об этом говорить, — она открыла воду и принялась мыть руки. — Говорить здесь не о чём.

Ещё как есть о чём. Я не стала говорить этого вслух. У меня не было права решать, поговорим мы об этом или нет. Это право было только у Эмилии.

— Я всё ещё твоя должница, — сказала я.

Эмилия потянулась за бумажным полотенцем.

— Похоже на то, что я хочу, чтобы ты делала мне одолжение из жалости? — спросила она.

— Похоже на то, что я тебя жалею? — парировала я.

На этот раз Эмилия позволила себе посмотреть на меня. По-настоящему посмотреть. Я посмотрела ей в глаза, не отводя взгляда.

— Ладно, — наконец, сказала она. — Ты всё ещё моя должница. Я скажу тебе, когда решу воспользоваться твоей услугой.

— Именно, — сказала я. — А если решишь, что хочешь воспользоваться ею сейчас — я могу вернуть тебя в предвыборную гонку.

— Директор... — начала было Эмилия.

— Я могу разобраться с директором.

— Эта фотография...

— Когда я закончу, — сказала я, — эта фотография выиграет для тебя выборы.

Джон Томас. Она не произнесла последнее возражение вслух.

— С ним, — сказала я, — я разберусь ради забавы.

На долгий миг повисла тишина, а затем Эмилия перебросила свой хвостик через плечо.

— Ты не можешь быть так в этом хороша.

Я улыбнулась.

— Пospорим.

ГЛАВА 16

Мы с Эмилией вернулись на урок. Мне понадобилось меньше минуты, чтобы уговорить Вивви присоединиться к моему плану. Я написала Айви, что после школы я поеду к Вивви домой и дождалась окончания урока. По пути к Вивви я сделала четыре звонка.

Первым делом я позвонила Анне Хейден.

— Хочешь отомстить Джону Томасу Уилкоксу? — спросила у неё я.

Последовала короткая пауза.

— Я слушаю.

— Это он сфотографировал Эмилию, — я не могла рассказать Анне о своих

подозрениях насчёт ситуации, в которой были сделаны эти снимки, или о том, насколько разбитой выглядела Эмилия, стоило ей на них взглянуть. Но я дала Анне несколько секунд, чтобы подумать о том, что в параллельной вселенной Джон Томас мог рассылать школьникам её фотографии.

— Директор заставил Эмилию выбыть из выборов из-за этой фотографии, — продолжила я. — Я собираюсь убедить его в том, что это была плохая идея.

Я рассказала Анне о своём плане.

— Я знаю, что, скорее всего, ты сама не сможешь поучаствовать, — сказала я. Анна оказывалась в центре внимания не так часто, как дети президента, но она была единственным несовершеннолетним ребенком вице-президента. Это привлекало к ней определенное количество внимания. — Но если ты сможешь передать мои слова...

— О, я поучаствую, — с надрывом в голосе вмешалась Анна. — Как и все мои друзья. Просто отправь мне ссылку и скажи, когда.

Затем я позвонила Линдси Ли — той девушке, которую шантажировал бывший парень — и Мередит Саттон.

Когда мы добрались до квартиры Вивви, я сделала последний звонок.

На первом этаже здания, в котором жили Вивви с её тётёй, круглосуточно дежурила охрана.

— Как идут дела? — спросила я у Вивви, когда мы подошли к лифту. — С твоей тётёй?

— Хорошо, — с полуулыбкой на губах ответила Вивви. — Она нашла работу в местной галерее, — на несколько секунд Вивви замолчала. — Мы почти не говорим о моём отце, — негромко произнесла она.

Отец Вивви был одним из заговорщиков, убивших судью Маркетта. Когда правда начала выплывать на поверхность, майор Бхарани «покончил с собой».

Мы с Вивви знали, что на самом деле его убили.

— Иногда... — Вивви запнулась.

— Иногда, — подсказала я.

Вивви уставилась на своё отражение в металлической двери лифта.

— Иногда я просыпаюсь посреди ночи, а моя тётя просто сидит в гостиной, смотрит в никуда и чистит свой пистолет.

Учитывая то, какие события привели Прию Бхарани в жизнь Вивви, думаю, к ночной паранойе можно было отнестись с пониманием.

— Зато, — Вивви явно хотела закончить разговор на положительной ноте, — у неё отличный вкус и она разрешает мне одалживать её одежду.

Лифт остановился. Двери открылись. На этом этаже была всего одна квартира — квартира Вивви. Она открыла дверь, и мы принялись за работу.

— Думаю, Эмилию сфотографировали в ванной? — Вивви прикусила нижнюю губу. — Я принесу ручки и бумагу, — сообщила она. — Моя ванная вон там.

Пока Вивви искала канцелярские принадлежности, я проверила освещение в ванной. Оставив мою сумку в стороне, я опустилась на пол. Я облокотилась на стену возле ванны и свесила голову набок.

— Как тебе? — спросила я у Вивви, когда она зашла в комнату.

Несколько секунд она смотрела на меня.

— Сделай вот так, — сказала она, наклоня голову так, чтобы волосы спадали ей на лицо. Я повторила её движения и, сквозь пелену волос, принялась наблюдать за тем, как она

подошла к раковине и набрала в ладони немного воды. Она брызнула ею на меня.

— Теперь откинься назад, — сказала она.

Я послушалась.

— Закрой глаза почти полностью, — сказала Вивви. — Чуть больше наклони голову в сторону. Раздвинь ноги чуть шире.

Когда я идеально повторила позу, Вивви протянула мне лист бумаги и красный маркер. Через пару минут она сфотографировала меня. Затем мы поменялись местами, и я сфотографировала её.

— Неплохо, — произнесла Вивви, просматривая фотографии на своём телефоне. На них мы обе распластались у стены, почти полностью повторяя позу Эмилии с той фотографии. К моей груди прислонялся плакат с надписью «ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ».

Я открыла фотографию Вивви. На её плакате было написано: «Я С ЭМИЛИЕЙ».

— Уверенна, что хочешь это сделать? — спросила у Вивви я. На фотографии она выглядела так, словно вот-вот потеряет сознание — точь-в-точь как Эмилия.

Вивви выпятила подбородок.

— Уверенна.

Как и я. Пять минут спустя мы загрузили фотографии. Через десять минут к нам стали присоединяться остальные.

— Вивви? — позвал голос с акцентом.

— Мы здесь, — ответила Вивви. Она безуспешно попыталась выглядеть так, словно она ничего не затевала. В дверном проёме появилась её тётя. Она не стала спрашивать у нас с Вивви, что мы делали в ванной.

— Вижу, у нас гости, — сказала она. Её акцент звучал британским — и очень претенциозным. Как и у Вивви, у неё была шоколадная кожа и темные волосы. Вот только её волосы завивались чуть сильнее.

— Привет, Тэсс.

— Привет, мисс Бхарани, — ответила я.

— Прия, — поправила она. — Прошу.

— Прия.

— Насколько я понимаю, Айви и Боди знают, что ты здесь? — спросила у меня Прия.

Я кивнула. На какой-то миг взгляд Прии задержался на моём лице. Она была не из тех, кто упускал детали.

— Надеюсь, ты останешься на ужин, — наконец произнесла она.

Кажется, это была не просьба.

К тому времени, как принесли заказанную нами еду, к нашим с Вивви фотографиям присоединилось больше тридцати других снимков. Всё началось с Анны, Линдси и Мередит. Затем присоединились их друзья. Друзья их друзей.

Все ученицы Хардвика. Все девушки.

«Я С ЭМИЛИЕЙ».

— Чем вы сегодня занимались, девочки? — спросила тётя Вивви.

Мы с Вивви переглянулись.

— Ничем, — одновременно выпалили мы.

Прия изогнула бровь.

— Очень в этом сомневаюсь, — она склонила голову на бок. — Вивви, я заметила, что внизу дежурит Жак. Кажется, у нас останется лишняя еда. Отнесешь ему немного?

Глаза Вивви засияли. Она прошептала мне что-то насчёт избытка сексуального напряжения между её тётёй и ночным охранником, и отправилась отнести ему еду. Как только за ней захлопнулась входная дверь, тётя Вивви обратила внимание на меня.

— Айви пыталась со мной связаться.

Я совсем не ожидала услышать от неё эти слова, но стоило им слететь с её языка, я поняла, что она не просто так отослала Вивви из комнаты.

— Я не могу дать Айви ту информацию, которую она ищет, — продолжила Прия. — Можешь передать ей, что нам обоим будет только хуже, если кое-кто поймет, что она наводит справки. И меня уж точно не должны увидеть отвечающей на её вопросы.

Когда я спросила у Вивви, чем зарабатывала на жизнь её тётя, оказалось, что Вивви не знала, чем её тётя занималась за границей. Учитывая сдержанный тон Прии Бхарани и приятную улыбку на её лице, я сомневалась в том, что там она работала в художественной галерее.

Прия накрыла мою ладонь своей и понизила голос.

— Я благодарна, — сказала она, — за то, что Айви сделала для моей племянницы. Но я не могу рассказать ей о том, что группировка, которую она ищет, известна Интерполу под названием «Senza Nome». Безымянные, — перевела Прия. — Я не могу, — негромко продолжила она, — сказать ей, что они находятся в самых разных списках особого контроля с 1980-х. Или о том, что чаще всего они занимаются проникновением в другие террористические организации и правительства по всему миру. Я не могу поговорить об этом ни с твоей сестрой, ни с её друзьями в Пентагоне, ни с кем.

Кроме меня. Я была подростком. Даже беглая проверка показала бы, что мы с Вивви дружили. Тётя Вивви не могла ответить на звонки Айви. Она не могла быть замеченной за разговором с ней или Адамом. Но она могла нашептать информацию мне на ухо, а я могла нашептать её на ухо Айви.

Хлопнула входная дверь. Прия принялась убирать со стола тарелки, словно ничего и не произошло.

— Так, — Вивви вернулась в кухню, сияя улыбкой, — что я пропустила?

ГЛАВА 17

Я доставила послание Прии. Сказать, что Айви с Адамом не были рады тому, что она передала его через меня, было бы преуменьшением.

Боди просто закатил глаза.

— Типы из разведки, — усмехнулся он. — Когда дело касается тайн, им нельзя доверять.

Адам одарил Боди раздраженным взглядом, напоминая мне о том, что Адам работал в военной разведке.

— Значит, тётя Вивви... — начала было я.

— Оценщик, — вмешалась Айви. — Она специализируется на восточном антиквариате.

— В отставке, — уточнил Боди. — Оценщик в отставке.

Другими словами: чем бы ни занималась тётя Вивви за границей и на кого бы она ни работала — это было засекречено. А значит, вполне возможно, что была засекречена и та информация, которую она мне дала.

— Разве тебе ничего не задали? — спросила у меня Айви.

— Серьезно? — не веря своим ушам, сказала я. После того, что я только что ей рассказала, она отправляла меня наверх, делать домашнее задание?

— Пожалуйста, Тэсс, — Айви поймала и удержала мой взгляд. — Мне жаль, что Прия втянула тебя в это. Больше этого не произойдет.

На моём языке вертелись слова о том, что это произойдет. Пока я живу с Айви Кендрик, люди всегда будут пытаться подобраться к ней через меня. Как бы сильно Айви не пыталась держать меня в стороне, я всегда буду знать то, что не должна.

Дэниела Николае работает на террористическую группировку, которая специализируется на проникновении в правительства и другие террористические организации. Мой мозг не остановился на этом. То, что она работала с «Врачами без границ» одновременно с Уолкером Ноланом — не совпадение. Это не может быть совпадением.

Я не стала произносить это вслух.

— Они состояли в отношениях? — вместо этого спросила я. — Уолкер Нолан и женщина, которую арестовали?

Это была всего лишь догадка, но молчание Айви показало, что я угодила в точку. Я обдумала это. Если Уолкер пришел к Айви за помощью, значит, он не был членом этой группировки. Но, возможно, Николае должна была завербовать его.

— Уолкер узнал о том, чем занималась его девушка, — я собрала осколки информации в единое целое. — Он узнал о том, что планируется взрыв, и пришел к тебе. Почему ты сразу не пошла к его отцу?

На какое-то время снова повисла тишина, но на этот раз её нарушила Айви.

— Учитывая обстоятельства, наша цель — сохранить образ президента настолько незапятнанным, насколько это возможно.

Обстоятельства, а именно то, что сын президента был связан — возможно, интимно — с участницей террористической организации.

— Твоя работа заключается в том, чтобы скрыть это, — я перевела взгляд с Айви на Боди с Адамом.

— Как только террористку арестовали, я рассказала президенту, — Айви осторожно подбирала слова. — Это выплывет на поверхность, — прямо произнесла она. — Процесс не остановить. Ходят слухи. Скоро кто-нибудь найдет доказательства — это всего лишь вопрос времени. Моя работа, — решительно сказала она, — заключается в том, чтобы это не стало известно до закрытия избирательных участков в следующий вторник.

До конца промежуточных выборов.

Рейтинг популярности президента. Честность. Коррупция. Я подумала о том, что бы сказала рыжеволосая женщина-эксперт, которую я видела в новостях, если бы она знала о связи между этой террористической группой и Уолкером Ноланом. Любой намёк на скандал может повлиять на результаты выборов. Но что-то подобное?

Президент потеряет большую часть палаты представителей и Сената. Он потеряет свой шанс на второй срок.

— Мне нужно работать, — сказала Айви. Я услышала слова, скрытые за этой фразой: *Я рассказала тебе всё, что могла. Рассказала больше, чем стоило бы.*

Я понимала, почему она так считала. Логически.

Айви провела меня к подножью лестницы. Я видела, что она хотела что-то сказать, но не знала, что именно. А ещё я видела, что она хотела поскорее от меня избавиться и

отследить наводку, которую она получила от Прии.

Я была важна для Айви. Но иногда её работа была важнее.

— Кстати говоря, — сказала я, поднимаясь по лестнице, — вполне возможно, что в ближайшую пару дней тебе может позвонить директор Хардвика.

На какой-то миг повисла тишина.

— Я не хочу спрашивать, — решила Айви.

Наверное, так будет лучше. У неё была своя работа, а у меня — моя.

ГЛАВА 18

Нашему небольшому эксперименту с социальными сетями понадобилось тридцать шесть часов, чтобы привлечь внимание директора. В пятницу утром меня вызвали к нему в кабинет.

Миссис Перкинс одарила меня сочувствующим взглядом.

— Тэсс, милая, иногда лучше не напрашиваться на неприятности, — посоветовала она.

Я не ответила.

Миссис Перкинс вздохнула.

— Проходи.

Директор стоял у окна.

— Садитесь, — не оборачиваясь, произнёс он.

Я села и откинулась на спинку стула, балансируя на его задних ножках. Скорее всего, молчание директора должно было заставить меня нервничать, но пока что всё шло точно по моему плану. Ожидая рассказа директора о том, что моё поведение было неподобающим для ученицы Хардвика, мой взгляд замер на стене за его столом. Она пустовала.

Передние ножки моего стула с глухим стуком ударились о пол.

Несколько недель назад на стене висела фотография в рамке. На ней директор Рэлей и пятеро других мужчин были запечатлены в Кэмп-Дэвиде. В те выходные там были все трое заговорщиков, организовавших убийство судьи Маркетта. Вполне возможно, что четвертый заговорщик — хоть мы и не знали, кто он — тоже был там.

Директор снял фото. Я попыталась не искать в этом скрытого смысла.

Директор Рэлей отвернулся от окна. Он сел за свой стол и повернул ко мне экран своего компьютера.

— Что это значит?

На экране красовалось множество фотографий — больше восьмидесяти процентов учениц Хардвика с девятого по двенадцатый классы — вроде тех, которые мы с Вивви сделали в ванной. Осевшие на землю и глядящие в никуда девушки. На вид — пьяные. И каждая из них держала плакат.

— Вы — все вы — удалите эти фотографии, или вас всех обвинят в нарушении дисциплины.

Пустая угроза. Не думаю, что директор хотел иметь дело с родителями всех этих девочек — или объяснять этим родителям, что администрация Хардвика всё ещё не смогла найти того, кто рассылал фотографии теряющих сознание девочек-подростков.

— Напомните мне, — сказала я. — Что именно противоречит правилам поведения Хардвика? Исполнительное искусство или организованный протест?

Директор прищурился.

Я воспользовалась его хмурым молчанием.

— За последнее десятилетие девушка становилась школьным президентом Хардвика ровно один раз. Удивительно, для школы, которая заявляет, что ценит разносторонность, толерантность и равенство, не находите? А теперь единственную девушку, баллотирующуюся на этот пост заставили выбыть из голосования, несмотря на то, что она не нарушила каких-либо правил Хардвика.

Я открыла на своём телефоне свою фотографию, сделанную Вивви, и подтолкнула телефон к директору.

«ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ».

Рэлей уставился на фото так, словно это была змея.

— Двойные стандарты здесь не причём, — коротко сказал он. — Уверю вас, если бы мисс Роудс была парнем, всё сложилось бы точно также.

— Можете сказать это прессе, когда они попросят вас процитировать, — услужливо предложила я. — Я не была уверена в том, что их заинтересует наш небольшой протест, но учитывая то, что в нём участвует дочь вице-президента... возможно, кто-нибудь посчитает его интересным.

— Вы мне угрожаете?

— Я предполагаю, — сказала я директору.

Директор выглядел так, будто он вот-вот бросится через стол, чтобы перегрызть мне глотку.

— Я не просил мисс Роудс снимать свою кандидатуру. Я предположил, что это было бы разумным ходом.

— Настойчиво предположили, — произнесла я.

— Ладно, — парировал он. — Настойчиво предположил.

Я потянулась к своей сумке и достала оттуда стопку фотографий. Мой последний телефонный звонок принёс свои плоды.

— Я настойчиво предположу, — сказала я директору, — чтобы вы взглянули на это, а потом сказали мне, что в Хардвике нет двойных стандартов.

Я подтолкнула к нему фотографии. К счастью для меня, девятиклассники из команды по лакроссу всё ещё не забыли о том, как старшеклассники над ними издевались. И, как оказалось, они сделали несколько очень интересных снимков на парочке организованных командой вечеринок.

— Мне очень нравится та, на которой Джон Томас Уилкокс висит вверх ногами над бочонком пива, — в моём голосе слышались нотки сарказма. — Совсем не такая инкриминирующая картина, как девушка, облокотившаяся на стену без капли алкоголя на виду.

Директор пролистал фотографии.

— Откуда вы их взяли?

— Разве это важно? — спросила я.

— Полагаю, вы хотите, чтобы я предложил мистеру Уилкоксу также снять свою кандидатуру?

— Вы могли бы это сделать, — сказала я. — Конечно, тогда вам придётся разрешить ученикам номинировать кого-то ещё, чтобы Генри Маркетт не был единственным кандидатом, — мои губы изогнулись в едва заметной улыбке. — Уверенна, ученики смогут без проблем найти другого кандидата женского пола.

— Да-да, — произнёс директор, наконец найдя выход из положения. — Конечно, — затем он осознал, что я всё ещё улыбалась.

— Забавно, — сказала я. — Все говорят мне, что я должна выдвинуть свою кандидатуру. Я практически видела, как перед глазами пришедшего в ужас директора мелькает такое развитие событий. Последнее, чего он хотел, так это увидеть меня у власти.

— Возможно, — сквозь сжатые зубы произнёс он, — я могу ещё раз поговорить с мисс Роудс. Убедить её, что я был... резок. Что она должна участвовать в выборах.

— Думаю, так будет лучше.

— Ваш небольшой социальный эксперимент исчезнет, — ровно произнёс он.

— Мы удалим фотографии, — согласилась я. Я поднялась на ноги и повернулась к двери. На полпути к ней, я остановилась. Я чувствовала, как за моей спиной директор кипит от ярости.

Не только он был зол.

— В мою первую неделю в этой школе, — не оборачиваясь, произнесла я, — старшекласник хвастался фотографиями обнаженной девятиклассницы.

Я не сказала, кем была эта девушка. Не сказала, кем был парень. Эта правда мне не принадлежала — а ему не нужно было знать. Он должен был знать лишь то, что эта ситуация с Эмилией не появилась из неоткуда. В ней была виновата администрация Хардвика, и то, как он повёл себя с Эмилией, имело значение.

— Я — единственная причина, по которой эти фотографии не были распространены, — со сталью в голосе продолжила я. — Возможно, вы считаете, что от меня одни неприятности, директор, но, поверьте, я решаю куда больше проблем, чем создаю.

ГЛАВА 19

Когда Боди забрал меня из школы, я увидела на заднем сидении его машины складной саквояж для платьев.

— Айви идёт на какое-то мероприятие? — спросила у него я.

— Неа, — не спеша уточнить, Боди миновал ворота Хардвика и кивнул охраннику. — Ты идёшь.

Я подозрительно оглядела саквояж.

— Что за мероприятие?

— Кое-кто настойчиво требовал твоего появления на нём.

Мне не нужно было спрашивать о том, кто мог потребовать подобного.

— С каких пор Айви поддается требованиям Уильяма Кейса? — спросила я.

— С тех пор, как монсеньёр Стезя-добродетели поддержал просьбу своего отца.

Я подняла бровь.

— Монсеньёр Стезя-добродетели? — сухо произнесла я. Он явно имел в виду Адама, но его прозвища были...

— Не лучшее прозвище, — согласился Боди. — Неделя выдалась долгой.

Прошло всего четыре дня с тех пор, как к Айви пришел Уолкер Нолан. Три дня с момента взрыва. Два дня назад я доставила сообщение о том, на какую группировку работала Даниэла Николае.

— Я знаю, что Айви не хочет, чтобы я что-то знала, но можешь хотя бы сказать мне, что она не делает ничего глупого? — спросила я. — Что она просто работает с прессой и

устраняет утечки информации, а не расследует намерения этой террористической организации?

Последовала пауза.

— Айви никогда не делает ничего глупого, — сказал мне Боди.

Он не сказал, что она не расследует работу террористической организации.

— Конечно делает, — ответила я, думая о том, как она пришла за мной, когда меня похитили, и обменяла свою жизнь на мою. — Она — Кендрик. Геройское самопожертвование у нас семейное.

Я нашла в саквояже белое платье в пол, с шелестящей юбкой. Серебристая отделка тесьмой обрамляла мою талию и подчеркивала вырез на моей ключице.

Моя спина оставалась обнаженной, не считая одной единственной полосы белой ткани.

— Ты прекрасно выглядишь.

Я обернулась, хмуро глядя на Айви.

Она подняла руки.

— Я пришла с миром.

— Скажи ещё раз, почему я должна туда идти?

Айви подошла ко мне, пока я стояла перед зеркалом. Не произнося ни слова, она застегнула платье на моей поясице. Сама того не желая, я принялась искать схожести в наших отражениях. Волосы Айви были тёмно-русыми, почти светлыми. Мои же были темнее, но такими же густыми. Её волосы были прямыми, а мои завивались.

Наши лица были одной формы, с одинаковыми скулами и губами, но я унаследовала глаза своего отца.

— Это мероприятие по сбору средств, — Айви отошла от зеркала и ответила на мой вопрос. — Для организации, которая обеспечивает эмоциональную и финансовую поддержку ветеранам и семьям тех, кто погиб в бою.

Она резко отвернулась к моему комоду и принялась подбирать резинки для волос и заколки.

Погибшие в бою. Я знала, о ком думала Айви, произнося эти слова.

— Боди сказал, что Адам попросил тебя отпустить меня, — сказала я, стараясь не думать о Томми Кейсе.

Айви обернулась ко мне.

— Адам не часто меня о чём-то просит, — она повернула меня к зеркалу и занялась моими волосами.

Не нужно, — запротестовал голос внутри меня — нежеланный рефлекс. — *Не прикасайся ко мне. Не притворяйся, что это — обычное дело.*

Непроизвольная реакция. Не важно, как далеко заходили мои отношения с Айви, я никогда не могла заглушить ту часть меня, которая так долго хотела, чтобы она была частью моей жизни, даже не зная, что она была моей матерью. Я не могла отключиться от той Тэсс, которая росла на ранчо с дедушкой и была готова отдать всё, чтобы Айви звонила ей чаще, чем три раза в год.

Она разочаровывала эту часть меня снова и снова.

Айви убрала пряди волос с моего лица и скрутила их в пучок у основания моей шеи. Затем она сделала шаг назад. Она заметила, что я замерла под её прикосновением.

Мне не нравилось делать Айви больно, точь-в-точь как ей не нравилось делать больно

мне.

— Ты не пойдешь? — спросила я, притворяясь, что мы не могли причинить друг другу боль.

— Нет, — коротко ответила Айви. — У меня есть работа.

Работа. На протяжении трёх секунд я жалела о том, что Боди не мог пообещать мне, что Айви не станет расследовать деятельность «Senza Nome». Ещё три секунды я гадала с том, что она уже успела найти.

— Надеюсь, я не вмешиваюсь.

Мы с Айви одновременно обернулись. В дверном проёме моей комнаты стоял Адам в своей самой парадной униформе.

На его темно-синем пиджаке блестели серебряные пуговицы. Его галстук-бабочка был небесно-голубым, а на отвороте его пиджака красовались медали и значки.

— Ты как раз вовремя, — сказала ему Айви.

— Позволишь? — спросил Адам, открывая взгляд от Айви. Он подошел ко мне. Мой взгляд замер на коробочке в его руке. Украшения. Он достал из коробочки жемчужное ожерелье.

— Валяй, — сказала ему я. Почему-то эти слова едва не застряли в моём горле.

Он застегнул ожерелье на моей шее.

— Они принадлежали моей матери.

Моей бабушке.

— Айви! — мои размышления нарушил голос Боди. — Ты должна сюда спуститься!

На какой-то миг Адам и Айви переглянулись, а затем они бросились к лестнице. Проклиная своё платье, я последовала за ними. К тому времени, как я спустилась по лестнице, Адам с Айви глядели на экран планшета. Я осторожно подошла к ним, готовясь к их протесту.

Никто не стал меня отталкивать.

Вытянув шею, я взглянула на сайт, приколавший их внимание. Моему мозгу не удавалось усвоить слова, потому что он был целиком и полностью сосредоточен на снимке.

Даниэла Николае.

Она была одета в серый комбинезон. Её руки сковали наручниками. Под её глазами виднелись тёмные круги. Её голова была высоко поднята, а её живот выпирал из под ткани комбинезона.

Я уставилась на её живот с открытым ртом.

Террористка — женщина, о которой Уолкер Нолан рассказал Айви, и с которой он, вероятно, состоял в отношениях — была беременна.

ГЛАВА 20

Это выплывет на поверхность. Когда я вышла из машины Адама, я вспомнила о словах, неделю назад сказанных Айви.

Моя работа заключается в том, чтобы это не стало известно до закрытия избирательных участков в следующий вторник.

Террористка, ответственная за взрыв в больнице, была беременна. И, возможно — судя по реакции Айви — она была беременна от Уолкера Нолана.

Эта новость была не просто бомбой. Она была ядерным взрывом.

Адам пробормотал что-то паковщику и обошел машину. Он протянул мне руку.

Мы правда это делаем, — подумала я, принимая его руку. — *Мы пришли сюда, притворяясь, что всё в порядке.* Ни Адам, ни Айви не стали подтверждать мои подозрения. Нельзя было отрицать, что Даниэла Николае была беременна — и что кто-то слил в интернет фото, чтобы обнародовать этот факт. Но идея о том, что это мог быть ребенок Уолкера Нолана?

Это была всего лишь моя догадка. Худший из возможных вариантов.

Всё плохое, что может случиться, обязательно произойдёт. Закон Мёрфи. Кажется, в работе Айви, это был факт.

— Глубокий вдох, — посоветовал мне Адам. Через несколько секунд мы подошли к мраморной лестнице и миновали двойные двери.

В бальном зале рядами выстроились круглые столики. Стены окаймляли мраморные колонны. В каждом углу была присобрана красная бархатная драпировка. Адам упомянул что-то о том, что раньше в этом здании находился оперный театр.

Я почти не слышала его.

Всё плохое, что может случится, обязательно произойдёт.

— Тэсс, моя милая, ты чудесно выглядишь, — к нам с Адамом подошел Уильям Кейс.

Он поцеловал меня в щеку, а затем обернулся к Адаму.

— Рад тебя видеть, сын.

— Я здесь не ради тебя, — я ещё никогда не слышала в голосе моего дяди такой резкости. Когда Айви держали в заложниках, Адам попросил своего отца о помощи. Уильям Кейс отказался. Если бы я не оказалась его внучкой, если бы не предложила создателю королей сделку, Айви могла бы умереть — а Уильям Кейс не пошевелил бы и пальцем.

Адам никогда не простит его за это.

— Ты здесь ради своего брата, — согласился Кейс, опуская одну руку на плечо Адама, а вторую — на моё. — Как и все мы.

Адам замер под прикосновением своего отца.

А я-то считала, что у нас с Айви проблемные отношения.

Кейс убрал руку с плеча Адама, но крепче сжал моё.

— Пойдём, Тэсс, — сказал он. — Мне нужно кое-кому тебя представить.

Адам шагнул к Кейсу, понижая голос.

— Я привёл её сюда не для того, чтобы ты мог похвастаться новым Кейсом.

Он привёл меня сюда, чтобы почтить моего отца. Последнее, чего хотел для меня Адам, была жизнь под каблуком создателя королей.

— Всё в порядке, — сказала я своему дяде. Я бы с большим удовольствием терпела, когда мои ногти вырывали ржавыми клещами, чем позволила Кейсу выставить меня на показ перед этой толпой. Но я заметила в ней парочку знакомых фигур.

Президент и Первая Леди. Айви говорила, что она рассказала президенту об отношениях Уолкера с Даниэлой Николае. Без сомнения, президенту Нолану сразу же сообщили об утечке фотографий, но они с Джорджией ничем не показывали, что их правление находится на грани краха.

Не сводя глаз со своей цели, я позволила Кейсу провести меня от одной группке элиты Вашингтона к другой. Адам не выпускал меня из виду.

— Я знаю, что ты затеяла, — пробормотал он, когда мы подоברались ближе к моей цели.

— Кто? — пробормотала я. — Я?

— Уильям, — президент Соединенных Штатов обладал властным голосом и доверительной улыбкой. Он пожал руку моего деда. — Рад тебя видеть.

Президент Нолан был отличным лжецом.

Но Уильям Кейс был ещё лучшим.

— Всегда рад, — с улыбкой на губах и блеском в глазах ответил создатель королей. — Насколько я понимаю, вы знакомы с моей внучкой?

Его внучкой. Наверняка я была не единственной, кто расслышал в голосе создателя королей чувство собственности. Президент познакомился со мной ещё до того, как Уильям Кейс узнал о моём существовании. И президент бесспорно куда лучше ладил с Айви.

Но во мне текла кровь создателя королей.

— Тэсс, — Первая Леди шагнула ко мне, целуя меня в щеку. — Ты чудесно выглядишь, милая.

Вы знаете, — подумала я. — *О вашем сыне. О Даниэле Николае.*

На её лице не была и намёка на происходящее. Она выглядела такой уверенной, элегантной и мягкой. Совсем не как королева, чьё королевство распалось у неё на глазах. Её белое платье доходило до колен, а её блейзер украшала куда более сложная вышивка, чем на та, что на моём платье. *Ни один светлый волосок не выбивается из прически,* — подумала я. Но Джорджия Нолан знала. Я чувствовала, что президент рассказал ей.

Возможно, я ошибалась. Возможно, отцом ребенка был не Уолкер. Возможно, я раздувала из мухи слона.

— Адам, — президент пожал руку Адама, а затем взглянул ему через плечо. — Я не знал, что Айви придёт.

Айви?

Мы с Адамом и Кейсом обернулись и увидели, как она пробирается через толпу. На ней было подходящее случаю черное платье без выреза. С черными перчатками до локтей и тщательно собранными волосами, она походила на вторую Одри Хепберн. *Или,* — подумала я, отмечая скорость её шагов и напряжение её губ, — *на фурию прямиком из ада.*

— Айви, — Джорджия поприветствовала её, точь-в-точь, как она поприветствовала меня. — Отлично выглядишь.

— Всё в порядке? — спросил у неё президент. Улыбка на его лице едва заметно напряглась.

— Адам, — абсолютно спокойно произнесла Айви. — Почему бы тебе не показать Тэсс сад скульптур?

Другими словами: она хотела, чтобы я убралась из зоны слышимости. Сейчас же.

Адам снова взял меня под руку. Не успели мы отойти, как президент обратился к его отцу.

— Всегда рад вас видеть, Уильям, — президент намекал, что ему пора уйти. Уильям Кейс был не из тех, кто ценил подобные намёки.

Я мельком взглянула через плечо. Рядом со мной Адам произнёс:

— Мой отец с президентом Ноланом друг друга недолюбливают.

Я знала, что Адам пытался отвлечь меня от Айви и Ноланов, но, возможно, его слова того стоили, так что я снова обернулась к нему.

— Мой отец был знаком с Первой Леди ещё в молодости, — продолжил Адам. — Они выросли в одном городе. Джорджия уехала в колледж, а назад вернулась уже

помолвленной, — теперь я была полностью сосредоточена на словах моего дяди. — Мой отец никогда не умел проигрывать.

Я подумала о том, как президент общался с Уильямом Кейсом и как Кейс общался с Первой Леди.

Забавно, не так ли, что иногда проигравший значит куда больше, чем победитель?

— Капитан Кейс, — чей-то голос вырвал меня из моих размышлений. Его обладатель шагнул к нам и пожал руку Адама. — Спасибо за вашу службу.

Мой взгляд метнулся от мужчины, пожавшего руку Адама, к стоящему рядом с ним парню.

Джон Томас Уилкокс.

Конгрессмен Уилкокс был не слишком похож на своего сына. Он был ниже Джона Томаса и шире в плечах. Его редющие волосы были разделены косым пробором.

— Конгрессмен, — поздоровался Адам. — Спасибо за вашу поддержку.

— Работа этого фонда стоит поддержки, — конгрессмен Уилкокс одарил нас дипломатичной улыбкой. — Она пересекается с обеими фракциями.

Эти слова напомнили мне о том, что конгрессмен Уилкокс — партийный организатор партии меньшинства — соперничал с партией президента — и создателя королей.

— А это, должно быть, ваша племянница, — конгрессмен обернулся ко мне. — Тереза, правильно?

— Вообще-то, — с хитрой, коварной улыбкой произнёс Джон Томас, — Тэсс.

— Мой сын, — сказал Адаму конгрессмен. Потом он снова посмотрел на меня. — Кажется, вы учитесь в одном классе в Хардвике.

— Какой тесный мир, — сказала я. Мышцы моей челюсти напряглись.

— Джон Томас, может, ты прогуляешься с Тэсс, пока я поговорю с её дядей? — предложил конгрессмен Уилкокс.

Кажется, эта идея радовала Джона Томаса ничуть не больше, чем она радовала меня. Взгляд его отца едва заметно помрачнел.

— С радостью, — немногословно произнёс Джон Томас. Он потянулся к моей руке. Я отдернула её.

— Не прикасайся ко мне, — сказала я. Я не повышала голоса, но мои слова прорезали воздух, словно нож.

Адам заслонил меня своим телом.

— В другой раз, — сказал он конгрессмену.

Затем он беспрепятственно вырвал нас из хватки конгрессмена. Он не говорил со мной до тех пор, пока мы не оказались в саду скульптур. В стороне играл военный оркестр.

— Насколько я понимаю, ты не фанатка сына конгрессмена, — сказал Адам.

Джон Томас разослал фотографию Эмилии всей школе. Если мои подозрения были правдивыми, и в ту ночь кто-то подсыпал что-то Эмилии, Джон Томас был первым в моём списке подозреваемых.

— Не фанатка, — согласилась я.

Адам был не против тишины. Он не стал уточнять или менять тему разговора. Мы остановились у статуи солдата.

— Как думаешь, почему Айви здесь? — наконец спросила я, нарушая тишину. Мои мысли всё ещё были в бальном зале с Айви и Ноланами.

— Думаю, — после долгой паузы сказал Адам, — она не может найти своего клиента.

Когда мы вернулись в бальный зал для ужина, Айви уже уехала. Либо она узнала у Ноланов то, что она хотела узнать, либо она посчитала, что они ничем не могли ей помочь.

Сегодня честь произносить речь выпала солдату, потерявшему всё своё подразделение в борьбе с мятежниками. Его ранили и демобилизовали. Уже через год он стал пить и лишился карьерных перспектив. Через три года он лишился детей и жены.

Слушая о том, как этот мужчина опустился на самое дно, но смог выбраться на поверхность, было легко забыть об окружающем меня мире: об Адаме и создателе королей, о президенте и Первой Леди, об Уолкере Нолане и том, что привело сюда Айви.

К тому времени, как подали десерт, речь завершилась, и благотворительный фонд решил отблагодарить своего платинового спонсора. Уильям Кейс вежливо принял стеклянную памятную табличку, и неплохо изобразил человека, не желающего оказываться в центре внимания, когда его попросили сказать пару слов.

— Мой сын Томми поступил на военную службу в день, когда ему исполнилось восемнадцать. Честно говоря, — не сводя глаз с нашего столика — с нас с Адамом — произнёс Кейс, — я посчитал это ошибкой. Я думал, что он сделал ошибку, когда он уехал, чтобы заняться начальной военной подготовкой. Думал, что он ошибся, когда уехал за границу. А когда я узнал, что во время своей второй командировки он погиб, я стал в этом уверен, — Кейс умел пользоваться паузами. — За эти годы, — произнёс он, — я понял, что самопожертвование и ошибка — это совсем разные вещи.

Адам — мой вечно контролирующий себя дядя — поднялся на ноги и вышел из комнаты. Кейс продолжил свою речь. Я чувствовала его глаза на нашем столике — на мне.

Во время аплодисментов по окончании речи старика я вышла из комнаты вслед за Адамом. Дверь, через которую он ушел, вела в коридор. Я зашагала по нему, пытаюсь найти Адама.

Кто-то сжал руку на моём локте.

— Ну и встреча, — в голосе Джона Томаса звучал надрыв, а его глаза сверкали. Я попыталась вырваться из его хватки, но он сильнее сжал мою руку.

— Большое спасибо, — сказал он, — за то милое представление перед моим отцом.

Его слова прозвучали невнятно. Я взглянула на дверь в бальный зал в надежде, что кто-нибудь её откроет. Но в коридоре были только мы с Джоном Томасом.

— Ты считаешь, что ты такая умная, — сказал Джон Томас. — Думаешь, что ты особенная, Тэсс Кендрик. Тэсс Кейс. Но это не так. Ты — ничто, — он склонился ко мне. Его губы замерли у моего лица. Я почувствовала запах алкоголя. — Ты просто маленькая, напуганная девочка.

Я впечатала свою ладонь в его нос. С силой. Джон Томас отшатнулся и поднёс руку к лицу. Затем он опустил её, увидел на ней кровь и ошарашенно уставился на меня.

— Ты... ты... меня ударила, — тупо произнёс он.

Я воспользовалась его удивлением и зашагала назад к бальному залу. Когда я попыталась открыть дверь, я осознала, что кто-то закрыл после того, как я вышла.

— Не могу поверить, что ты меня ударила. Ты маленькая психопатическая...

Не слушая его, я свернула в коридор, в котором находилось несколько дверей — включая уборную.

Я протянула руку к двери. Из-за угла появился Джон Томас.

— Я же сказал, что Эмилия была только первым залпом, — крикнул Джон Томас. —

Подожди и увидишь, что я запланировал для твоего маленького парня.

Я не сразу осознала, о ком он говорил. Генри. Генри Маркетт не был моим парнем. Но эти слова заставили меня замереть на месте.

— Ты спишь с Маркеттом с тех пор, как ты сюда приехала, — усмехнулся Джон Томас. — Интересно, он когда-нибудь упоминал своего отца в ваших постельных разговорах.

Эти слова выбили из меня дыхание.

— Конгрессмен очень наблюдателен, — произнёс Джон Томас. — В этом плане, — пробормотал он, утирая свой окровавленный нос рукавом, — я — сын своего отца.

Я не хотела, чтобы он увидел, что эти слова угодили в цель, так что я открыла дверь, шагнула в уборную и заперла за собой дверь. Мои мысли завертелись круговоротом. Джон Томас знал что-то об отце Генри. Что-то, что могло навредить Генри на выборах. Что-то, что, по его мнению, могло сделать Генри больно.

Проведя в уборной пять минут, я открыла дверь. Джон Томас уже ушел, но в коридоре был кто-то другой. Пара. Рыжеволосая женщина в синем платье и туфлях в тон. Мужчина, примерно того же роста, что и она, но шире её где-то в два раза. Он прижимал женщину к себе, а его руки блуждали по её телу. Я не смогла различить их лица, но я заметила массивное серебряное кольцо на правой руке мужчины, которую он запустил в волосы женщины.

Раздался звук приближающихся шагов, и парочка оторвалась друг от друга. Я сделала шаг назад, позволяя двери уборной закрыться передо мной и надеясь, что они не заметят меня.

Через несколько секунд я услышала, как Адам позвал меня по имени. Когда я открыла дверь, парочка уже исчезла.

— Ты в порядке? — спросил у меня Адам.

Я шагнула к нему.

— А ты?

Только полчаса спустя, когда мы подошли к гардеробу, и я увидела серебряное кольцо на руке мужчины, стоявшего в очереди перед нами, я поняла, кого я видела в коридоре.

Конгрессмен Уилкокс.

А рядом с ним и Джоном Томасом стояла его жена. Её волосы не были рыжими, а платье не было синим.

ГЛАВА 22

В воскресенье утром на нашем пороге появился Уолкер Нолан. Он выглядел так, словно страдал от похмелья, и был готов потерять сознание.

Айви тут же набросилась на меня:

— Наверх, — приказала она. — Сейчас же.

— Всё в порядке, — хрипло произнёс Уолкер. — Она всё равно это увидит. Все увидят.

На миг повисла тишина.

— Увидят что? — спросила Айви.

Несколько секунд Уолкер молча смотрел на неё.

— Уолкер, — резко произнесла Айви.

Он сглотнул и попытался сфокусировать свой взгляд.

— Я могу зайти?

— Меня зовут Даниэла Николае.

Когда Уолкер говорил «это», он имел в виду видео, которое пришло на его электронную почту сегодня утром.

— Я живу по соседству. Вы проходите мимо меня в кофейне. Я — милая девушка. Вы улыбаетесь мне, когда проходите мимо меня, — тёмные глаза террористки контрастировали с её бледной кожей. — Я — врач. Я — ваша соседка. Ваша подруга. И всё, что вы обо мне знаете — ложь.

В голосе Даниэлы слышался едва заметный акцент.

— Меня растили с одной единственной целью. Одним призванием. И когда вы поймете, кто я, будет слишком поздно.

Она записала это ещё перед взрывом, — осознала я. — Когда она ещё не знала, что её план провалится.

— Я — одна из многих. Вы работаете с нами. Машете нам, когда мы поливаем ваши газоны. Мы повсюду. Мы работаем в вашем правительстве, ваших правоохранительных органах, вашей армии. Мы всё видим. Знаем все ваши тайны, — несмотря на то, что нас разделял экран, пронизательность её взгляда казалась жутковатой. — И мы выжидаем.

Камера отстранилась, и рука террористки опустилась на её живот — живот явно беременной женщины. Выражение её лица дрогнуло, и на какой-то миг я увидела скрывающиеся под ним эмоции.

— Я хотела бы, чтобы всё сложилось по-другому. Хотела бы, чтобы мой ребенок мог встретиться со своим отцом. Хотела бы, чтобы той части меня, которая любила его, не существовало. Чтобы он не любил меня. Чтобы... — она сглотнула. — Чтобы я не была так хороша в своей работе. Я правда хотела бы этого, Уолкер. Но я — та, кто я есть, а ты — сын президента.

Она убрала руку со своего живота.

— Меня зовут Даниэла Николае. Мы больше не станем ждать.

Внезапно запись прервалась. Экран потемнел.

— Она сняла это, — произнёс Уолкер. — Для меня. Чтобы я увидел это после взрыва.

— Уолкер, — голос Айви был спокоен, но напряжен не меньше, чем голос террористки. — Что ты имел в виду, когда сказал, что это увидят все?

Уолкер выглядел так, словно он не спал несколько дней и больше никогда не уснёт.

— Видео отправили не только мне.

Некоторые секреты не могла похоронить даже великая Айви Кендрик. Кто-то открыл шкатулку Пандоры.

Закрывать её было невозможно. К полудню видео попало в сеть. В десять минут первого его крутили по всем новостным каналам.

— Сын президента пригласил террористку не только в свой дом, но и в свою постель! Стоит задаться вопросом: о чём именно Уолкер Нолан мог рассказать этой женщине? Почему он оказался такой легкой мишенью? И как долго президент знал правду?

На этот раз женщина-эксперт, которая критиковала Ноланов после взрыва, не участвовала в дебатах. Она сидела за столом и говорила, глядя прямо в камеру.

— Мы знаем, что эта группировка специализируется на вербовке людей. Они вербуют американских граждан. Сына президента уже допрашивали? Разве мы можем быть уверены, что они не добрались и до него?

Так всё и продолжалось. Уолкера выставляли либо сообщником, либо марионеткой. Он сам отказался от личной охраны. Он сделал из себя мишень. И, если президент не мог гарантировать безопасность собственной семьи, как он мог гарантировать безопасность этой страны?

Это был фатальный удар.

Меньше чем час спустя президент выступил с заявлением. Он сказал, что он опечален тем, что жертвой террористов стал его собственный сын, и благодарен Уолкеру за то, что он разгадал их хитрость вовремя, чтобы спасти сотни жизней.

— Позвольте мне прояснить, — закончил президент Нолан. — Соединенные Штаты не ведут переговоров с террористами. Мы их не боимся. Мы не позволим им разделить нас. Наша страна сильна. Мы горды и едины. И мы победим в войне против терроризма.

ГЛАВА 23

В понедельник утром Майя без особого энтузиазма сообщила Эмили, что рейтинг её популярности среди девяти — и десятиклассниц был как никогда высок. Учитывая то, что обычно Майя Роджас была полна энтузиазма, я догадалась, что её мать — специалист по опросам общественного мнения — как и Айви, работала все выходные. И рейтинг популярности президента Нолана был как никогда низким.

Сидящая напротив Майи Ди перебрала свои светлые волосы через плечо.

— Дайте руки, — сказала она. Из-за её исландского акцента слова прозвучали резко. Мы не пошевелились, и она закатила свои светло-голубые глаза. — Я не кусаюсь, — произнесла она. — Чаще всего. Дайте руки.

Майя протянула ей свои руки, а Ди достала ручку и написала что-то на тыльной стороне её правой ладони.

Затем она посмотрела на меня.

— Ручку.

— Я пасс, — сказала я.

— Ты не можешь отказаться, — парировала дочь посла. — Это ты начала всё это.

Я взглянула на руку Майи. Ди написала на её тыльной стороне три буквы. ЯСЭ.

«Я с Эмилией».

— Девятиклассницы пишут это на своих руках, — Ди одарила меня ледяным взглядом. — Теперь мы должны написать это на своих.

Эмилия была необычайно молчалива. Ещё неделю назад она приказала бы мне согласиться.

Я протянула Ди руку, продолжая наблюдать за Эмилией. Сестра Ашера не поблагодарила меня ни разу с тех пор, как я помогла ей вернуться в предвыборную гонку. Я понимала, что она не могла меня поблагодарить — тогда ей пришлось бы признаться в том, что дело казалось не просто выборов, хотя бы самой себе.

Я наблюдала за тем, как Ди вывела на моей руке буквы. ЯСЭ.

— Я пришел с пончиками, — рядом с нашим столиком появился Ашер. — И приносящего пончики поприветствовали шумно и пышно, — он принялся терпеливо

дождаться шумного и пышного приветствия.

Вместо этого Эмилия одарила его взглядом сестры, которая слишком хорошо знала своего брата.

— Что ты натворил? — ровно спросила у него она.

— Ничего, — с очаровательной улыбкой ответил Ашер.

Эмилия едва заметно прищурилась.

— Что ты собираешься натворить?

— Разве парень не может просто так принести своей дражайшей, милой сестре сласти в честь чудесного понедельника?

— Нет, — хором ответили мы.

— Возможно, меня переполняет братское чувство вины, — предположил Ашер. — Ведь я предал свою семью, когда встал на сторону мятежника Генри Маркетта в этих выборах.

— Возможно, — парировала Эмилия, — ты что-то взорвал, и хочешь, чтобы родителям рассказала об этом я?

Ашер подмигнул ей.

— Возможно, в этом есть доля правды.

— Я хочу знать, что именно ты взорвал? — многострадальчески вздохнув, спросила Эмилия.

— Зависит от того, была ли ты очень привязана к каменной горгулье на нашем крыльце, — я фыркнула и выхватила у него пончик.

Ашер посчитал это приглашением и сел рядом со мной.

— Как продвигается предвыборная кампания?

Мы не успели ответить.

— Готов поспорить, лучше, чем у некоторых, — к нам подошел Джон Томас, но он не стал садиться за столик. Наверное, ему нравилось смотреть на нас сверху вниз. — Недавно я услышал ужасный слух, — наслаждаясь своими словами, произнёс он.

До этого момента я не помнила о том, что Джон Томас решил сделать Генри своей следующей мишенью. За всем происходящим я забыла спросить у Айви, мог ли конгрессмен Уилкоккс знать, что она сделала для семьи Маркеттов.

Я забыла спросить её о том, мог ли сын конгрессмена узнать правду об отце Генри.

— Тебе самое время уйти, — сказал Ашер. Его голос звучал оживленно, но я слышала в нём угрозу.

— Уйти было бы как-то неправильно, — возразил Джон Томас. — Меньшее, что я могу сделать, так это предупредить вас о том, что я услышал, — не считая едва заметной изогнутости его губ, всё в нём говорило об искренности. — Зависимость — это болезнь. Я даже не представлял, что перед смертью отец Генри переживал такие тяжелые времена. Постоянно в центрах реабилитации...

Ашер поднялся на ноги.

— Не, — сквозь сжатые зубы, выдавил он, — говори. Об. Отце. Генри.

Ашер постоянно находился в движении — всегда смеялся или улыбался.

Но не сейчас.

— Я не говорю об отце Генри, — Джон Томас опустил взгляд на Ашера. — Я просто рассказываю вам о слухах.

Зависимость. Центры реабилитации.

Джон Томас не знает, что отец Генри покончил с собой. Это должно было меня

успокоить. *Он не знает, что Айви скрыла это.*

Судя по всему, это был не единственный секрет семьи Маркеттов.

— Ашер, — мои размышления нарушил голос Эмилии. — Не нужно.

Не трать на него слова. Не позволяй ему вывести тебя из себя.

Предупреждение Эмилии привлекло внимание Джона Томаса. Сын конгрессмена склонился к ней и смахнул с её лица прядь волос. Эмилия замерла от его прикосновения. Она почти не дышала.

— Не прикасайся к ней, — голос Ашера был острым, словно бритва. Он всерьёз обдумывал идею спрыгнуть с крыши здания, чтобы спасти свою сестру от осуждающих взглядов. Он всегда защищал её.

— Твоя сестра тебе не рассказывала? — глядя Ашеру в глаза, Джон Томас потёр прядь волос Эмилии между пальцами. — Я был у неё первым.

Эмилия вздрогнула. В один миг Ашер сидел рядом со мной, а в следующий Джон Томас лежал на земле, а Ашер стоял над ним.

— Если она сказала, что она этого не хотела, — прошептал Джон Томас, — она соврала.

Ашер сорвался. Это нельзя было описать другими словами. Он снова и снова бил Джона Томаса по лицу с сумасшедшей яростью.

Всё это время Джон Томас улыбался.

— Ашер, — произнесла Эмилия. Он не услышал её, не услышал меня. В своей ярости он не слышал ничего.

Я заметила движение справа от меня, а затем кто-то оттянул Ашера от Джона Томаса. Я не сразу осознала, что это был Генри. Ашер попытался вырваться из его хватки, бросаясь вперед. Крепко сжимая руки на его груди, Генри оттащил его назад.

— Хватит, Аш, — сказал Генри.

Через несколько секунд к нам нагрянули учителя. Джон Томас всё ещё лежал на земле, истекая кровью. Он всё ещё улыбался. Затем он поймал мой взгляд, и я почти слышала, как он злорадствовал:

Не ты одна можешь осуществить план.

ГЛАВА 24

Ашера отстранили от учёбы на две недели. Ему повезло, что его не исключили. У драки было много свидетелей, которые могли описать произошедшее: Ашер ударил первым. Джон Томас даже не отбивался.

Только несколько человек слышало, как Джон Томас провоцировал Ашера на драку.

Когда директор спросил у Эмилии, приставал ли к ней Джон Томас, она покачала головой. Она не посмотрела Ашеру в глаза. Не сказала ни слова.

Как она могла это объяснить?

Когда мы выходили из кабинета директора, Ашер поймал её взгляд.

— Эм...

— Не нужно, — настойчиво произнесла Эмилия. Я мысленно перевела её слова: *Не спрашивай у неё, о чём говорил Джон Томас. Не спрашивай, почему она не сказала директору правду.* — Ты наконец-то добился того, чтобы тебя отстранили, — сорвалась она. — Теперь ты счастлив?

— Я просто... — начал было Ашер, но Эмилия не дала ему закончить. Она опустила

руку на его грудь и оттолкнула его.

— Я тебя об этом не просила.

На уроке «Говоря о словах» покрытый синяками Джон Томас объявил, что он будет работать со мной в паре.

К нам подошел Генри.

— Настоящий мужчина никогда не предполагает, что кто-то захочет быть его напарником, — произнёс Генри. Он одарил Джона Томаса взглядом, от которого по моей спине пробежали мурашки. — Настоящий мужчина спрашивает.

Судя по голосу Генри, на самом деле, он говорил не о парной работе на уроках.

— Настоящий мужчина не принуждает. Не давит, — продолжил Генри. — Он не может просто взять то, чего хочет. Он спрашивает, — ещё несколько секунд Генри пристально смотрел на Джона Томаса, а потом он повернулся ко мне и продемонстрировал пример. — Хочешь вместе поработать над этим заданием, Кендрик?

Если бы взглядом можно было убить, то после того, как я посмотрела на Джона Томаса Уилкокса, он бы уже лежал в могиле.

— С радостью, — сказала я Генри, отворачиваясь от сына конгрессмена.

К сожалению, в классе было нечетное количество учеников, а значит, Джон Томас мог присоединиться к любой группе. Он явно не принимал слова Генри близко к сердцу. Он посчитал их призывом к бою.

— Жаль, что так случилось с Ашером, — небрежно произнёс Джон Томас. — Он всегда был немного безбашенным.

Какой-то миг я размышляла о том, стоило ли ударить Джона Томаса самой и быть отстраненной от учебы на две недели.

— Ашер вернется в школу через пару недель, — полностью контролируя свой голос, произнёс Генри. — А вот ты, — продолжил он, глядя на Джона Томаса так, словно он видел его насквозь, — останешься полным разочарованием для каждого, кто решит тебе довериться.

Слово «разочарование» всегда било Джона Томаса по самому больному месту.

— А что думаешь ты, Тэсс? — придя в себя, спросил Джон Томас. — Ты разочарована?

— Нет, — сказала я. — Я не доверяюсь людям вроде тебя.

На несколько секунд повисла ещё одна напряженная пауза.

— Вы знали, что в Хардвике ведутся записи? — спросил Джон Томас. — О лекарствах, диагнозах, психическом здоровье... — он замолчал. — Вы не поверите, сколько девочек в этой школе отправляются в клиники расстройства пищевого поведения, когда говорят, что едут в летний лагерь. А ваша маленькая подружка Вивви? — продолжил Джон Томас. — Она — интересная личность.

Когда-то Вивви рассказала мне, что девятый класс давался ей нелегко. Она не уточняла, но я знала, что в этой истории были замешаны антидепрессанты.

После всего, через что Вивви прошла в этом семестре, мысль о том, что Джон Томас скажет кому-нибудь о ней хоть слово, заставила меня пожалеть о том, что Ашер не ударил его ещё сильнее.

Генри опустил руку мне на плечо, напоминая мне о том, что Джон Томас пытался сделать со мной то же самое, что он сделал с Ашером: спровоцировать меня на драку, подтолкнуть меня к грани.

В эту игру можно играть и вдвоём. Лучшая часть меня попыталась воспротивиться, но быстро проиграла.

— Забавно, — произнесла я, глядя Джону Томасу в глаза. — Я видела твоего отца в пятницу вечером. Ему явно было очень уютно с женщиной, которая не была твоей матерью.

— Тэсс, — Генри вложил в одно единственное слово столько осуждения. *Не опускайся до его уровня. Не играй в его игру.*

— Рыжие волосы, — продолжила я. — Синее платье. Ей явно нравилось тяжело дышать в волосы твоего отца, когда он гладил её по шее.

Лицо Джона Томаса замерло.

— Ты не знаешь, о чём говоришь, — напряженно произнёс он.

— Может, мне спросить о ней твоего отца? — я подалась вперед. — Я могу сказать ему, что ты упомянул что-то об их отношениях на уроке.

Мои слова угодили в цель. Судя по выражению лица Джона Томаса, он знал об отношениях его отца с этой женщиной, а его отец знал, что он знал.

— Он тебе не поверит, — сказал Джон Томас.

— Думаю, мы оба знаем, что это не так. Особенно, если я упомяну о том, что ты распускал слухи о семье Генри, — я облокотилась на свои ладони. — Конгрессмен очень наблюдателен, — я повторила слова, сказанные Джоном Томасом на благотворительном ужине. — Ты узнал о семье Генри от своего отца. И почему-то мне кажется, что он будет не слишком рад услышать, что ты распустил язык. Знание — это сила, — небрежно произнесла я, — и вот ты раздаешь силу конгрессмена. И ради чего? Каких-то школьных выборов, в которых ты всё равно не победишь?

Я видела Джона Томаса вместе с его отцом всего один раз, этого хватило, чтобы догадаться, что конгрессмен предпочтет самую малую долю политической власти школьным проблемам своего сына.

— Ты будешь держать свой рот на замке, — выдавил Джон Томас.

Я улыбнулась.

— Как думаешь, будет сложно организовать небольшой разговор с конгрессменом? — риторически спросила я. Джон Томас напал на Генри и Ашера. Он терроризировал Эмилию. Угрожал Вивви. Я была не против ответить на это собственной угрозой.

— Если ты ещё раз навредишь кому-то из моих друзей, — я склонилась вперед, чтобы моего лицо оказалось в дюйме от его лица, — я тебя похороню. И твой собственный отец бросит горсть земли в твою могилу, потому что Генри прав, — мой голос был едва ли громче шепота, но от этого он звучал ещё более резко. — Ты — разочарование.

ГЛАВА 25

Генри не сказал ни слова о том, как я использовала конгрессмена Уилкокса против его собственного сына. А я не сказала Генри, что иногда люди вроде Джона Томаса принимали порядочность за слабость.

Если для того, чтобы Джон Томас понял, что нападать на моих друзей было плохой идеей, мне нужно было запачкать руки — пусть будет так. Если бы я могла наказать его за то, что он сделал — и всё ещё делал — с Эмилией, если бы я могла заставить его заплатить, не заставляя её делать то, чего она явно не хотела — я бы так и сделала.

Настало время ланча, но я была не голодна. Вместо этого я вышла во двор. Я собиралась

сесть за столик, но мои ноги продолжили шагать — мимо часовни, мимо Художественного центра Максвелла, на футбольное поле. В ноябре в Вашингтоне было холодно, но в моей крови жила Монтана. Холод беспокоил меня не больше, чем парни вроде Джона Томаса Уилкокса.

Подставив своё лицо ветру, я обдумала то, что я сказала Джону Томасу — и его реакцию на мои слова. Когда-то Айви сказала мне, что фиксерам приходилось уплачивать цену. Учитывая то, что Джон Томас сделал с Эмилией, то, что он сказал Ашеру и то, с какой самоуверенностью он заявил, что отец Генри был алкоголиком, притворяясь, что он не хотел расстраивать нас этими новостями...

Я не собиралась сожалеть о том, что нанесла ответный удар.

Не собиралась гадать о том, каким человеком это меня делало.

Через какое-то время моё лицо онемело от ветра. Когда я зашагала назад к главному школьному зданию, я была уверена в одном. Если Джон Томас скажет хоть слово о Вивви, если он хотя бы посмотрит в её сторону, и я должна буду выполнить свою угрозу — я так и сделаю.

Я направилась назад к кафетерию, но выбрала длинную дорогу. Мимо компьютерных лабораторий, мимо библиотеки... Я замерла.

Я услышала звук. Резкое бульканье, напоминающее шум воды в трубе.

Не считая меня, коридор пустовал. Дверь в библиотеку была приоткрыта.

Что это за звук?

В этот момент я увидела сочащуюся из-под двери жидкость. Сначала я решила, что это вода, но затем я осознала. Она была красной. Сердце грохотало в моей груди. Я шагнула к двери. Красная — она красная — густая...

Дверь скрипнула, и что-то вывалилось в коридор. Я не сразу осознала, что это был человек. Несколько секунд спустя я узнала в нём Джона Томаса Уилкокса. Руки. Ноги. Глаза. Рот. Все составляющие были на месте, но единое целое...

Красный. Красные пятна на его груди. Его руках.

Это он издавал ужасный булькающий звук.

Я подалась вперед, осознав, что, если он хрипел, он всё ещё был жив. Мой мозг переключился в сверхскоростной режим. Под синим блейзером Хардвика его белая рубашка была пропитана кровью. Я сорвала блейзер, пытаюсь найти рану.

— Помогите! — неистово, хрипло выкрикнула я. — Кто-нибудь, помогите!

Рот Джона Томаса открылся и закрылся, когда он попытался вдохнуть. Каждый его вздох сопровождали ужасные булькающие звуки.

Я стянула собственный блейзер и прижала его к его груди. *Остановить кровотечение. Нужно остановить кровотечение.* Я снова позвала на помощь. Я кричала.

— Стреляли, — выдавил Джон Томас.

В него стреляли.

— Всё в порядке, — соврала я. — С тобой всё будет в порядке.

Я чувствовала на своих руках его кровь. Чувствовала её запах.

— Скажи, — ему удалось выдавить ещё одно слово. Он дышал всё чаще.

Продолжая давить на его рану одной рукой, я достала из кармана свой телефон. Моя рука дрожала. Я набрала 911.

— Не, — Джон Томас издал булькающие звуки. Он приподнялся, схватил меня за рубашку и посмотрел мне в глаза. — Рассказал.

Через миг он снова упал на землю. Его голова склонилась на бок. Пол под ним тонул в крови.

— Что у вас случилось?

На каком-то уровне я осознавала, что на другом конце провода заговорил оператор 911. На каком-то уровне я помнила, как набирала номер. Но на другом, более примитивном уровне, я могла думать только о теле.

Теле, которое когда-то было Джоном Томасом Уилкоксом. Больше нет.

Ни судорожных вздохов. Ни бульканья. Его глаза опустели.

— Что у вас случилось?

— Он мёртв.

Я даже не понимала, что заговорила, пока оператор не ответил:

— Кто мёртв?

— Парень из моей школы, — слова огнём обжигали моё горло. Слезы жгли мои глаза. Я не могла думать. Не могла дышать. — Кто-то стрелял в него. Я... Я пыталась помочь... Я звала на помощь, но никто...

— Мисс, вы должны сохранять спокойствие. Полиция уже едет. Стрелявший всё ещё там?

В коридоре была только я и тело, которое больше не было Джоном Томасом.

— В кого-нибудь ещё стреляли? — спросил оператор. — Кто-нибудь ещё мёртв?

Я не знаю.

Я не знала, подумала ли я об этом, или сказала вслух. Моя рука упала на пол, а с ней и телефон.

Почему никто не пришел на мои крики?

Что, если Джон Томас — не единственный? — подумала я. Эта мысль заставила меня прийти в движение. В один миг я стояла на месте, а в следующий я бросила телефон на пол и бросилась бежать к кафетерии.

К Генри и Вивви.

Распахнув дверь, я рванула в комнату. Неестественно неподвижные ученики сбились в группки. Я слышала, что кто-то плакал.

Несколько человек.

— Тэсс.

Я обернулась на звук голоса Генри. Он здесь. Он цел. Я шагнула к нему.

Генри в порядке. Мой мозг попытался усвоить эту мысль. Все они в порядке. Никто не ранен. Никто не кричал.

Генри подошел ко мне. Я никогда не видела на его лице такого напряженного выражения.

Что-то во мне сломалось.

— Стреляли, — мне удалось выдать то же слово, которое произнёс Джон Томас. — В него кто-то стрелял.

Генри протянул руку и сжал моё плечо.

— Знаю.

Кто-то застрелил Джона Томаса.

Генри знает.

— Ты знаешь? — прошептала я.

— Все знают, — напряженно ответил Генри. — Я так сожалею. Я знаю, что ваши семьи

близки.

Близки? Я попыталась усвоить его слова. Сожалею?

Сожалеет о том, что это я нашла тело? О том, что я снова и снова кричала, но никто не пришел?

— Мёртв, — я собиралась задать вопрос, но у меня ничего не получилось. — Он мёртв, и...

— Ты этого не знаешь, — вмешался Генри.

Да. Знаю.

— Тэсс.

Голос Генри напрягся. Я проследила за его взглядом к моим рукам. Кровь. На моих руках была кровь Джона Томаса. Мёртв. Он был мёртв...

— Тэсс, — мягче повторил Генри, — что случилось? Ты ранена?

— Нет, — сказала я. Глядя на свои окровавленные руки, я почувствовала теплое прикосновение Генри сквозь мою одежду. Дамба внутри меня сломалась, и я заговорила. — Кто-то стрелял в него. Я нашла тело. Я звала на помощь. Я пыталась...

Генри пригнулся, пытаясь поймать мой взгляд. Его мятно-зеленые глаза нашли мои.

— Стреляли в кого? — спросил он.

— В Джона Томаса Уилкокса, — я уставила на него. Мой мозг усвоил тот факт, что, если Генри не знал о Джоне Томасе, значит, он говорил о чём-то другом.

О ком-то другом.

Вдалеке раздались звуки сирен. Я перевела взгляд с Генри на плоский экран телевизора на ближайшей стене.

Журналистка что-то говорила в камеру. Я не слышала её — я ничего не слышала и не чувствовала. Ни рук, ни ног, ни языка. Но перед тем как наступил шок, и у меня потемнело в глазах, я различила слова в нижней части экрана.

«В него кто-то стрелял», — вот, что я сказала Генри.

Он хрипло ответил: «Знаю».

Я отшатнулась назад, пытаюсь опереться на стену. Когда я сказала: «В него кто-то стрелял», я говорила о Джоне Томасе Уилкоксе.

Генри говорил о президенте Нолане.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

ГЛАВА 26

Президента Нолана подстрелили. Кто-то стрелял в президента. Эти слова снова и снова вертелись в моей голове.

Теперь, когда я сидела на полу, облачиваясь на стену, смысла в них было не больше, чем когда я стояла в кафетерии.

Школа пребывала в режиме блокировки. Сначала мы услышали первые сирены, а меньше, чем через минуту, нас отправили по кабинетам. Свет был отключен. Двери — заперты. В коридорах дежурила охрана.

Телохранители Анны Хейден вывели её с территории школы.

Я оказалась в кабинете физики. Тут были и Генри с Вивви. Вместе с нами в комнате толпилось ещё две дюжины наших одноклассников. Кто-то плакал. Кто-то лихорадочно писал сообщения родным.

Кто-то смотрел на меня.

Кровь на моих руках уже высохла, но моя одежда всё ещё была ею пропитана. Мои брюки. Рукава моей рубашки. Лацканы, за которые меня схватил Джон Томас.

Джона Томаса застрелили, кто-то пытался убить президента, а на моих руках была кровь.

— Что ты видела, Тэсс?

Чей-то шепот нарушил рокот моих мыслей. В тёмной, забитой людьми комнате, я даже не знала, кто задал вопрос.

— Что случилось?

— Чья это кровь?

Больше голосов, больше вопросов. Я даже не осознавала, что дрожу, пока Генри не опустил руку на тыльную сторону моей шеи.

Они продолжают задавать вопросы. Снова и снова задавать вопросы, а ответы останутся одними и теми же.

Кто-то стрелял в Джона Томаса. Кто-то стрелял в него, я нашла его, и...

Кто-то позвонил стоящему у двери охраннику.

— Всё чисто, — произнёс он через несколько секунд. — В школе нет и следа стрелявшего.

Включился свет. Комната взорвалась разговорами. Их притупленный шум давил на мои уши. Если они не нашли стрелявшего, если это было не началом какой-то беспорядочной стрельбы — значит, Джон Томас был единственной мишенью.

Кто-то хотел его смерти.

Я тебя похороню. Я вспомнила, как сказала Джону Томасу эти слова. Я действительно имела это в виду. Джон Томас любил угрожать людям — и, что-то подсказывало мне, что его мишенями оказались не только мои друзья.

Почувствовав тошноту, я принялась соскребать засохшую кровь со своих рук. Дверь кабинета открылась. На каком-то уровне я осознавала, что в комнату зашел полицейский. Я слышала, как он произнёс моё имя, но я почти не узнала его. Я могла думать лишь о том, что я должна была избавиться от крови.

— Эй, — мягко произнесла Вивви. Она протянула руку, чтобы взять меня за запястья. — Всё в порядке. Ты в порядке.

Я отшатнулась от неё. Она обернулась к Генри, и он шагнул вперед.

— Тэсс, этим джентльменам нужно с тобой поговорить, — позвал учитель из передней части кабинета.

Я поговорю с полицией. Я всё им расскажу, но сначала мне нужно избавиться от крови на моих руках.

Генри поймал мои запястья своими руками. Его прикосновения были бережными, но я не смогла вырваться из его хватки.

— Вода, — сказал мне Генри. Он обладал жутковатой способностью звучать спокойно и разумно в любых обстоятельствах. — Тебе нужна вода, — он провёл меня к аварийному душу и потянул за рукоятку. Полилась вода. Генри медленно подставил под неё мои руки. Он провёл своими ладонями по моим, осторожно стирая корку крови на моих ладонях и ногтях.

Несколько секунд я наблюдала за происходящим словно издалека. Его пальцы на моих, его гладкая, шоколадная кожа на моей — неестественно бледной под кровью Джона Томаса.

— Я в порядке, — возможно, если я произнесу слова, я смогу в них поверить. Я пришла

в себя и почувствовала прикосновение Генри на моей коже, его тело рядом с моим. Кажется, в тот же миг, он осознал, что мы впервые находились так близко друг к другу.

Мы замерли. Генри сделал шаг назад. Я уставилась на красные пятна, стекающие в сток.

— Мисс, — произнёс кто-то у меня за спиной. — Вы должны пойти со мной, чтобы мы могли задать вам несколько вопросов.

Вивви передала мне стопку бумажных полотенец. Пока я вытирала руки — теперь они были по большей части чистыми, но не полностью — Генри взглянул на полицейского.

— Может, дадите ей минутку? — произнёс он. Это был не вопрос. Продолжая сверлить полицейского взглядом, Генри снял свой блейзер Хардивка и принялся расстегивать свою белую рубашку. Только когда он снял её, я поняла, что он собирался сделать.

— Ты не обязан, — начала было я.

— Кендрик, — решительно произнёс Генри. — Лучше замолчи, — теперь на нём была только майка, но он разговаривал так, словно стоял передо мной в смокинге. Затем он деловито передал мне рубашку. Ощущая на себе взгляды всех до единого учеников в кабинете, я обернулась к полицейским.

— Я могу переодеться? — как и Генри, я не спрашивала разрешения. Полицейский коротко кивнул.

— Нам нужно упаковать твою рубашку.

Упаковать её. Как улику. По кабинету пронеслась ещё одна волна шепота и догадок. В последний раз взглянув на Генри и Вивви, я вышла из класса. В уборной я сняла свою рубашку и посмотрела на кожу под ней. Чистая. Моё тело было чистым. Мои руки были почти полностью чисты, но я всё ещё ощущала кровь.

Чувствовала её запах.

Я скользнула в рубашку Генри. Она была на меня велика. Я вдохнула и принялась застёгивать первую пуговицу. На этот раз я почувствовала не запах крови, а едва уловимый аромат Генри.

Мои пальцы справились с остатком пуговиц. Выходя из уборной, я даже не остановилась у раковины. Я передала свою рубашку полицейскому.

А затем начался допрос.

ГЛАВА 27

— Я возвращалась с футбольного поля. Зашла в школу через южный вход. Когда я проходила мимо библиотеки, я что-то услышала. Я обернулась и увидела, как из-под двери сочится кровь. А потом...

Тело. Теперь это просто тело.

— Потом Джон Томас упал из комнаты в коридор.

Я рассказала свою историю с полдюжины раз. Полицейские всё повторяли, что помочь могла любая информация, даже крохотная деталь, так что мы проходили это снова и снова. Мы с полицейскими уединились в кабинете директора. Директор Рэлей стоял в дверном проёме, контролируя допрос.

— На тот момент мистер Уилкоккс был всё ещё жив? — подсказал детектив.

Я кивнула.

— Он истекал кровью. Сначала я не знала, что в него стреляли, но крови было так много, — я сглотнула. Я уже побывала в состоянии шока, и я не хотела, чтобы это

повторилось. — Я опустилась рядом с ним на колени и попыталась остановить кровотечение. Он — Джон Томас — он сказал, что в него стреляли.

— Он так и сказал: «В меня стреляли»?

— Нет, — сквозь сжатые зубы, произнесла я. — Он сказал только: «Стреляли».

А потом он сказал: «скажи», «не» и «рассказал». Мы уже обсуждали это. Снова и снова.

— Ты звала на помощь, но никто не пришел.

— Как я уже говорил, — вмешался директор, — персонал был занят новостями о покушении на президента, не говоря уже о других учениках. Царил хаос. Уверю вас, при нормальных обстоятельствах охрана была бы оповещена уже через несколько секунд.

Полиция уже отправила кого-то поговорить со школьной охраной. По всей школе работали камеры слежения. Возможно, записи с камер могли сказать полиции то, чего не могла сказать я — кто стрелял в Джона Томаса.

Как кому-то вообще удалось пронести в школу пистолет? Всего лишь один из полудюжины вопросов, эхом отдававшихся в моём мозгу каждый раз, когда я вспоминала о произошедшем.

— Что ты делала на футбольном поле? — полицейские впервые заговорили о том, что я делала, прежде чем нашла тело.

— Думала, — одного слова было достаточно, чтобы ответить на этот вопрос.

Детективы переглянулись.

— Ты сказала, что направилась к школе где-то в без десяти, — сказал один из детективов, просматривая свои заметки. — Ты нашла тело Джона Томаса. Звонок в 911 поступил где-то в три минуты.

Тринадцать минут с тех пор, как я решила вернуться в школу, до того момента, когда я набрала 911. Десять минут ходьбы, три минуты криков о помощи — снова и снова, без ответа.

— Тэсс, милая, — мисс Перкинс просунула голову в кабинет. — Я поговорила с Айви. Она уже едет.

Директор едва заметно побледнел и шагнул вперед.

— Джентльмены, думаю, этот допрос проходил уже достаточно долго. Девочка рассказала вам всё, что помнит. Я могу подтвердить, что футбольное поле находится достаточно далеко от главного здания Хардивка, и мы не запрещаем ученикам гулять по территории школы во время ланча.

Директор подошел ко мне и опустил руку на спинку моего стула.

— Если у вас есть ещё какие-то вопросы, — сказал он полицейским, — боюсь, их придётся задать в присутствии родителя или адвоката, которого они решат нанять.

Я была несовершеннолетней. Полицейские без колебания приняли моё заявление о том, как я нашла тело Джона Томаса — но слова директора напомнили им, что они не могли по-настоящему допрашивать меня без присутствия Айви.

Они не могли спрашивать о том, где я находилась перед убийством.

О том, какими были мои отношения с Джоном Томасом Уилкоксом.

Через пятнадцать минут приехала Айви.

— Ты в порядке? — негромко спросила она.

Я кивнула. Она понимала, что я солгала.

Я не была в порядке. Я стояла там в рубашке Генри, с кровью Джона Томаса на штанах, и хотела лишь одного — чтобы Айви взяла контроль над этой ситуацией и всё исправила.

Исправила меня.

— Мисс Кендрик, — один из полицейских встал и представился Айви. — Если вы с Тэсс можете остаться с нами ещё ненадолго, нам нужно задать ещё несколько вопросов.

— Завтра, — Айви тоже любила лаконичные ответы.

Офицеры явно хотели услышать не это.

— Со всем уважением, мисс Кендрик, нам правда нужно...

— Вам правда нужно подумать о том, что, если верить моим источникам, вы почти час допрашивали мою совершеннолетнюю дочь — без моего разрешения или адвоката. Любые вопросы, которые вы не успели задать за это время, могут подождать, — Айви перевела свой убийственный взгляд с одного офицера на другого. — Она — ребенок. Она получила травму, она истощена, и на ней всё ещё кровь мёртвого мальчика.

Слова Айви подействовали именно так, как она хотела: полицейские взглянули на неё с опаской и вспомнили, что на моей одежде была кровь.

— Нам понадобятся эти штаны, — сказал один из полицейских. Судя по выражению его лица, он ожидал, что только за эту просьбу Айви откусит ему голову. Вместо этого она обернулась ко мне и кивнула.

— Боди в коридоре. У него есть сменная одежда.

Я даже не стала задумываться о том, как Боди узнал, что ему нужно привезти одежду, или каким образом Айви была так хорошо осведомлена о ситуации. Она помогла мне выбраться из комнаты.

После того, как я отдала полицейским окровавленные брюки, она забрала меня домой.

ГЛАВА 28

— Выпей это, — Айви передала мне чашку с тёплой жидкостью. Я сжала её, но не стала подносить её к губам.

Айви не просила меня рассказать ей о том, как я нашла Джона Томаса. Она не допрашивала меня, не позвонила адвокату, и не начала вести себя, как адвокат. Пока мы ехали домой, она сидела рядом со мной на заднем сидении. Когда мы подъехали к дому и выбрались из машины, она приобняла меня одной рукой. Затем она приготовила этот напиток и толкнула его ко мне по столешнице.

— Горячий шоколад с капелькой кофе, — Айви посмотрела мне в глаза. — Лекарство Нору Кендрик от всех болезней.

Большую часть своей жизни я считала Нору Кендрик своей матерью. Проглотив волну эмоций, последовавших за этой мыслью, я поднесла чашку к губам и позволила напитку согреть меня изнутри.

— Ты что-нибудь слышала? — спросила я у Айви, когда мне снова удалось заговорить. — О президенте Нолане?

Айви отвернулась и стала готовить себе чашку горячего шоколада.

— Я говорила с Джорджией, — она выглядела абсолютно спокойно, но всё же она едва заметно запнулась. — Президенту всё ещё делают операцию. Пока они не закончат, мы не знаем, насколько велик ущерб.

Люди умирали во время операций. Люди постоянно умирали во время операций.

Я видела осознание этого в глазах Айви. Она работала над предвыборной кампанией президента Нолана. Когда у него или Первой Леди появлялись проблемы, они всегда

обращались к Айви. Джорджия обращалась с ней, как с дочерью.

— Ты не спросила меня, — я позволила ей не думать и не говорить об этом, — о том, что я видела.

Айви обернулась ко мне, сжимая свою чашку.

— Ты хочешь об этом поговорить?

Хотела ли я говорить о последних вздохах Джона Томаса? О том, как я прижимала руки к его груди, стараясь остановить кровь? О том миге, когда его глаза опустели, а его голова свисла на бок?

— Я ненавидела его, — я опустила взгляд на свой горячий шоколад. — Парня, которого убили, Джона Томаса Уилкокса — я его ненавидела.

Айви знала, когда стоит помолчать. Теперь, когда я начала говорить, я не могла остановиться.

— Он был ужасным человеком. В день, когда я впервые пришла в Хардвик, он хвастался фотографиями дочери вице-президента, — я сделала паузу, позволяя своему молчанию объяснить, о каких именно фотографиях шла речь. — Ей было четырнадцать. Он сказал, что она ему нравится. Сказал, что она особенная, а потом он смеялся с неё, когда хвастался этими фотографиями. Сегодня утром он спровоцировал Ашера на драку. Он рассказал всей школе о том, что перед смертью отец Генри был в реабилитационном центре, — чем больше я говорила, тем быстрее слова слетали с моего языка. — Он разослал всей школе фотографии Эмилии, на которых она едва ли в сознании. И видео, — я слотнула, вспоминая о том, что Джон Томас сказал Ашеру. — Он говорил о той ночи. Не знаю, что из этого помнит Эмилия. Я не знаю, изнасиловал ли её Джон Томас, но ему нравилось заставлять её думать, что так и было.

Айви осторожно контролировала выражение своего лица, но я увидела в её глазах вспышку гнева.

Я закрыла глаза.

— За час перед своей смертью Джон Томас сказал мне, что он получил доступ к конфиденциальным медицинским файлам Хардвика, и знал, кто лечился от расстройства пищевого поведения, депрессии и... — я слотнула ярость, всё ещё вскипавшую во мне, когда я думала о том, как он говорил о Вивви. — Он угрожал рассказать всем подробности.

— Значит, — прокомментировал стоящий за мной Боди, — у парня были враги.

Я гадала о том, как долго он стоял у меня за спиной, и что он слышал. Я повернулась к нему.

— И я была одним из них, — я обернулась к Айви. — В то утро на уроке я угрожала ему. Я сказала ему, что похороню его.

А теперь он был мёртв. Я знала, что это выглядело ужасно. Я не могла выбросить из головы кровь, пустой взгляд его...

— Эй, — Айви накрыла мои руки своими. — Это произошло не из-за твоей ненависти.

Я кивнула, словно я могла заставить себя поверить в её слова.

— Прямо перед тем, как ты приехала, полиция начала задавать более целенаправленные вопросы, — я посмотрела ей в глаза. — Скоро они узнают, что мы с Джоном Томасом не ладили.

— Не волнуйся, — сказала мне Айви. — Я об этом позабочусь.

Когда Айви Кендрик говорила, что она о чём-то позаботится, она имела это в виду.

— Я пыталась, — мой голос надломился. — Когда я увидела его, я пыталась его спасти.

Я звала на помощь, но никто не пришел. Я позвонила в 911...

Айви обошла стол и обняла меня. На этот раз я не замерла от её прикосновения.

— Если бы я могла забрать это, — сказала она, — если бы я могла щелкнуть пальцами и пережить это за тебя, почувствовать это за тебя, я бы это сделала.

— Я в порядке, — удалось выдавить мне, но мы обе знали, что это не так.

Боди прошел мимо нас, достал из шкафа большой стакан и принялся рыться в холодильнике. Несколько минут спустя, после весьма сомнительного использования блендера, он поставил стакан передо мной.

— Выпей это, — сказал он.

Жидкость в стакане была тёмно-коричневой. Я с опаской взглянула на Боди.

— Пей, — сказал он мне.

— Это что, твоё лекарство от похмелья? — спросила у него Айви.

Боди проигнорировал её. Он подтолкнул меня ногой.

— Пей, — приказал он.

Я отпила глоток и чуть не подавилась.

— И зачем я это пью? — морщась, спросила я.

— Чтобы отвлечься, — ответил Боди. — Не за что.

Прежде чем я успела найти подходящий ответ, зазвонил телефон Айви. Она протянула руку, чтобы ответить на звонок, но затем опустила её. Я практически видела, как она думает: «Сейчас я нужна Тэсс».

Но ещё я видела, что она хочет ответить.

— Ответь, — сказала ей я. — Возьми трубку.

Президенту делали операцию. Мы не знали, выживет ли он. Кто бы не звонил Айви в такое время, она должна была взять трубку.

Поколебавшись несколько секунд, Айви послушалась.

— Джорджия. Как он? — Айви развернулась и вышла из комнаты, прежде чем я успела понять ответ Джорджии.

После долгой паузы, я повернулась к Боди.

— Выпей ещё немного, — посоветовал он.

— Очень смешно, — вместо этого я отпила глоток горячего шоколада. — У них есть какие-нибудь идеи о том, кто стрелял в президента? — я не хотела спрашивать об этом Айви, но теперь мы с Боди остались наедине, и я больше не могла сдерживать вопросы.

Боди промолчал, но я прочитала ответ в его глазах. У Айви были подозрения, и — если бы не я — сейчас бы она её расследовала.

— Она думает, что этот как-то связанно с «Senza Nome»? — спросила я. — Группировка, которая нацелилась на Уолкера Нолана, на которую работает Даниэла Николае — Айви думает, что они в этом замешаны?

Прежде чем Боди успел ответить — или сказать мне перестать задавать вопросы — в комнату вернулась Айви.

— Операция президента закончилась, — сдавленно произнесла она. — Ему был нанесен большой ущерб. Они не знают... — она покачала головой, стряхивая нежеланные эмоции так, как собака стряхивает воду со своей шерсти.

— Иди, — сказала я, глядя Айви в глаза, и кивнула в сторону двери. — Что бы ни было нужно Джорджии, о чём бы она тебе ни попросила — просто иди.

Айви колебалась. Она не хотела уходить, но мы обе знали, что она не могла остаться и

держат меня за руку, когда ставки были так высоки.

— Боди может остаться с тобой, — через несколько секунд произнесла Айви. — Я могу вести машину и сама.

О водительском мастерстве Айви ходили легенды — и, учитывая то, что речь шла о покушении на убийство, я не хотела, чтобы она была там одна.

— Не глупи, Айви. Возьми Боди с собой.

Она вспыхнула.

— Тэсси, я не оставлю тебя одну после того, что ты сегодня пережила.

Я не сказала Айви, что меня зовут Тэсс, а не Тэсси. Я не сказала ей, что могу о себе позаботиться.

— Я позвоню Вивви, — вместо этого, произнесла я. — Она была рождена для пижамных вечеринок. С нами всё будет в порядке.

Несколько секунд Айви молчала, обдумывая это предложение.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Больше всех на свете. Ты же это знаешь?

— Конечно, — я не хотела, чтобы эти слова так сильно на меня повлияли. Чтобы они столько для меня значили и делали мне так больно.

— Я серьезно, Тэсси. Если бы мне пришлось выбирать между тобой и всем остальным миром, я бы выбрала тебя.

К моим глазам подступили слёзы, которые я сдерживала весь день.

— Будь осторожна, — резко произнесла я.

Она в последний раз провела рукой по моим волосам, а затем развернулась и зашагала к двери. Её каблук ровно стучали по мраморному полу.

— Я всегда осторожна.

ГЛАВА 29

— Я бы спросила, в порядке ли ты, но, кажется, этот вопрос уже устарел, — Вивви неуверенно улыбнулась мне. Прошло несколько секунд, и она ничего не смогла с собой поделать. — Ты в порядке? — выпалила она.

— Ага, — ответила я. — Я в порядке.

Вивви устала на меня.

— Это значит, что ты на самом деле в порядке, или что ты мужественно планируешь быть в порядке когда-то в будущем?

Я сдержала улыбку. В любых обстоятельствах Вивви оставалась Вивви.

— Скорее второй вариант, — призналась я.

— У тебя отлично получается мужественность, — сказала мне Вивви. — Мужественная Тэсс хочет поговорить о том, что произошло или нет? — через пару секунд она ответила на собственный вопрос. — Не говорить об этом, — сказала она, истолковав выражение моего лица. — Это я могу, — она сделала паузу. — Просто чтобы уточнить «то, что произошло» включает покушение на президента? Или только...

Она не стала произносить имя Джона Томаса.

— Айви сейчас где-то там, занимается Бог знает чем, — сказала я. Я не могла не думать — и не говорить — о покушении на президента. Я не могла подавить и эти мысли. — Ей позвонила Первая Леди, — продолжила я.

Глаза Вивви округлились.

— Она сказала?..

— Айви не сказала, чего хочет Джорджия. Она ничего не говорила о том, кто, по их мнению, стрелял в президента.

«*Senza Nome*». Название террористической группы, о которой мне рассказала Прия, отдавалось эхом в моей голове. Следом за ним последовали зловещие слова Даниэлы Николае. *Мы больше не станем ждать.*

Мы думали, что в этом видео Даниэла Николае говорила о взрыве в больнице. Мы думали, что её миссия провалилась.

Возможно, мы ошибались.

— У тебя это выражение лица, — сказала мне Вивви. — Как будто ты думаешь о чем-то, о чём тебе не стоит думать.

Прежде чем передать мне послание о «*Senza Nome*», тётя Вивви отослала её из комнаты. Нравилось мне это, или нет, но, чем меньше знала Вивви, тем безопаснее.

На каком-то уровне я понимала, что думаю точь-в-точь как Айви.

— Недавно мы с Генри разговаривали, — я чувствовала, что должна была поделиться с Вивви хоть чем-то, пусть и не тем, о чём я действительно хотела говорить. — О том, что такие вещи влияют на нас сильнее, чем на других людей, потому что мы уже переживали потери, — я замолчала, изучая тёмно-карие глаза Вивви так, как несколько минут назад она изучала мои. — Ты в порядке?

— Я должна быть в порядке, — с дрожащей улыбкой произнесла Вивви. — Джон Томас мне даже не нравился. Я не видела, как это произошло, как видела ты. И я не знакома с президентом лично, но... — она прикусила нижнюю губу. — Мой отец был врачом президента. Он виделся с ним каждый день, и я не могу перестать думать о том... — с каждым словом голос Вивви становился всё мягче. — Я постоянно думаю о том, что, если бы мой отец был жив, если бы он не ввязался в тот заговор и не сделал то, что сделал с судьей Маркеттом — сейчас он был бы там и пытался бы спасти жизнь президента.

Вивви опустила взгляд на сложенные на её коленях ладони.

— А потом, — продолжила она, — я думаю о том, что, если бы мой отец был здесь, я бы приготовила ужин и поставила его в холодильник, чтобы он мог поесть, когда вернется домой. Если бы он был здесь, он бы волновался обо мне. Он бы мгновенно переключался из режима врача в режим отца, звонил бы мне в любую свободную минуту и говорил бы, что это нормально — скорбеть, когда умирает кто-то, кого ты знал, даже если он тебе не нравился. Он сказал бы, что нормально бояться из-за того, что что-то подобное произошло в моей школе. Сказал бы мне не волноваться.

Вивви зажмурилась, и я знала, что она пытается сдержать слёзы.

— Он сказал бы, что не позволит, чтобы со мной случилось что-то плохое.

Моё сердце сжалось, когда она прошептала эти слова. Это Вивви узнала о том, как её отец был замешан в смерти судьи Маркетта. Когда он узнал, что она знает его тайну, он ударил её.

— Ты скучаешь по нему, — мягко произнесла я.

— Я не должна, — резко произнесла Вивви. — Я знаю, каким человеком он был. Что он сделал. Я не должна по нему скучать.

Я безуспешно попыталась поймать её взгляд.

— Он был твоим отцом.

Вивви обвила меня руками и очень крепко обняла меня. Мы стояли так, пока она не

отстранилась.

— Так, — сказала Вивви, небрежно стирая слезу с лица тыльной стороной ладони. — Мы обнаружили, что и ты, и я не в порядке. Будет странно, если я предложу быть не в порядке, пока мы печем печенье?

Я оттолкнула воспоминания и похоронила тайны в глубине моего сознания.

— Пусть будет печенье.

ГЛАВА 30

Я проснулась посреди ночи. На другой стороне моей огромной кровати крепко спала Вивви.

Тревога не дала мне снова заснуть, так что я выскользнула из кровати и подошла к двери. Я всё ещё думала о Джоне Томасе. О его крови на моих руках. О его последних словах.

Скажи, — прохрипел он. — *Не*. — А затем: — *Рассказал*.

Что пытался сказать Джон Томас?

Он просил меня сказать, что он чего-то не сделал? Или что он о чём-то не рассказал?

Рассказал о чём? — думала я, расхаживая из стороны в сторону. В гостиной было темно, так что я не сразу осознала, что на диване сидела Айви.

— Тэсс, — хрипло произнесла она. — Почему ты не спишь?

— Могу спросить тебя о том же, — сказала я. Когда она не ответила, я осознала, что, возможно, она получила новости.

Плохие новости.

— Президент... — начала было я.

— Без изменений, — безэмоционально произнесла Айви. — Они не уверены в том, когда он очнётся.

Если он вообще очнётся, — мой мозг подсказал слова, которые не стала произносить Айви.

— Вице-президент Хейден был приведен к присяге, как исполняющий обязанности президента, — тон Айви не изменился. — «Senza Nome» взяли на себя ответственность за покушение.

Я пересекла комнату и села на диван рядом с ней.

— Ты собираешься увидеться с арестованной террористкой, да? — негромко спросила я. — Даниэлой Николае. Ты хочешь узнать, что она знает о покушении.

Я знала Айви. Она не могла сделать так, чтобы президент очнулся. Но она могла выследить всех, кто был замешан в покушении на его убийство. Что бы ей не пришлось сделать, чтобы оказаться в одной комнате с Николае, чтобы расспросить её о «Senza Nome» — Айви это сделает.

— Тэсси... — Айви запнулась.

Я хотела сказать ей, что всё в порядке. Что я понимала, что она не всё может мне рассказать. Я хотела, чтобы это не было важно.

Но это было не так.

Для нас с Айви это всегда будет важно.

— Думаешь, Уолкер мог, сам того не осознавая, что-то рассказать Даниэле? — спросила я. — Думаешь, «Senza Nome» смогли проверить это покушение благодаря сыну

президента?

Как я и ожидала, повисла ещё одна длинная пауза. *Перестань*, — сказала я себе. — *Перестань задавать вопросы. Перестань давить. Просто перестань...*

— Я не думаю, что Уолкер знал о спецгруппе охраны его отца и их протоколе достаточно, чтобы дать «Senza Nome» информацию, которая была им нужна, чтобы это проверить, — Айви дала мне одно предложение — всего одно.

Она дала мне всё, что могла.

— У Уолкера не было этой информации, — я повторила слова Айви, а затем прочитала то, что скрывалось между строк. — Но «Senza Nome» не могли взять её из ниоткуда.

ГЛАВА 31

На следующий день проходили промежуточные выборы. В Хардвике отменили занятия. Вивви ушла домой. Официальных сообщений о состоянии президента всё ещё не поступало. Размышляя о том, что мне рассказала Айви, я отправилась на допрос об убийстве Джона Томаса.

— Как бы вы описали ваши отношения с Джоном Томасом Уилкоксом?

Учитывая всё, что произошло за последние сутки, мне казалось абсурдным сидеть здесь, отвечая на вопросы о Джоне Томасе.

— Мы с Джоном Томасом были в одном классе. У нас был один общий предмет, — ответила я. Айви сказала мне говорить правду, но отвечать лаконично. — Он казался мне жестоким.

Наверное, Айви была не рада тому, что я в этом призналась, но я не видела смысла скрывать моё отношение к Джону Томасу. Если полиция ещё не узнала о том, что он мне не нравился, то скоро они узнали бы.

— Жестоким? — спросил сидящий слева детектив.

Прежде чем я успела ответить, дверь открылась, и в комнату для допросов шагнул мужчина в дорогом костюме. Он явно умел эффектно появляться.

— Тайсон, — поздоровалась Айви. Только по едва заметному прищурю её глаз я поняла, что она была не рада его видеть.

— Айви, — без запинки ответил он и обернулся к детективам. — Брюэр Тайсон, — он представился так, словно одного его имя было аргументом. — Я представляю мисс Кейс.

Не дожидаясь приглашения, Тайсон сел рядом с Айви.

— Я думал, что вы не нанимали адвоката, — сказал Айви один из детективов.

Мы с Айви обсудили это. У неё было высшее юридическое образование. Она могла выступать в качестве моего опекуна и адвоката. Никого не нанимая, мы показывали, что мне было нечего скрывать.

— Я и не нанимала, — глядя на Тайсона, сказала Айви, — адвоката.

— Я работаю на дедушку мисс Кейс, — подсказал адвокат. — Я здесь только для того, чтобы убедиться, что всё пройдёт благополучно, — Брюэр Тайсон сложил руки на столе. — Продолжим?

На несколько секунд повисла тишина. Я думала, что Айви буквально вышвырнет адвоката создателя королей из комнаты, но, вместо этого, она обернулась к полицейским.

— Вы собирались сказать нам, почему вы считали Джона Томаса Уилкокса жестоким, — сказал один из детективов.

— Собиралась? — переспросил Тайсон. — Я бы посоветовал моей клиентке, — сказал он, мельком взглянув на меня, а затем снова переведя взгляд на полицейских, — чтобы она ни при каких обстоятельствах не отвечала на этот вопрос.

— Всё нормально, — сказала я. — Я отвечу. Джону Томасу нравилось делать людям больно, — я придерживалась простых фактов. — Он издевался над детьми помладше и всеми, кого он считал слабыми. Больше всего ему нравилось играть в игры с девушками.

— В какие игры? — спросил сидящий справа детектив.

Я обдумала мой ответ.

— Ему нравились фотографии. Делать их. И делиться ими. Он любил делать намёки. Влезать в твоё личное пространство и касаться тебя, когда тебе этого не хотелось.

— Он когда-нибудь поднимал на вас руку? — спросил сидящий слева офицер. — Играл с вами в свои игры?

Возможно, они просто пытались узнать факты — или узнать мотив. Как бы там ни было, я спокойно ответила.

— Он несколько раз хватал меня за руку, если я была недостаточно запугана тем, кто он и чем занимается его отец. Но на этом всё.

Детектив положил на стол фотографию. Эмилия, распластавшаяся у стены ванной.

— Нам удалось отследить эту фотографию к одноразовому телефону, владельцем которого был Джон Томас Уилкоккс.

Это был не вопрос, так что я не ответила.

— Вы бы назвали эту девушку одной из мишеней Джона Томаса?

Эту девушку. Эмилию даже не называли по имени.

— Насколько я понимаю, эту фотографию разослали всей школе, — продолжил детектив. — Поэтому Ашер Роудс напал на Джона Томаса?

Впервые за время допроса мне пришлось приложить усилия, чтобы сохранить спокойствие.

— Вам стоит спросить об этом Ашера, — сказала я.

Задавший вопрос детектив подался вперед.

— Насколько нам известно, вы были свидетельницей нападения.

Нападение. То, как он говорил об этом, резало мне слух.

— Джон Томас специально устроил драку, — сказала я. — Он спровоцировал Ашера.

— И зачем это Джону Томасу? — надавил детектив.

— Чтобы доказать, что он на это способен.

На какой-то миг повисла тишина.

— Если это все вопросы для моей клиентки, — вставил Тайсон, — давайте с этим заканчивать.

Последнее, чего хотели полицейские, так это «закончить с этим» так быстро.

— Вы бы сказали, что у Ашера Роудса вспыльчивый характер? — произнёс тот полицейский, что спрашивал у меня о драке. — Его легко спровоцировать на жестокость?

— Нет, — ответ прозвучал резче, чем я планировала, и, прежде чем продолжить, я заставила себя вернуться к предыдущему тону. — Ашер очень беззаботный. Немного дурашливый, — я попыталась найти более подходящее слово для описания Ашера. — Добрый.

— Тогда почему он купился на наживку? — спросил офицер. — Что такого могла сказать жертва, что могло бы оправдать...

Я сорвалась.

— Джон Томас сказал Ашеру, что он спал с его сестрой. Он сказал, что, если Эмилия говорила, что не хотела этого, она врала, — мои слова повисли в воздухе. Я говорила негромким, убийственным тоном. — Как я уже сказала, Джону Томасу нравилось делать людям больно, — я сделала паузу. — Я презирала его. Он был задирой и трусом. Не думаю, что он стоил даже того, чтобы произносить его имя. Но... — я сдержала подступившие воспоминания. — Я пыталась спасти его. Я пыталась остановить кровотечение. Звала на помощь. Позвонила в 911, — я смотрела полицейским в глаза, не сбавляя скорости своей речи. — Я никак не причастна к убийству Джона Томаса. Как и Ашер. Вчера его отстранили. Его даже не было в школе, когда в Джона Томаса стреляли.

На несколько секунд повисла тишина.

— Мы здесь закончили, — сказал адвокат, собирая свои вещи. Я взглянула на Айви. Она едва заметно кивнула. Я встала.

— Внесу ясность, — поднимаясь на ноги, сказал один из полицейских, — мисс Кендрик Кейс — не подозревается в убийстве Джона Томаса Уилкокса. Записи с камер слежения у входа в библиотеку Хардвика подтверждают её слова о том, как и когда она обнаружила тело.

Я отметила тот факт, что они не сразу сказали, что я не была подозреваемой. Наверное, они надеялись, что, если я подумаю, что они подозревают меня в убийстве, я укажу на кого-то другого. Они наверняка надеялись, что при первой же возможности я скажу им, что Ашер был очень, очень жестоким парнем.

— Что насчёт записей с камер наблюдения в самой библиотеке? — спросила я. Если бы стрелявший попал на запись, полиция не допрашивала бы меня. А значит, либо убийца Джона Томаса не попал в кадр, либо запись уничтожили.

— Боюсь, мы не можем раскрывать детали дела.

Так я и думала.

— Последний вопрос, Тэсс, — сказал более тихий из двух детективов. Я подозревала, что он назвал меня по имени, чтобы успокоить меня. — Ты узнаешь этого молодого человека?

На стол опустили ещё один снимок. Он был немного расплывчивее фотографии Эмилии, словно стоп-кадр из записи с камеры слежения. Его сделали в школьном дворе. Я видела на заднем плане часовню Хардвика.

Даже издалека я узнала рыжие волосы Ашера и черты его лица.

Мои глаза опустились к временной метке на видео.

— Возможно, Ашера Роудса и отослали домой вчера утром, но он вернулся в школу, — подтвердил детектив. — Эта запись подтверждает, что он был в Хардвике как раз перед убийством.

Я попыталась сделать так, чтобы мои вопросы — и тошнотворное чувство в глубине моего желудка — не сказались на выражении моего лица. *О чём ты только думал, Ашер? Зачем ты вернулся в Хардвик?*

Детектив подался вперед.

— Вы утверждаете, что Ашер Роудс считал, что Джон Томас Уилкоккс изнасиловал его сестру?

Возможность. Мотив.

Если бы я знала, что Ашер был в школе после полудня, я бы постаралась не давать им

мотив...

— Не знаю, — сказала я, глядя на временную метку на фотографии. — Вам стоит спросить у Ашера.

ГЛАВА 32

Шагнув на солнечную улицу с Айви по одну сторону от меня и адвокатом — по другую, я потянулась за телефоном.

Брюэр Тайсон прочистил горло.

— Звонить твоему другу при таком положении дел было бы не самым мудрым решением, — сказал адвокат.

Я понимала, что, если распечатка звонков покажет, что я связалась с Ашером, как только со мной закончила полиция, это может показаться подозрительным. Но мне нужно было поговорить с ним. Нужно было спросить, что он делал в школе.

Нужно было предупредить его.

— Встретиться с твоим другом, — продолжил адвокат, — тоже было бы не лучшей идеей. На некоторое время тебе стоит оставить мистера Роудса в покое.

Я не могла просто «оставить в покое» моего друга — особенно, если у него были проблемы.

— Невероятно, — сказала я Брюэру Тайсону, — но вы не решаете, с кем я могу разговаривать или видеться.

Адвокат взглянул на Айви.

— Она звучит точь-в-точь как ты.

Айви прищурилась.

— Твоё присутствие больше не требуется, — немногословно сказала она. — И скажи Кейсу, что, если он ещё раз застанет меня врасплох, ему не понравится результат.

Не дожидаясь ответа, Айви провела меня к машине.

— Он прав, — негромко произнесла она, когда адвокат больше не мог нас слышать. — Я знаю, что Ашер — твой друг, Тэсс, и что всё в тебе против того, чтобы оставаться в стороне от друга в такое время, но я не доверяю полиции. Возможно, запись с камеры подтвердила, что ты не убивала Джона Томаса. Но я не хочу, чтобы они гадали о том, не помогла ли ты спланировать убийство.

— Ашер здесь ни при чём, — сказала я. — Я понятия не имею о том, что он делал в школе, но Ашер не стрелял в Джона Томаса.

— Я и не говорю, что стрелял, — ответила Айви. — Но мы обе знаем, что система безопасности Хардвика строже, чем в Капитолии. Посетитель не смог бы пронести в школу оружие, а значит, полиция будет присматриваться к ученикам.

Айви сверлила меня взглядом.

— На полицию будут давить, чтобы они закрыли дело как можно быстрее. Я не позволю, чтобы ты оказалась под прицелом, — Айви подошла к пассажирской стороне машины. — Я сделаю для Ашера всё, что смогу, но мне нужно, чтобы ты держалась в стороне.

Прежде чем я успела ответить, Айви села на переднее сидение машины и закрыла за собой дверь, посчитав, что я услышала её, поняла её и подчинюсь её приказам. Я забралась на заднее сидение и захлопнула дверь — чуть сильнее, чем следовало бы.

— Звонила Джорджия, — сказал Айви Боди. — Она проведет в больнице пресс-конференцию.

И вот так просто помощь Ашеру оказалась на втором месте. В один миг Айви набрала номер и заговорила по телефону.

— Джейсон. Дай трубку Джорджии. Мне плевать, что она занята. Она не станет говорить с американской публикой, пока я не увижу, что она морально готова к вопросам, которые ей зададут.

Пятнадцать минут спустя Боди подъехал к больнице в которой находился президент. Насколько я поняла из разговора Айви с Первой Леди, пресс-конференция состоится, нравится ей это или нет.

— Тэсси? — Айви уже начала выходить из машины, когда она вспомнила, что я была в машине. — Я серьезно насчёт Ашера. Ты не можешь звонить ему, идти к нему домой или писать ему электронные письма пока всё не успокоится.

Я попыталась представить, как кто-то сказал бы Айви держаться в стороне от её друга в такое время.

— Доверься мне, Тэсс. Я же сказала, что обо всём позабочусь — позабочусь о тебе — но ты должна мне позволить.

— Довериться, — резко повторила я. В моём голосе слышалось море эмоций.

— Ладно. Ты не должна мне доверять, — натянуто поправилась Айви. — Ты просто должна меня послушать, — она развернулась в своём сидении, сверля меня напряженным взглядом. — Это важное расследование убийства. Я сделаю всё, что должна, чтобы тебя защитить, даже если мне придется защищать тебя от самой себя.

В последний раз, когда Айви решила, что меня нужно защитить от самой себя, она посадила меня на частный самолет и отправила меня в Бостон. Великая Айви Кендрик не шутила и не блефовала.

— Дай мне слово, что не попытаешься связаться с Ашером, — сказала она мне. — А если не дашь слово, то отдай свой телефон.

Дай мне слово или телефон. Ультиматум.

— Ты не имеешь права говорить мне, что делать, — парировала я. — Ты не можешь принимать за меня такие решения, — я собиралась замолчать, но не сделала этого. — Ты вообще не можешь решать за меня, никогда.

На какой-то миг повисла ледяная тишина. Айви не повела моргнула, не стала спорить и даже бровью не повела.

— Слово или телефон, — повторила она.

Боди поймал мой взгляд в зеркале заднего вида. В его глазах было не только понимание, но и предостережение.

Я играла с огнём.

— Ладно, — коротко сказала я, сжимая свой телефон. — Даю слово. Я не стану звонить Ашеру. Не буду писать ему или встречаться с ним.

Уже через секунду Айви ушла.

Пока Боди отъезжал от тротуара, я сжала зубы. Когда я пообещала Уильяму Кейсу, что впущу его в свою жизнь, если он спасёт жизнь Айви, я сдержала слово. Когда я сказала Эмили, что буду её должницей, я оплатила ей по полной. Я всегда держала свои обещания.

Это Айви их нарушала.

— Кто-то может сказать, что ты не можешь вечно её наказывать, — произнёс Боди. —

Но они недооценивают твою самоотверженность.

— Я её не наказываю, — возразила я. Я просто не могла забыть. Я никогда не знала, когда откроются мои раны.

Она обещала, что я могу жить с ней, а затем она бросила меня. Моя мать, просто уехала...

— Если бы Ашер был её другом, — сказала я, пресекая эту мысль, — если бы она знала, что у её друга проблемы — Айви не осталась бы в стороне.

— Не могу поспорить с этой логикой, — признался Боди. — Почти уверен, что я был этим другом. Но деваться некуда, котенок. Она взрослая. Ты — ребенок, — Боди свернул на парковку, осматривая собирающуюся у больницы толпу.

Скоро начнётся пресс-конференция Джорджии. Как бы я не злилась на Айви, я не могла не думать о том, как Даниэла Николае пообещала, что они больше не станут ждать.

Сначала взрыв, теперь президент.

И теперь Айви была там, рядом с Первой Леди.

Заставив себя сохранять спокойствие, я сделала звонок и поднесла телефон к уху.

— Уже нарушаешь своё обещание, котенок? — спросил Боди.

— Нет, — ответила я. — Раз уж ты останешься с Айви, я попрошу подвезти меня домой.

ГЛАВА 33

Когда я садилась на пассажирское сидение в машине Генри Маркетта, он посмотрел мне в глаза. Когда он видел меня в последний раз, на мне была кровь Джона Томаса.

Когда я видела его в последний раз, он снимал для меня свою рубашку.

Генри не стал спрашивать, в порядке ли я. Вместо этого он саркастично взглянул на меня.

— Если бы я знал, что должность водителя будет постоянной, я бы освежил свои навыки безопасного вождения.

Я пожала плечами.

— По крайней мере, на этот раз это твоя машина.

— Пусть это будет для меня уроком, — сказал Генри, выезжая на дорогу. — Никогда не угоняй машину для пугающей девушки.

В моих воспоминаниях я всё ещё видела, как руки Генри накрывали мои, смывая с них кровь.

— Расскажешь, от чего именно мы бежим? — спросил Генри.

— Прости, — ответила я. — Эта информация засекречена.

Генри фыркнул.

— Будь на твоём месте любая другая девушка, я подумал бы, что ты шутишь.

— Будь на моём месте любая другая девушка, — ответила я, — она шутила бы.

На лице Генри мелькнуло неясное выражение.

— Судя по тому, откуда я тебя забрал, Айви с чем-то помогает Первой Леди?

— Пресс-конференция, — произнесла я. — Думаю, Джорджия хочет передать послание.

Джорджия Нолан была милой и донельзя опасной южанкой. Я представляла, какое послание она захочет передать стрелявшим в её мужа. *Соединенные Штаты не ведут переговоров с террористами. Мы их не боимся.* Два дня назад слова президента потерпели

неудачу, но теперь мои глаза обжигали слёзы от одной мысли о них. *Мы победим в войне против терроризма.*

Джорджия была не из тех, кто оступается от боя.

Как и я, — подумала я, сосредотачиваясь на моём собственном бою.

— Сегодня утром я ездила в полицейский участок, — сказала я Генри. — Детективы задавали много вопросов об Ашере.

Генри сразу всё понял.

— В то утро Ашер подрался с Джоном Томасом.

— И, судя по всему, он зачем-то вернулся в школу днём.

Генри усвоил эту информацию за несколько секунд.

— У многих в Хардвике могла найтись причина желать смерти Джону Томасу.

Так Генри пытался сказать, что Ашер этого не делал — но это сделал кто-то другой.

— Допустим, у тебя был мотив, — сказала я Генри, размышляя вслух. — Допустим, Джон Томас обидел тебя, угрожал тебе, шантажировал или знал о тебе что-то, о чём не должны были узнать другие... — я вспомнила о том, как Джон Томас сказал, что он получил доступ к медицинским записям Хардвика. Я подумала о том, как он фотографировал Эмилию, Анну Хейден и ещё бог знает скольких девушек. — Если ты знал, что Ашер ударил Джона Томаса, то ты знал, что полиция посчитает Ашера подозреваемым.

— Особенно, — добавил Генри, — если ты сможешь заманить его в школу. Ты уже поговорила с Ашером?

— Нет, — сказала я, готовясь к его реакции. — Айви заставила меня пообещать не делать этого.

Я ждала, что Генри сорвется, как в прошлый раз, когда Айви сказала мне во что-то не вмешиваться.

Вместо этого он просто поднял бровь.

— Она заставила тебя пообещать, что этого не сделаю я? — спросил он.

— Нет, — ответила я, улавливая ход его мыслей. — Вообще-то, нет.

Может, я была из тех, кто держал слово — но ещё я была из тех, кто ищет лазейки.

Когда мы остановились на следующем светофоре, Генри достал телефон, включил громкую связь и позвонил Ашеру.

Никто не ответил. Вместо этого нас перенаправили на автоответчик.

— Вы дозвонились Ашеру Роудсу. Сейчас меня допрашивают о преступлениях, которые я не совершал, но, если вы оставите своё имя и номер телефона, я вам перезвоню.

— Он хотя бы не потерял чувство юмора, — сказала я.

Генри это не обрадовало.

— Ашер не потеряет чувство юмора, даже если будет идти к виселице, — Генри набрал другой номер. Этот звонок тоже был перенаправлен на автоответчик.

— Привет! Вы дозвонились великолепной сестре Ашера. Сейчас она не может ответить, вероятно, потому что она поняла, что я сменил её автоответчик и теперь планирует мою скоростижную... — кто-то поднял трубку и Генри заговорил, перебивая автоответчик. — Эмилия. Ашер...

— Увяз по уши? — закончила за него Эмилия. — Да. Он в полицейском участке, — Эмилия сглотнула. Когда она заговорила снова, её голос был спокоен. — Вчера я случайно оставила свой телефон во дворе. Кто-то написал Ашеру сообщение, притворившись мной. Они сказали, что он мне нужен. И, так как мой брат — идиот, специализирующийся на

идиотских поступках, из-за которых его могут исключить, он вернулся в школу.

Кто бы ни стрелял в Джона Томаса, этот человек хотел, чтобы Ашер был в школе. Он хотел, чтобы вину свалили на него.

И он знал, что Ашер буквально спрыгнул бы со скалы ради своей сестры.

— Мы узнаем, кто это сделал, — сказала я Эмили. Это было обещание — Генри, Эмили и самой себе.

На другом конце провода повисла долгая пауза. Когда Эмилия заговорила, в её голосе не было и следа эмоций.

— Ты попытаешься.

ГЛАВА 34

На следующий день в Хардвике возобновили занятия.

— Моя тётя думала, что уроки отменят хотя бы до конца недели, — сказала мне Вивви, когда мы с ней зашли в часовню Хардвика для все школьного собрания.

Также думала и я, но, судя по всему, у администрации Хардвика были другие планы.

— Как всё прошло в полицейском участке? — понизив голос, спросила Вивви.

— Хорошие новости в том, что они меня не подозревают, — не церемонясь, ответила я. — Плохие в том, что они подозревают Ашера.

— Ашер бы и мухи не обидел, — сердито произнесла Вивви. — В смысле, конечно, он несколько раз ударил Джона Томаса по лицу — но, не считая этого, он бы и мухи не обидел.

— Знаю, — сказала я. И это была правда. Я знала, что Ашер не пошел домой за пистолетом. Знала, что он не стрелял Джону Томасу в грудь.

— Прошу, садитесь. Все, садитесь на места, — голос директора был силен, но его лицо выглядело мрачно. На этот раз комната затихла почти мгновенно. — Последние несколько дней были сложными для нас здесь, в Хардвике, — произнёс директор. — Многие из нас только начинают осознавать чудовищность нашей потери.

На скамье у меня за спиной несколько девушек отрывисто вздохнули. На противоположной стороне комнаты склонилась парочка друзей Джона Томаса. Их глаза были пусты, и они явно были готовы кого-нибудь ударить.

— Джон Томас Уилкокс был блестящим молодым человеком, которому только предстояло прожить всю свою жизнь, — продолжил директор. — Стоило ему перевестись сюда в девятом классе, он тут же наложил свой отпечаток на эту школу и на каждого из нас. Он был примерным учеником, естественным лидером и чудесным другом.

Я чувствовала, как меняются всеобщие воспоминания. Люди запоминают всё хорошее и забывают о другом. Таким Джона Томаса запомнит большинство наших одноклассников: парень, который всем нравился, с хорошим чувством юмора. Спортсмен. Отличник. Его жизнь была полна возможностей и прервалась слишком рано.

На противоположной стороне комнаты Эмилия сидела рядом с Майей и Ди. Пока директор говорил, она смотрела прямо перед собой, не моргая и крепко сжимая руки.

— В ближайшие дни, — продолжил директор Рэлей, — в Хардвике произойдут некоторые перемены. Мы удвоим охрану школы и пересмотрим все протоколы, чтобы убедиться в безопасности учеников. До получения следующих указаний, мы просим учеников оставаться в главном здании школы. Если вы знаете что-то, что может помочь полиции, советую вам поговорить с родителями и, как можно быстрее, рассказать об этом.

Я догнала Эмилию, когда она зашла в женский туалет. Она сжимала край раковины, склонив голову. Костяшки её пальцев побелели.

— Вытерпеть это, должно было быть сложно, — сказала ей я. Я облокотилась на дверь туалета, чтобы никто не смог зайти и увидеть Эмилию в таком состоянии.

— Вытерпеть что? — парировала Эмилия. — Причисление Джона Томаса Уилкокса к числу святых, или взгляды людей, с которыми я училась всю свою жизнь, и которые считают, что это сделал мой брат?

Я решила, что это был риторический вопрос.

Эмилия обернулась ко мне.

— Если я скажу тебе уйти, есть хоть небольшой шанс, что ты послушаешься?

Я опустила руки.

— Маловероятно.

Эмилия заставила себя расправить плечи. Она остановилась прямо передо мной.

— Я пыталась понять, кто взял мой телефон, — сказала она, избавляясь от любого намека на уязвимость. — Я оставила его во дворе в понедельник утром, — Эмилия явно не хотела говорить о своих чувствах. — Кто-то отдал его администрации днём, но никто из персонала не помнит, кто именно.

Я не могла заставить Эмилию впустить меня, так что я сосредоточилась на фактах.

— Джон Томас сказал мне, что он получил доступ к документам о студентах Хардвика, — сказала я. — Документах с конфиденциальной медицинской информацией.

— И этого парня все оплакивают, — глухо произнесла Эмилия. — Примерный ученик, естественный лидер и чудесный друг.

Взгляд Эмилии, повторяющей слова директора, напомнил мне о том, что Джон Томас не просто любил власть. Он любил заставлять других людей ощущать себя бессильными.

— Нам нужно узнать, кто в этой школе мог желать смерти Джону Томасу, — негромко произнесла я.

— Ты имеешь в виду, кроме меня?

— Эмилия...

— Я не ребенок, Тэсс, — Эмилия сжала кулаки, впиваясь в ладони ногтями. — Говори то, что думаешь, — Эмилия уставилась на меня так, что я почти чувствовала её взгляд на своей коже.

— Ты была не единственной, кого он фотографировал, — всё, что я могла сказать, не раскрывая чужих секретов — или не заставляя её говорить о том, к чему она была не готова.

Четыре или пять секунд Эмилия молчала.

— Если мы собираемся искать людей, которые знали, кем на самом деле был Джон Томас Уилкокс, — негромко произнесла она, — можно начать с твоего маленького социального эксперимента.

Я с Эмилией.

Ещё какой-то миг Эмилия смотрела на меня, а потом она снова отвернулась к раковине.

— Это дело привлечет национальное внимание. Мои родители наняли адвоката, но адвоката, которого мы можем себе позволить, будет недостаточно, — она сжала губы. — Он был сыном конгрессмена, Тэсс. А Ашер — никто.

Я знала, что она говорит не только об Ашере.

— Я найду Ашеру адвоката, — пообещала я. — Я сделаю всё, что нужно.

Эмилия методично сполоснула руки, а затем подняла взгляд к зеркалу. Сначала я решила, что она проверяет свой макияж, но потом я осознала, что она изучает собственное выражение лица — и удаляет любые намёки на слабость.

— Ты не обязана быть в порядке, — сказала ей я. — То, что ты чувствуешь — это нормально.

Эмилия протолкнулась мимо меня. Она потянулась к двери, а затем остановилась.

— И что я, по-твоему, чувствую? — негромко, но резко произнесла она. — Я должна грустить? Или быть шокирована? А может, я должна падать в пропасть? Но это не так. Мне не грустно, я не шокирована, и я не падаю, — она посмотрела на меня. — Беспочуйся о моём брате и о том, чтобы найти того, кто желал смерти Джону Томасу, — приказала она. — Потому что я в порядке.

После второго урока я позвонила Айви. Никто не ответил.

После третьего урока я позвонила Айви. Никто не ответил.

За ланчем я позвонила Уильяму Кейсу. Он взял трубку. Я спросила его, сможет ли кто-нибудь из фирмы Тайсона Брюэра защищать Ашера. На другом конце провода повисла пауза, пока мой дед осмысливал тот факт, что я прошу об услуге.

— Только скажи, Тэсс, — произнес Кейс. — Просто попроси, и твоего друга будет защищать целая команда лучших в стране адвокатов. Бесплатно.

Возможно, бесплатно для Ашера, — подумала я. Мне эта услуга явно дорого обойдется.

— Сделайте это.

ГЛАВА 35

Как оказалось, узнать, кто из школьников мог желать Джону Томасу смерти, было куда сложнее, чем организовать договор с лучшими адвокатами в стране. Когда речь заходила о том, чтобы плохо отзываться о покойниках, даже моя репутация фиксера не помогала развязать языки.

— Существует термин, которым психологи описывают нашу память в моменты, которые нас удивляют и шокируют. В моменты, когда мы узнаём новости, которые потрясают нас до глубины души, — Доктор Кларк стояла в передней части кабинета, рассматривая нас. — «Вспышки памяти», — произнесла Доктор Кларк. — Так называются воспоминания с масштабных, эмоционально значительных моментах. Большинство американцев, которым было больше шести лет двадцать второго ноября 1963 года, могут точно сказать вам, где они были, когда узнали об убийстве президента Кеннеди, — Доктор Кларк позволила нам усвоить её слова. — День, когда взорвался шатл «Челленджер», — продолжила она, перечисляя другие события, которые могли спровоцировать «вспышки памяти». Она сглотнула. — Одиннадцатое сентября 2001 года.

Эти дни навсегда оставались в памяти людей — яркие, в подробностях, навсегда запоминающиеся каким-то примитивным ужасом. Я не помнила 11.09, не говоря уже о «Челленджере» или дне, когда застрелили Кеннеди.

Понедельник, шестое ноября, — подумала я. — *Президент Нолан. Джон Томас. Шестое ноября.*

— После того, что произошло за последние несколько дней, — произнесла Доктор Кларк, — я задавалась вопросом о том, как люди запомнят эту неделю, эту трагедию, — она не спешила. Каждое слово давалось её с трудом, а слушать её было ещё сложнее. —

Возможно, они запомнят то, где они находились, когда стреляли в президента Нолана? Или то, как они обновляли новостные сайты, отчаянно надеясь узнать что-то новое о его состоянии? Они запомнят, как в выборах приняло участие рекордное количество голосующих, потому что отдать свой голос — это единственное, что они могли сделать? Запомнят, как Первая Леди сказала, что её мужа ввели в искусственную кому? Или выражение её лица, когда она в прямом эфире поклялась, что президент Нолан переживёт это, потому что он умеет выживать?

Не считая голоса учителя, в комнате царил тишина.

— Возможно, люди запомнят, как сыновья президента стояли за Первой Леди на пресс-конференции? Вспомнят ли они хоть что-нибудь о неделе перед нападением? — Доктор Кларк покачала головой. — У меня нет ответов на эти вопросы. Но вот, что я могу сказать, — произнесла она, глядя на нас — сквозь нас, — одиннадцатого сентября я была в самолете. Трансатлантический перелет, мой последний год в колледже. Я училась за границей. Помню, как мы приземлились, и я вышла из самолета. Помню, как люди стали включать свои телефоны. Новости стали медленно распространяться, от человека к человеку... И аэропорт... — она закрыла глаза. — Там были включены новости. Помню, как я смотрела их и думала о том, что я едва не решила лететь через Нью-Йорк.

Я слышала в её голосе знакомую чувствительность, и опустила взгляд на парту, отталкивая эмоции, из-за которых моё горло сжималось, а глаза щипало от слёз.

— Теперь я хочу, чтобы все вы, — сказала Доктор Кларк, — что-то написали. О понедельник. О том, что вы запомните и что, как вам кажется, запомнят другие. Пишите о своих вопросах своих чувствах. Пишите всё, что угодно.

На какой-то миг повисла мучительная тишина.

— Нам можно писать о Джоне Томасе? — наконец спросила девушка, сидящая за первой партой. Её голос дрожал.

Вопрос высосал из комнаты воздух.

Вот, что запомнят ученики этой школы. Их «вспышка памяти» — сначала они слышали новости о президенте, а затем их заперли в кабинетах, в ужасе думая, что по школе ходит убийца.

— Пишите всё, что угодно, — повторила Доктор Кларк.

Я подняла ручку, но слова не шли. Сидящая рядом со мной Вивви уже что-то писала. Я нашла глазами Эмилию. Она сидела очень прямо, сложив руки на коленях и опустив голову. Я гадала о том, признается ли кто-нибудь в этом классе, что смерть Джона Томаса не была для них трагедией.

— Если хотите, — мои размышления нарушил голос Доктора Кларк, — можете разбиться на небольшие группы и поговорить об этом с одноклассниками. Если хотите продолжить писать, просто оставайтесь за своей партой.

Один взгляд в сторону Эмилии сказал мне даже не пытаться к ней подходить. Вместо этого мы сели в углу вместе с Вивви и Генри.

— Мы ищем кого-то, кто является важной частью сообщества Хардвика, — я не стала церемониться. Доктор Кларк хотела, чтобы мы справились с этой трагедией. У меня был свой способ. — Человека, которого не стала бы проверять охрана, — продолжила я, — ненавидевшего Джона Томаса.

Вивви несколько раз моргнула. В отличие от неё, Генри явно не питал иллюзий о том, что мы станем делиться нашими чувствами.

— Если бы Ашер был здесь, — сказала Вивви, — он бы предложил дать преступнику кодовое имя.

— Нам не нужно кодовое имя, — сказал Генри.

— Если к нам подойдет Доктор Кларк, — настояла Вивви, — лучше ей не слышать, как мы говорим об убийце. Давайте говорить о... — несколько секунд она размышляла. — Ёжике.

Генри мудро решил не спорить.

— Ладно, — сказала я. — Нам нужно понять, у кого мог быть мотив заежить Джона Томаса. Проблема в том, что люди не в настроении для разговоров. Не о настоящем Джоне Томасе.

— Сейчас ты предложишь очень неразумный способ сделать так, чтобы люди оказались в настроении для разговоров, надеясь, что кто-то сможет пролить свет на то, кем может быть, — Генри мельком взглянул на Вивви, — ёжик?

— Забавно, — сказала я Генри, барабанив пальцем по своему колену, — но как только ты сказал «неразумный», у меня появилась идея.

Сейчас ученики Хардивка всё ещё прибывали в состоянии шока. Они скорбели. Но скорбь была многослойным чувством. Со временем, людям понадобится выплеснуть эмоции. Со временем, они заговорят.

Возможно, если я организую способ выплеснуть эмоции, они заговорят чуть быстрее.

— Я хочу знать, что ты затеваешь? — спросил Генри.

Я улыбнулась.

— Наверное, нет.

Когда нас отпустили с урока, я нашла в коридоре Ди.

— У меня есть для тебя предложение, — сказала ей я.

— Предложение? — переспросила мисс Дипломатический Иммунитет. — Или вызов?

— Вызов, — ответила я. Глаза Ди засияли. — Я вызываю тебя, — продолжила я, — устроить вечеринку в пятницу ночью и пригласить туда всю школу.

Я надеялась, что вечеринка, организованная Ди, может послужить хорошим местом, чтобы выплеснуть эмоции.

— Не очень оригинальный вызов, — я слышала в словах Ди её исландский акцент. Она сложила руки на груди и склонила голову на бок, ожидая, когда я перейду к чему-то более интересному.

Я симпровизировала.

— Я вызываю тебя устроить вечеринку здесь. В Хардивике.

— Ты хочешь, чтобы я вломилась в школу и убедила наших одноклассников сделать то же самое? — спросила Ди. Её глаза сияли. — Это незаконно, — продолжила она, — и вполне возможно, мы попадемся.

— И? — спросила я.

Ди провела рукой по своим светлым, заплетенным в косу волосам. Кончики её губ изогнулись в опасной улыбке.

— Вызов принят.

ГЛАВА 36

В пятницу вечером Айви вернулась домой, как раз когда я собиралась ехать в Хардивик.

Я понятия не имела о том, чем она занималась в последние сорок восемь часов, но я знала, что президент всё ещё находился в коме.

А Айви всё ещё находилась на тропе войны.

— Хорошо выглядишь, — слова Айви прозвучали скорее подозрительно, чем лестно. Она оглядела мой наряд. На мне были черные джинсы и свободный серый топ — обе вещи купила для меня она.

— Я иду на вечеринку, — сказала я. Не было смысла врать Айви — правда скрывала мою настоящую цель ничуть не хуже.

— Что за вечеринка? — спросила Айви.

Вечеринка, на которой я надеюсь узнать что-то об убийстве Джона Томаса.

Я взяла свой телефон и ключи от дома и сухо взглянула на Айви.

— Ты это серьезно?

— Серьезно ли я спрашиваю у своей подопечной-подростка, о том, где и с кем она проведет вечер? — парировала Айви. — Да, я это серьезно.

— Меня заберет Генри Маркетт, — я озвучивала правдивые факты, один за другим. — На вечеринке нас встретит Вивви. Там будет много людей из школы. Неделя выдалась тяжелой, — Айви знала, что это было преуменьшением. — Людям нужно забыться, — сказала я Айви. Я хотела, чтобы она поверила, что под людьми я подразумевала себя. — Хотя бы на одну ночь.

— Там будет Ашер? — Айви знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я не была большой любительницей вечеринок. Она не волновалась о том, что я расслаблюсь и попаду в типичные подростковые неприятности. Она беспокоилась о скрытых мотивах.

Умная женщина.

— Ашера отстранили, — сказала ей я. — Половина школы считает его убийцей. Не думаю, что он придёт.

Несколько секунд Айви смотрела на меня, осмысливая правдивость этих слов.

— Мы закончили? — спросила я.

Ещё пару секунд Айви смотрела мне в глаза, а затем она кивнула. Когда я повернулась к двери, выражение её лица едва заметно изменилось. Она выглядела усталой. *Измотанной*, — подумала я. Нервной.

А затем я заметила на её запястье синяк.

Я замерла. Из-под её рукава выглядывал фиолетово-синий синяк. Свежий. В один миг я оказалась рядом с ней.

— Тебя ранили, — сказала я. Я была так сосредоточенна на вечеринке, на Ашере и на том, чтобы Айви не узнала о моём плане. Я не заметила того, что она тоже что-то скрывала.

— Я в порядке, — ответила Айви.

Я осторожно взяла её за руку.

— Ты не в порядке.

Айви с бомбой на груди. Айви при смерти, из-за меня. Воспоминания нахлынули внезапно, без предупреждения. Я почувствовала себя клаустрофобом в сжимающейся комнатке, словно на мою грудь упала тяжесть, которая вот-вот раздавит мои лёгкие.

Айви взяла меня за подбородок.

— Посмотри на меня, — она повторяла эти слова, пока мои глаза не сфокусировались. — Со мной всё в порядке, Тэсси, — мягко произнесла она. — Я пыталась кое-кого разозлить, и у меня получилось. Она схватила меня за руку, но всё в порядке.

Она.

— Ты виделась с Даниэлой Николае, — сказала я. Я знала, что Айви планировала допросить террористку. Я знала, что она хотела ответов.

— Ты пошла на встречу с известной террористкой и целенаправленно спровоцировала её сделать тебе больно? — чуть громче произнесла я.

Айви заправила прядь волос мне за ухо и опустила руку.

— Я пыталась заставить её заговорить, — уточнила Айви. — Физическое нападение застало меня врасплох.

Судя по упорству в голосе Айви, Даниэле Николае больше никогда не удастся застать её врасплох.

— Она рассказала тебе что-нибудь? — спросила я. — О «Senza Nome»?

О том, кто стрелял в президента?

На лице Айви застыло опасно нейтральное выражение лица, которое было невозможно прочитать.

Она что-то тебе рассказала, — подумала я. — Это что-то тебя расстроило. Ты думаешь, что мне опасно об этом слышать.

— Наслаждайся своей вечеринкой, Тэсси, — Айви закрыла тему. — Иди. Хоть раз побудь нормальным подростком.

Я не сказала ей о том, что, учитывая то, чем она занималась — и что я собиралась сделать сегодня ночью — нормальность была относительным понятием.

ГЛАВА 37

— Ты почти ничего не сказала с тех пор, как я забрал тебя, Кендрик, — Генри съехал с шоссе и с вызовом изогнул бровь. — Размышляешь о том, насколько мудро идти на вечеринку, которая включает в себя взлом с проникновением?

Я молчала, потому что я думала об Айви. О синяке на её запястье. И о том, как она его получила.

Я пыталась кое-кого разозлить, и у меня получилось.

— Тэсс? — Генри так редко называл меня по имени, что я не удержалась и взглянула на него. Через несколько секунд я отвела взгляд, но, кажется, он увидел в моих глазах больше, чем мне хотелось бы.

— Что плохого в небольшом взломе с проникновением в компании друзей? — шутливо произнесла я.

Я хотела, чтобы Генри как-то прокомментировал мою любовь к преступлениям.

— Как твоему другу, — вместо этого, сказал он, — мне можно спросить, о чём ты только что думала?

Месяц назад Генри не стал бы спрашивать.

Месяц назад я бы не ответила.

— Айви виделась с террористкой, которая устроила взрыв в больнице.

Я практически видела, как в голове Генри вертелись шестеренки, пока он усваивал эту информацию. Моё сердце грохотало о рёбра. Я не планировала рассказывать об этом ему — или кому бы то ни было.

Мне всегда лучше удавалось хранить чужие секреты, чем свои.

— У Айви на запястье был синяк, — коротко произнесла я. — Я увидела его. И

спросила её о нём.

Генри читал между строк.

— Предположу, что Айви была не в настроении для разговоров о синяке — или о террористке.

Я могла фыркнуть. Могла иронично сказать, что слова «Айви Кендрик» и «настроение для разговоров» редко встречались в одном предложении.

Вместо этого я произнесла:

— Айви сказала, что она пыталась разозлить террористку. Думаю, она надеялась, что эта женщина расскажет ей что-то о нападении на президента Нолана.

На несколько секунд повисла тишина.

После взрыва в больнице, я не сказала Генри о том, что я подозревала, что в этом был замешан Уолкер Нолан. Я так и не рассказала ему, что, по мнению Айви, в смерти его деда мог быть замешан кто-то четвертый.

За короткое время нашего знакомства я скрывала от Генри Маркетта множество вещей. Но он был рядом, он слушал меня. И я могла думать лишь о том, как Генри играл, был моим напарником по преступлению на переднем сидении машины Бэнкрофта, как Генри смывал кровь с моих рук в день смерти Джона Томаса.

— Группировка, которая взяла на себя ответственность за нападение на президента? — произнесла я, глядя ему в глаза. — Разведка называет их «Senza Nome». «Безымянные». Они специализируются на проникновении в правительства.

Генри остановил машину в жилом районе примерно в миле от школы. На какой-то миг его рука замерла над ключами зажигания, а затем он повернул их, заглушив мотор.

— Не думаю, что Айви решила рассказать что-то ещё, — произнёс Генри. Лунный свет падал на его лицо сквозь лобовое стекло. — О «Senza Nome».

Я посмотрела в окно на темноту, окутывающую окружающий нас квартал.

— Айви не из разговорчивых.

Повисла ещё одна долгая пауза, и Генри подвинул руку совсем близко к моей ладони. Я не могла заставить себя убрать руку.

— Есть идеи о том, что Айви надеялась узнать от террористки? — спросил Генри.

Если бы Генри сказал хоть слово о моих отношениях с Айви, я бы закончила разговор. Гораздо лучше говорить о правительственных заговорах, чем о чувствах.

— На днях Айви кое-что сказала, — сообщила я Генри. — Она сказала, что Уолкер Нолан не знал служебной информации, которая была нужна «Senza Nome», чтобы проверить покушение.

— Но кто-то знал, — добавил Генри.

— Кто-то знал, — повторила я. — Думаю, Айви подозревает, что кто-то из высокопоставленных членов парламента может работать на них. Человек, который близок к президенту.

Произнося эти слова вслух, я уверилась в этой мысли. Проникновение. Убийства. В этом был смысл.

— У Айви есть подозреваемые? — негромко спросил Генри.

— Не знаю, — ответила я. Я убрала руку от его руки, а он — от моей. — Я ничего не знаю о её подозрениях или планах.

Или о том, вернется ли она домой с чем-то похуже синяка на следующий раз.

Прежде чем Генри успел ответить, я открыла дверцу машины. У меня был выбор: сидеть

здесь и размышлять о том, чем занималась Айви, или выбраться из машины и сделать что-то самой.

ГЛАВА 38

Пока я пробиралась в мою элитную частную школу посреди ночи, я узнала три вещи.

Во-первых: под школой пролегли туннели, оставшиеся от заброшенного проекта железнодорожного вокзала, остановленного ещё до того, как Хардвик приобрел эту территорию в 1990-х.

Во-вторых: руководство Хардвика запечатало все туннели, кроме одного. Личная охрана президента назвала этот туннель дополнительным путём эвакуации, если понадобится срочно вывести детей президента или вице-президента из кампуса.

И в-третьих: пробраться в единственный рабочий туннель после окончания занятий было не так уж и сложно, если вы каким-то образом узнали о его существовании, у вас было студенческое удостоверение личности и недовольный сообщник в лице исландского спецагента, и отсутствовало чувство самосохранения, проявлявшееся в желании перелезть через заборы и риск попасться на камеры наблюдения.

Когда мы с Генри прибыли на место встречи, девятиклассник направлял учеников к скрытому входу в туннель. Мы с Генри шагали молча. В туннеле было темно, и единственным источником света были сотни светящихся палочек, которые кто-то — вероятно, Ди — артистично разбросал по всему туннелю.

Генри склонился и поднял ярко-розовую светящуюся палочку. Он протянул её мне, сухо взглянув на меня.

— Существует большая вероятность того, что мы об этом пожалеем.

Я выхватила у него светящуюся палочку и улыбнулась.

— Я не верю в сожаления.

Когда туннель разветвился, указатели на стене показали направо. Мы послушались и зашагали на раздающиеся вдалеке звуки музыки.

Когда мы наконец добрались до конца туннеля и миновали приоткрытые металлические ворота, я не сразу осознала, где мы оказались.

Это что, бассейн?

— Аквакомплекс, — сказал мне Генри.

— Ага, — ответила я, оглядываясь по сторонам. — Я догадалась.

Со всех сторон нас окружали трибуны. На полу красовался тренировочный бассейн олимпийских размеров. Кто-то оставил у края бассейна три бочонка. А вдалеке, у бассейна для ныряния, я разглядела чашу с пуншем и самый настоящий замок из красных пластиковых стаканчиков.

— Это плохо кончится, — сказал Генри, наблюдая за парочкой выпускников, карабкающихся на трамплин для ныряния с красными стаканчиками в руках.

В тот же момент рядом с нами появилась Ди, словно её призвала одна только мысль о плохой идее. В каждой руке она держала по бутылке шампанского. С властной улыбкой она опустила одну из них на пол и открыла вторую. Шампанское вспенилось, а Ди победно подняла бутылку над головой.

— Ты просила вечеринку, — перекрикивая звуки музыки, сказала она.

— Возможно, вам стоит сделать потише, — сказал ей Генри.

— Пф-ф-ф! — Ди свободно указала на стены бутылкой шампанского. — В этом здании такие толстые стены, что оно практически звуконепроницаемое!

В сорока ярдах от нас один из выпускников свалился с трамплина в одежде.

Ди нахмурилась.

— Это американская традиция? — спросила она.

— Не совсем, — ответила я.

Ди взглянула на трамплин и улыбнулась. Она отпила глоток шампанского, вручила мне бутылку и зашагала к лестнице.

Через несколько секунд мимо нас прошел мужчина в костюме и с наушником, едва слышно бормотавший что-то на исландском.

— Как думаешь, как она уговорила на это своего телохранителя? — спросила я у Генри, наблюдая за тем, как мужчина беспощадно стянул Ди с лестницы.

— Может, она пригрозила сделать что-то похуже? — рядом с нами появилась Вивви. На ней было надето с полдюжины радужных цветочных гирлянд. А вот её лицо было до комичного серьезным. — Думаю, ты была права, Тэсс. Люди расслабляются. Скоро наши одноклассники могут заговорить.

С трамплина прыгнул ещё один полностью одетый выпускник.

— С чего мы начнём? — спросила Вивви.

— С любого, кому мог угрожать Джон Томас, — я сделала паузу. — И с девочек из «ЯСЭ». Нам нужно, чтобы хотя бы один человек открылся и признался, что Джон Томас был не тем парнем, которого все хотят помнить. Если заговорит один, другие последуют его примеру.

Я сомневалась, что, если убийца был здесь, он или она рассказал бы о своём мотиве — но это мог сделать кто-то другой.

— Поговорите с девочками, — сказал Генри. — У меня на уме есть другая одна цель, — я проследила за его взглядом к группке друзей Джона Томаса, стоявших возле бочонка.

— Думаешь, они могут знать, на кого у Джона Томаса был компромат, и что он собирался с ним делать? — спросила я.

— Думаю, — ответил Генри, — что Джон Томас любил публику. Чтобы он не планировал, он должен был кому-нибудь рассказать.

С этими словами Генри пересёк комнату. Я наблюдала за тем, как на его лице появилась небрежная улыбка. При первой встрече мне показалось, что Генри Маркетт был слегка официальным и строгим. Но затем я поняла, что он умел мастерски раскрепощать других людей — когда ему этого хотелось. Пока я наблюдала за тем, как Генри скрылся в толпе друзей Джона Томаса, я заметила, что двое из этих друзей уставились на что-то — или на кого-то.

На вечеринку прибыла Эмилия Роудс.

— Мы знали, что Эмилия придёт? — спросила у меня Вивви.

— Нет, — ответила я. — Не знали. Пойдём, — к тому времени, когда я подошла к Эмилии, она без сомнения успела заметить перешептывания и взгляды. Остановившись рядом с Эмилией, я прищурилась и взглянула на друзей Джона Томаса. Один из них вздрогнул.

— Они тебя боятся? — спросила у меня Вивви, перекрикивая грохот музыки.

— Возможно, в мою первую неделю в Хардвике, — сказала я, — я угрожала парочке друзей Джона Томаса кастрацией.

— Конечно, угрожала, — Эмилия перевела взгляд с меня на Вивви, а затем обратно. — Если я скажу, что ты не должна сверлить людей взглядом ради меня, что-нибудь изменится? Я пожалала плечами.

— Или, — продолжила Эмилия, — если я предложу, чтобы вы двое отправились по своим делам, а я — по своим?

— Тэсс — святой-покровитель всех неудачников, — живо сообщила Вивви. — А я — банный лист. Кажется, ты с нами застряла.

— Кажется, вы здесь, чтобы найти способ помочь моему брату, — парировала Эмилия. — Так что идите. Будь фиксером. Мне не нужна нянька, а тем более две.

Что-то в тоне, которым Эмилия произнесла этим словам, сказало мне, что она тоже пришла сюда, чтобы помочь Ашеру. Когда Эмилия отправилась в бой, я проследила за её взглядом к парню, сидящему на трибунах. В отличие от большинства ребят вокруг, он выглядел довольно трезвым. И, кажется, он не был настроен на разговоры.

— Кто это? — спросила я у Вивви, — кивая в сторону парня.

— Мэтт Беннинг, — тут же ответила Вивви. Она прекрасно знала каждого в Хардвике от учеников до уборщиков. — У него есть младшая сестра. Лиззи. Она в девятом классе. Их отец работает в охране Хардвика.

Судя по всему, пока я думала о том, у кого мог быть мотив убить Джона Томаса Уилкокса, у Эмилии тоже появились вопросы.

Я догнала её, когда она подошла к трибунам.

— Чего ты хочешь от Мэтта Беннинга? — спросила у неё я.

— А ты как думаешь? — не сводя глаз со своей цели, ответила Эмилия. — Я хочу узнать, почему все подозревают моего брата, если всё произошедшее — включая настоящего убийцу — должны были заснять камеры.

Вивви обогнала нас и остановилась прямо перед Эмилией.

— Я знаю, что ты не захочешь это слышать, — сказала она, — но с Мэттом должна поговорить Тэсс.

— Почему? — парировала Эмилия. — Потому что полиция хочет повесить это на моего брата, или потому что я не нравлюсь людям так, как нравится Тэсс?

— Ни то, ни другое, — мягко произнесла Вивви. — Потому что, если Джон Томас кому-то угрожал, кого-то обидел, шантажировал или заставил кого-то сделать что-то, чего они не хотели, они захотят поговорить с тобой. Не с Тэсс, Эмилия. С тобой.

Эмилия сделала шаг назад. Я видела, что она хотела сказать Вивви, что это неправда. Но слова замерли у неё на языке.

— Я поговорю с Мэттом, — сказала я Эмили. *Ты справишься*, — мысленно добавила я. Я не стала произносить это вслух.

— Ладно, — Эмилия отвернулась от меня. Она не хотела этого делать, но она это сделает — ради Ашера.

Мэтт Беннинг даже не посмотрел в мою сторону, когда я села рядом с ним на трибунах. Он сидел рядом с группкой парней. Достаточно близко, чтобы казалось, что он участвовал в их разговоре, но на самом деле не присоединяясь к нему. Он был рядом, но не участвовал в действии.

Я была такой же, когда жила в Монтане.

— Не в настроении выпить? — спросила у него я.

Он не повернулся ко мне.

— Я не фанат выпивки.

Мне удалось выдавить улыбку.

— Как и я.

Тогда я остановила свой выбор на тишине. Я опустила руки на колени и принялась ждать. Прежде чем переехать в Вашингтон, я провела всю свою жизнь на ранчо моего дедушки. Я знала, когда стоит подойти к норовливому коню, а когда — подождать, чтобы он подошел ко мне.

Шли минуты. Мы с Мэттом сидели неподалеку от толпы. Ни один из нас не произносил ни слова.

— Знаешь, нас поймают, — голос Мэтта был глубоким и ровным. Что-то подсказывало мне, что ему тоже неплохо удалось бы поладить с лошадьми. — По всей школе расставлены камеры.

Я соскользнула вниз, чтобы оказаться рядом с ним, но продолжила смотреть прямо перед собой.

— Судя по всему, не по всей, — сказала я.

Если бы убийство Джона Томаса засняли камеры, полиция уже арестовала бы кого-нибудь. Я не стала утруждаться и произносить это вслух.

— Ты дружил с Джоном Томасом? — вместо этого, спорила я у Мэтта.

Несколько секунд Мэтт молчал.

— У меня есть младшая сестра, — наконец, произнёс он. — Девятиклассница. Недавно она попросила меня сфотографировать её.

Я не сразу уловила связь — его сестра была одной из участниц проекта «ЯСЭ».

— Ты её сфотографировал? — спросила я. Если он согласился помочь своей сестре, это говорило кое-что о том, каким человеком он был.

— Сфотографировал.

Несколько секунд я обдумывала это, а затем рискнула.

— Ты знаешь Ашера Роудса? — спросила я. — Если ты хоть немного знаешь Ашера, ты знаешь, что он не убивал Джона Томаса.

Мэтт никак не ответил на мои слова.

— Если бы я спросила, у кого в школе была возможность обойти камеры слежения, — рискнула я, — ты бы сказал мне?

Мэтт отвернулся от меня и уставился на импровизированную вечеринку у бассейна. Он поднял со скамейки одинокий цветочный венок и крепко сжал его в руках.

— Ты думаешь, что я знаю ответ на этот вопрос.

Да. Думаю. Я позволила молчанию ответить за меня.

— А ещё ты думаешь, — негромко продолжил Мэтт, — что я из тех, кто любит болтать.

— Это не так? — спросила я.

Он провёл большим пальцем по одному из цветов в венке.

— Я из тех, кто не любит выделяться.

Поэтому он был здесь. На грани толпы, достаточно близко, чтобы с ней сливаться.

— Если бы ты не хотел выделяться, — заметила я, — ты бы сюда не пришел.

На абсолютно незаконную вечеринку, зная, что ты попадешься.

В ответ на мои слова Мэтт обернулся, чтобы посмотреть на группку девочек у чаши с пуншем. Через несколько секунд я осознала, что одной из них была его младшая сестра. А значит, он пришел сюда только чтобы присмотреть за ней.

Я чувствовала, что Мэтт был хорошим парнем. Но ещё я чувствовала, что он не станет напрашиваться на неприятности. Вполне возможно, что они с сестрой учились в Хардвике за счёт стипендии — стипендии, которую они получали благодаря тому, что их отец работал в школе.

Он не расскажет ничего, что узнал от отца.

Он не станет выделяться и будет присматривать за сестрой.

К счастью, у меня были и другие варианты. Я облокотилась на скамью за моей спиной, наблюдая за девушками, за которыми присматривал Мэтт. Они были молоды и очень рады находиться здесь, но притворялись спокойными.

Что-то подсказывало мне, что младшая сестра Мэтта не так зациклена на идее не выделяться.

Я отправила сообщение Вивви и принялась ждать.

ГЛАВА 39

— Значит так, — рассказывала Вивви, пока мы шагали вдоль края бассейна, уворачиваясь от школьников. — Отец Лиззи очень волнуется, потому что возникли очень большие вопросы о том, как кому-то удалось отключить камеры в библиотеке в день смерти Джона Томаса. Полиция этим занимается. Директор нанял новых специалистов по охране, и, если коротко...

Понятия Вивви о краткости немного отличалось от моего.

— ... ученик мог сделать это, только если он очень хороший хакер и работал со школьной беспроводной сети. Или это может быть кто-то из охраны или руководства Хардвика, — Вивви сделала паузу. — Из самого высокопоставленного руководства, — подчеркнула она.

Прежде чем я успела ответить, между нами с Вивви оказался один из танцующих учеников. Через какой-то миг я осознала, что это был Ашер.

— Только я подумал, что директор Рэлей бывает весьма подозрительным, когда слышал «кто-то из руководства Хардвика»? — спросил он, продолжая танцевать.

Ни я, ни Вивви не ответили, так что он перестал танцевать и поднял руку в торжественном приветствии.

— Привет, друзья Ашера!

— Ашер! — сказала я, хватая его за локоть и оттаскивая его в угол комнаты. — Что ты здесь делаешь?

Я не врала, когда сказала Айви, что не ожидала увидеть Ашера на вечеринке. Учитывая всё, что произошло — и то, что как минимум один друг Джона Томаса наверняка был не против подраться — всё могло закончиться плохо.

— Ну-у-у-у, — протянул Ашер. — Возможно, я приехал на заднем сидении машины Эмилии. Возможно, она не знает, что я здесь.

Неподалеку от нас Эмилия разговаривала с тремя десятиклассницами. Она посмотрела на меня, а затем — на Ашера. Когда она увидела его, её глаза расширились, а потом она прищурилась.

— Возможно, Эмилия знает, что я здесь, — поправился Ашер.

Как только друзья Джона Томаса заметили Ашера, я почувствовала смену настроения в комнате.

Генри добрался до нас быстрее, чем они.

— Нам нужно вывести тебя отсюда, — сказал он Ашеру.

— Я всю свою жизнь ходил с этими людьми в школу, — Ашер ошеломленно перевел взгляд с Генри на меня. — Если они считают, что я способен на убийство, значит, я где-то ошибся в создании образа милого пацифиста.

В один миг Ашер стоял рядом со мной, а через секунду один из друзей Джона Томаса схватил его за лацканы рубашки.

— Недавно я поклялся не участвовать в драках, — сказал ему Ашер. — Это весьма недостойно. Признак слабого человека. А ещё тебя сразу обвиняют в убийстве... которого я не совершал, — поспешно добавил он.

— Отпусти его, — сказал Генри. Небрежная улыбка исчезла с его лица. В этом Генри не было и намёка на небрежность.

Вокруг нас в комнате повисла тишина. Все разговоры умолкли. Единственным звуком был постоянный шум басовой партии.

Парень, схвативший Ашера, выпалил ему прямо в лицо:

— Ты — труп, — сказал он. — Думаешь, люди у власти в этом городе позволяют, чтобы какой-то сын дантиста избежал наказания за то, что он сделал с сыном конгрессмена?

Я шагнула к ним. Разрывая хватку парня, державшего Ашера, я увидела в его глазах жестокость. Вот и минус того, чтобы позволить секретам и эмоциям выйти на поверхность.

В любой момент мир мог взорваться.

В окне мелькнула вспышка света, и парень отвел от меня взгляд.

— Охрана! — крикнул кто-то.

В последовавшим за этим безумии каждый был сам за себя.

ГЛАВА 40

— Как ты мог додуматься сюда прийти? — Эмилия одарила своего брата-близнеца самым агрессивным взглядом, который я видела в своей жизни. — Ты наказан, — напомнила ему она. — Ты — главный подозреваемый в деле об убийстве. И я прямо сказала тебе не приходить.

Нам удалось выбраться из туннеля и укрыться в ближайшей кофейне, не попавшись охране Хардвика — скорее всего, потому что охрана не хотела поймать слишком много учеников Хардвика.

— Тогда это казалось хорошей идеей? — Ашер улыбнулся своей сестре сияющей улыбкой.

— Это — само определение плохой идеи, — сказал ему Генри.

Ашер вздохнул.

— Всегда их путаю.

Я обещала Айви, что не стану звонить Ашеру. Обещала, что не буду писать ему и не пойду к нему домой. Формально, я не упоминала о том, что я сделаю, если увидеться решит он.

— Ты в порядке? — спросила у него я.

— Лацканы этой рубашки уже никогда не будут прежними, — со скорбью ответил Ашер. — Но я переживу.

— Нет, — произнесла я. — Ты в порядке? Последние несколько дней...

— О, это история на все времена, — произнёс нараспев Ашер. — Парень, которого по ошибке обвинили в убийстве и сообщение, которое отправила не его сестра.

— Возможно, я тебя на по-настоящему убью, — сказала ему Эмилия. Она повернулась к Генри. — Возможно, я его на по-настоящему убью.

— Лучше не стоит, — сказал ей Генри. — Хотя я тебя понимаю.

— Я по вам соскучился, ребята! — выпалил Ашер. — Кроме Эмили. Эмилию я всё равно вижу постоянно.

Я вмешалась, боясь того, что Эмилия может физически навредить своему брату.

— Что ты узнала? — спросила я у Эмили.

Эмилия перевела взгляд с Ашера на меня. Я видела, как она отгораживается от нас, превращаясь из сердитой сестры в человека, которому ничто и никто не мог сделать больно.

— Ничего, что стоило бы повторять, — произнесла она.

Судя по её голосу, сегодня Эмилия что-то узнала. Я гадала о том, что из услышанного показалось ей знакомым. Гадала о том, как она держалась, но я знала, что она не расскажет мне и не раскроет чужих признаний о Джоне Томасе.

— Нашла кого-нибудь с мотивом? — спросила я.

Эмилия пожала плечами.

— С мотивом? Да. С возможностью? Способностью? Не думаю.

— Кстати о способностях, — вмешалась Вивви, — стоит добавить в список хакерство. Если ёжик — ученик, он или она должны были понять, как взломать камеры через беспроводную сеть школы.

— Ёжик? — спросила Эмилия, изгибая бровь.

— Я одобряю! — заявил Ашер. — Хотя меня немного огорчает, что вы охотились на ёжика без меня. Просто потому что человека подозревают в преднамеренном убийстве, не значит, что у него нет чувств.

— Что нужно, чтобы взломать записи с камер наблюдения? — проигнорировав Ашера с компетентностью кого-то, кто стратегически игнорировал его годами, спросил у Эмили Генри.

— Не знаю, — ответила Эмилия. — Но я могу узнать.

Сказать, что Эмилия была хороша с компьютерами, было бы преуменьшением. Я не сомневалась в том, что, имея время и мотивацию, она могла узнать, как взломать записи с камер.

— Ты что-нибудь узнал у друзей Джона Томаса? — спросила у Генри Вивви.

— Я понял, как Джон Томас узнал о проблемах в моей семье, как он получил медицинские записи учеников Хардвика.

В день смерти Джона Томаса я предположила, что он узнал об отце Генри благодаря своему отцу. Я подслушала достаточно разговоров Айви, чтобы понимать, с какой легкостью человек мог узнать то, что не должен был.

— Конгрессмен Уилкокс хранит файлы, — сказал Генри. — О всех более или менее важных игроках Вашингтона. Не редкая практика в определенных кругах.

Я вспомнила о файлах Айви. Её программе. Клиенты Айви всегда могли рассчитывать на её абсолютную осторожность — до тех пор, пока с ней что-то не произойдёт. Если она исчезнет, программа начнёт раскрывать тайны.

— Необычно то, — продолжил Генри, — что Джон Томас каким-то образом получил доступ к файлам своего отца. Думаю, его отец об этом не знал.

Не удивительно, что Джон Томас побледнел, когда я пригрозила рассказать конгрессмену о том, что он задумал. Было бы плохо, если бы отец Джона Томаса просто проговорился о чём-то перед сыном, но, если Джон Томас нашел информацию без ведома своего отца...

Это закончилось бы для Джона Томаса очень плохо.

— Что ещё могло быть в этих файлах? — с широко раскрытыми глазами спросила Вивви. — В смысле... мы говорим об информации для шантажа, или об ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ШАНТАЖА, большими буквами? — жестикулируя, произнесла она.

— Рискну предположить, — произнёс Генри, — что мы говорим о втором варианте.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ШАНТАЖА, большими буквами Ва столиком повисло молчание. Его нарушила Эмилия.

— Если у Джона Томаса был доступ к файлам его отца, — сказала она, — то мы говорим не просто о шантаже учеников Хардвика.

Мы говорили о родителях учеников Хардвика, о политиках, лоббистах и людях с деньгами и властью. Если Джон Томас заговорил...

Мы ищем человека с доступом к Хардвику, — напомнила себе я. Но я не могла выбросить из головы слова Айви: «Хардвик — это и есть Вашингтон».

А я, лучше других, знала, насколько опасен бывает этот город.

ГЛАВА 41

— Прах к праху, пыль к пыли.

Джона Томаса Уилкокса похоронили в субботу утром — меньше чем через двенадцать часов после сорванной вечеринки. На похороны пришли почти все ученики Хардвика вместе со своими родителями. Собралась вся элита общества Вашингтона. А я могла думать лишь о том, что, если Джон Томас прочитал файлы своего отца, он наверняка мог бы шантажировать половину присутствующих.

Я гадала о том, пытался ли он это сделать.

У разрытой могилы стоял священник. Он негромко уверял нас в том, что пути Господни неисповедимы. В нескольких шагах от него стояла семья Джона Томаса. Его мать дрожала, согнувшись, словно её тело вот-вот обрушится. Рядом с ней стояли два мальчика помладше: одному из них было где-то тринадцать, а второму — не больше семи или восьми.

По другую сторону от мальчиков стоял конгрессмен. Его руки были сжаты в кулаки. Он выглядел сломленным горем — морщины, заложенные скорбью в уголках его глаз и рта, нельзя было описать другими словами. Все его лицо выглядело агрессивно, словно единственным, что удерживало кожу на его лице, была напряженная линия подбородка.

Конгрессмен очень наблюдателен. Я вспомнила слова — угрозу — Джона Томаса, и подумала о том, как отец и сын вели себя друг с другом в том бальном зале, и о выражении на лице Джона Томаса, когда Генри произнёс слово «разочарование». Возможно, конгрессмен Уилкокс умел находить скелеты в чужих шкафах, но что-то подсказывало мне, что он не уделял достаточно внимания своему сыну.

По окончании службы мой взгляд скользнул влево — к Боди. Когда-то Адам сказал мне, что Боди не ходит на похороны, но он был здесь. Со мной.

В отличие от Айви.

Я не сказала ей, что собираюсь идти на похороны. Не сказала, что она мне нужна. Я не

попросила её остаться, потому что она бы это сделала. И ей хватило бы одного взгляда на меня — на то, как я наблюдала за конгрессменом и всеми, кто присутствовал на похоронах — чтобы понять, что я пришла сюда не просто так.

— Готова? — спросил у меня Боди.

— Ещё нет, — ответила я, шагая к проходу. В нескольких шагах от меня я мельком заметила знакомую светло-рыжую шевелюру. Эмилия Роудс. Она отделилась от толпы и подошла к дальней стороне могилы. Там она остановилась, опустив взгляд на гроб. Не раздумывая, я зашагала к ней. Когда я подошла к ней, она стояла там с закрытыми глазами, склонив голову. На первый взгляд казалось, что она молится, но подойдя ближе, я расслышала её слова. Они были едва ли громче шепота, но её тело дрожало, когда она произносила их.

— Надеюсь, было больно.

Вот её молитва. Её прощание с Джоном Томасом Уилкоксом.

Через какой-то миг она подняла взгляд от могилы. На её лице застыла скорбь, и она выглядела так же, как и любой другой скорбящий.

Она заметила меня.

— Сколько раз повторять, что мне не нужна твоя помощь? — негромко спросила она.

— Ещё хотя бы дважды, — ответила я.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Как и тебе.

Я не последовала совету Эмилии. Вместо этого, я присоединилась к очереди скорбящих, собравшихся перед семьей Джона Томаса. Когда я добралась до начала очереди, конгрессмен Уилкоккс взял меня за руку.

— Тереза, — произнёс он. — Спасибо, что ты пришла.

Вы знали, что Джон Томас пользовался вашими файлами? Я сжала свои пальцы на ладони конгрессмена. Вы знали, что он узнал о вашем романе?

— Я сожалею о вашей потере, — сказала я.

— Это ведь ты его нашла, — слабым и хриплым голосом произнесла миссис Уилкоккс. — Ты была с ним, когда... — она не смогла закончить предложение.

— Я была с ним, — сказала я. Я не сказала, что пыталась помочь. Не сказала, что прижимала к его груди свой блейзер, чтобы остановить кровотечение. — Я сожалею, — повторила я, снова переводя взгляд на конгрессмена. *Я сожалею о том, что ваш муж вам изменяет. Сожалею, что, возможно, ваш сын умер из-за чего-то, что он нашел в его файлах.*

Я повернулась, чтобы уйти, но конгрессмен остановил меня. Его рука тяжело опустилась на моё плечо. Мой желудок скрутило.

— Джон Томас что-нибудь тебе сказал? — спросил конгрессмен. — В конце, когда он... — отец Джона Томаса поперхнулся этими словами.

Скажи. Не. Рассказал.

За час до смерти Джона Томаса, я угрожала рассказать его отцу о том, что он разбрасывается чужими секретами. Я угрожала сказать конгрессмену, что Джон Томас проговорился о его романе.

Скажи ему, что я не рассказав.

— Мне нужно идти, — сказала я, вырываясь из хватки конгрессмена. Я развернулась, и вперед шагнула следующая скорбящая. Ей было чуть больше тридцати, она была по-простому симпатичной и рыжеволосой. На ней было черное платье и туфли на каблучке в тон.

Я сразу же узнала её.

— Конгрессмен, миссис Уилкокс, — официальным тоном произнесла она. Скорее коллега, чем друг семьи. — Мои глубочайшие соболезнования.

Я видела конгрессмена с этой женщиной. Я видела, как он зарывается руками в её рыжие волосы. Проходя мимо неё, мне понадобилась вся моя сила воли, чтобы не обернуться. Потому что я узнала любовницу конгрессмена не только по благотворительному ужину.

Кто эта Даниэла Николае? Я почти видела, как рыжеволосая женщина задает этот вопрос, глядя в камеру. Как она попала в страну? И почему только анонимная наводка отделяет нас от террористической атаки на Америку?

У конгрессмена Уилкокса был роман с женщиной-экспертом, критиковавшей политику Нолана в новостях.

ГЛАВА 42

Интернет подсказал мне, что эту женщину звали Стефани Ройал.

— Блинчики, — Боди поставил передо мной тарелку.

Я одарила его многозначительным взглядом. Мы вернулись с похорон десять минут назад. Он не стал спрашивать, почему я молчала всю дорогу домой.

— Я умею готовить только два блюда, мелкая: блинчики и моё лекарство от похмелья, — Боди посмотрел на меня, изогнув бровь. — Хочешь, чтобы я достал блендер?

В ответ я взяла вилку и воткнула её в блинчик.

Джон Томас получил доступ к файлам своего отца. Пока я жевала, я не могла не думать обо всём, что я узнала. Конгрессмен состоял в очень близких отношениях с самым громким ненавистником администрации Нолана. Я подумала об утечках информации в медиа. Утечки появились ещё до того, как Даниэла Николае отправила Уолкеру — и всем основным новостным информагентствам — то видео.

Имя террористки.

Тот факт, что террористической атаки удалось избежать благодаря анонимному источнику.

Фотография беременной Даниэлы Николае.

У конгрессмена Уилкокса мог быть доступ к подобной информации? Мой желудок сжался. А у Джона Томаса?

Хлопнула входная дверь. Рука Боди опустилась на пояс. *К пистолету*, — осознала я несколько секунд спустя.

— Тэсс?

Стоило мне услышать голос Адама, я расслабилась. Боди закатил глаза, но опустил руку.

— Мы здесь, Чудо-мальчик, — крикнул Боди.

Адам зашел на кухню. Несколько секунд они с Боди смотрели друг на друга, а затем Боди сделал шаг назад от кухонного стола.

— Я бы предложил тебе блинчик, — сказал моему дяде Боди, — но ты наверняка следишь за фигурой.

Подмигнув мне, Боди вышел за дверь.

Адам сел рядом со мной.

— Для справки, я мог бы сходить с тобой на похороны, — сказал он, поднимая вилку и

крадя кусочек моего блинчика. — Как и Айви, если бы она знала.

Я опустила взгляд на свою тарелку. Я не рассказала им о похоронах, потому что не хотела, чтобы кто-то из них спрашивал меня, почему я решила пойти. Я не хотела, чтобы они догадались, что, пока Айви расследовала нападение на президента, я вела собственное расследование.

Но если был хотя бы маленький шанс, что моё дело было связано с её делом, я не могла молчать.

— У конгрессмена Уилкокса роман с женщиной по имени Стефани Ройал.

Судя по выражению лица Адама, он прекрасно знал, кто такая Стефани Ройал.

— У конгрессмена Уилкокса есть доступ к засекреченной информации? — спросила я. — Он мог быть источником, который рассказал медиа о взрыве?

Адам не ответил. Я решила, что это значило, что влиятельный и находчивый человек, вроде отца Джона Томаса, мог получить доступ к самой разной информации.

— Джон Томас взломал файлы своего отца, — сказала я своему дяде. — Вполне возможно, что его убили из-за чего-то, что он в них увидел.

— Ты говорила о чем-нибудь из этого Айви? — спросил Адам.

Я покачала головой.

— Почему нет? — выражение лица Адама было абсолютно серьезным. Он ждал ответа, и не собирался отступать, пока его не получит.

Потому что Айви сказала мне держаться подальше от Ашера. Она пообещала, что позаботится о нём, но ничего не сделала. Если бы она узнала, что я расследовала убийство Джона Томаса, она сказала бы мне не вмешиваться и в это.

Вместо того чтобы озвучить всё это, я достала свой телефон, позвонила Айви и включила громкую связь.

Звонок переадресовался на автоответчик.

Решив, что я донесла смысл, я закончила звонок и повернулась к Адаму.

Несколько секунд Адам молчал.

— Вице-президент пытается перевести Даниэлу Николае в засекреченную тюрьму, — слова Адама — и тот факт, что он рассказал мне об этом — застали меня врасплох. — Айви считает, что Николае знает что-то ещё о нападении на президента, и никто не доверят вице-президенту достаточно, чтобы позволить ему убрать с доски эту фигуру. Сейчас Айви там. Они с Джорджией работают над тем, чтобы остановить перевод.

— Почему ты рассказываешь мне об этом? — спросила я. Мой мозг работал на полной скорости. — Зачем мне что-то рассказывать?

Адам был не из разговорчивых — особенно, когда дело касалось террористов или работы Айви.

Адам поймал мой взгляд и несколько секунд удерживал его.

— Потому что, — наконец, произнёс он, — вы с Айви снова и снова играете в эту игру. Притяжение и отталкивание. Это делает больно и тебе, и ей, а я готов отдать всё, чтобы вам обоим никогда не причиняли боли, — он поднялся на ноги. — Я проверю связь конгрессмена с той женщиной. Исследую причины утечек.

Сейчас Адам скажет мне в это не вмешиваться. Он вычитает меня за акт бунтарства и оставит меня под замком.

— Спасибо, — вместо этого сказал Адам. Он смотрел на меня так, что я стала гадать, не видит ли он на моём месте моего отца. — За то, что доверилась мне.

Я коротко кивнула. Я думала, что теперь Адам уйдёт, но он ещё не закончил.

— Я слышал, что мой отец спонсирует адвокатов твоего друга.

Что-то подсказывало мне, что Адам пришел сюда именно из-за этого. Он хотел поговорить об этом, пока я не ошарашила его новостями о конгрессмене.

— Если ты мне доверяешь, Тэсс, — негромко произнёс мой дядя, опуская руку на моё плечо, — не доверяй ему.

Адам мягко сжал моё плечо и повернулся к двери.

— За услуги от человека вроде Уильяма Кейса всегда приходится платить.

ГЛАВА 43

Несколько часов я гадала о том, что Адам сделает с информацией, которую я ему дала. *Ему удалось передать её Айви? Он нашел связь между смертью Джона Томаса и информацией, которую слил в прессу его отец?*

Конгрессмен Уилкоккс действительно был источником этих утечек?

И если это так — откуда он об этом узнал? И мог ли у него быть доступ к какой-то ещё засекреченной информации?

Он знает что-нибудь о спецгруппе телохранителей президента? От этого вопроса у меня перехватило дыхание. *Что, если он получил эту информацию? Он мог передать её? Не только прессе — а террористам?*

Когда мне нужно было подумать, я гуляла. Боди не остановил меня, когда я вышла из дома. Я обошла квартал по кругу. Затем ещё раз. И ещё раз. Всё это время я говорила себе, что я видела связь там, где её не было. Даже если конгрессмен Уилкоккс сливал информацию в прессу — а мы всё ещё не знали этого наверняка — возможно, он был просто грязным политиком, пытавшимся получить продвижение по карьерной лестнице.

«Senza Nome» специализируется на проникновении. У них есть кто-то в конгрессе. Должен быть.

На этот раз, когда я свернула к дому, я увидела, что кто-то сидел на крыльце. Я не сразу узнала его в свете фонаря.

— Генри? — я окликнула его, шагая к крыльцу. — Что ты здесь делаешь?

Он сидел на бетонных ступеньках. За всё время нашего знакомства я ещё никогда не видела, чтобы Генри Маркетт сидел на земле. Его глаза выглядели мрачно.

— Всё в порядке? — спросила у него я.

Генри поднял на меня взгляд. Половина его лица всё ещё находилась в тени, а в его глазах отражался свет уличного фонаря.

— Впервые я увидел тебя, — произнёс он, — на похоронах моего дедушки.

Я опустилась на ступеньку рядом с Генри, не зная, к чему он клонит. Почему он выглядел так, словно он прошел через зону военных действий и увидел что-то ужасное?

— Потом, — продолжил Генри, — на поминках моего дедушки, я увидел тебя с моей сестрой и Ашером. Вы трое бросали воображаемые камешки, — он сделал паузу. — Помнишь?

— Да, — я помнила, что Генри посмотрел на нас, как на сумасшедших, словно не мог даже представить себя бегущим босиком по траве или притворяющимся бросать камни.

Генри сглотнул, а затем поднял руку. На моих глазах, он сделал вид, что бросает камешек.

— Как тебе? — хрипло произнёс он.

— Ужасно, — ответила я. — Он сразу пошел на дно и ни разу не подпрыгнул.

Генри хрипло рассмеялся. Я показала ему, как это делается.

— Всё дело в повороте запястья.

Уголки губ Генри едва заметно приподнялись. Он опустил взгляд на свои руки и воображаемый камешек.

— Иногда Талия просыпается с криками, — его кадык дёрнулся. — Сначала мой отец. Потом дедушка, — в голосе Генри слышалась решительность. — Я говорю ей, что я никогда не позволю, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое, но она волнуется не о себе. Она волнуется обо мне. О нашей маме.

Я вспомнила себя в возрасте сестры Генри. Вспомнила, как боялась, что однажды дедушка или Айви могут исчезнуть.

Генри опустил руку в стоявший рядом с ним рюкзак и достал из него белый конверт с моим именем. Я взяла конверт и открыла его. Внутри лежала поздравительная открытка. На ней был изображен элегантный белый свадебный торт, украшенный кружевом.

— От Ашера, — сказал Генри. Он закатил глаза, но напряжение в его голосе не ослабло. — На моей был блестящий пони.

Я раскрыла открытку. Внутри Ашер вычеркнул слова «Поздравляю с вашим бракосочетанием», и написал над ними: «Спасибо, что пыталась доказать, что я не маньяк-убийца».

— Если Джона Томаса убили из-за того, что он нашел в файлах своего отца, — хрипло сказал Генри, — если существует хотя бы шанс, что в этом замешаны влиятельные игроки, и кто-то из них хочет, чтобы виноватым посчитали Ашера...

Не только Талия Маркетт боялась кого-то потерять.

— Я договорилась с Уильямом Кейсом, — сказала я сидящему рядом со мной парню. — На следующем допросе у Ашера будут лучшие адвокаты в стране. Мы не позволим, чтобы с ним что-нибудь случилось, Генри.

— Кендрик, — произнёс Генри, оборачиваясь ко мне с грустной улыбкой на лице. — Некоторые вещи не можешь исправить даже ты. Если правильные люди хотят, чтобы правда о смерти Джона Томаса осталась тайной, как мы сможем их остановить? Как мы можем остановить хоть что-то?

Я знала, что Генри думает о смерти своего дедушки, скрытой, как дело национальной безопасности, и о смерти его отца, переписанной Айви в мгновение ока. Когда я впервые увидела Генри, он шагнул вперед, заслоняя собой свою мать во время похорон его деда. Я увидела в нём знакомую нужду защищать дорогих ему людей.

Он хотел защитить Ашера. И Талию. И меня.

— У Айви есть файлы, — произнёс Генри. — Как и у конгрессмена Уилкокса. Если бы мы смогли в них заглянуть, мы могли бы понять, с чем мы имеем дело.

Я подумала о том, в каком отчаянии должен находиться Генри, чтобы захотеть чего-то от Айви. Я знала, что Айви ни за что не позволит нам даже мельком просмотреть эти файлы. Так что я рассказала Генри о чём-то другом.

— У отца Джона Томаса роман с политическим экспертом, которая критиковала правление Нолана. Возможно, это конгрессмен Уилкоккс слил в прессу информацию о взрыве, организованном «Senza Nome», — я сделала паузу. — Это явно пошло ему на пользу.

Уилкоккс был партийным организатором партии меньшинства. Каждый проигрыш

президента был его победой.

— «Senza Nome» специализируется на проникновении, — продолжила я. — Если верить тому видео с Даниэлой Николае, их люди везде, включая наше правительство.

Генри сжал зубы. Я видела, как он осмысливает мои слова.

— То, что отец Джона Томаса слил информацию о президенте в прессу, не делает его террористом, — Генри всегда был голосом разума и адвокатом дьявола. — Возможно, конгрессмен Уилкокс — коррумпированный политик, но знаешь, сколько их в этом городе? Думаешь, руки президента намного чище?

Президент Нолан скрыл убийство дедушки Генри. Он был готов пожертвовать жизнью Айви, когда её держал в заложниках его собственный телохранитель.

— Если у «Senza Nome» есть человек в Вашингтоне, — сказал Генри, — это может быть кто угодно. И это не поможет нам защитить Ашера.

— Я рассказала Адаму о романе конгрессмена. Я сказала, что Джон Томас залез в файлы своего отца. Они с Айви не позволят Ашеру сесть в тюрьму за это убийство. Не тогда, когда есть шанс, что всё куда сложнее, чем мы представляли.

Очень долгое время Генри молчал.

— Хотел бы я, — наконец, произнёс он, склонив голову, — верить в них так, как веришь ты, — его голос звучал тихо и неровно. На какой-то миг мне показалось, что в его словах был какой-то глубокий смысл, который я не могла понять.

— Ты веришь в меня? — я не собиралась задавать этот вопрос.

Я даже не заметила, как Генри склонился ко мне. Я не осознавала, что подалась к нему навстречу. Но в какой-то миг между нами почти не осталось пространства.

— Я верю, что ты нарушишь любые правила, чтобы сделать то, что считаешь правильным, — ответил Генри. С каждым его словом я чувствовала на своём лице его дыхание. — Я верю, что ты не станешь мне лгать. Что ты не станешь притворяться тем, кем не являешься, — он посмотрел мне в глаза.

Моё сердце забилося. Мои губы приоткрылись, а руки сжали бетонные ступеньки.

А затем слова Генри врезались в меня. *Я верю, что ты не станешь мне лгать. Что ты не станешь притворяться тем, кем не являешься.*

Я не лгала Генри. Но я притворялась. Уже много недель, я притворялась. С тех пор, как я узнала, что, по мнению Айви, заговор вокруг смерти судьи Маркетта не был окончен. Даже не задумываясь, я скрыла возможность существования четвертого заговорщика от Генри.

Я верю, что ты не станешь мне лгать. Я сглотнула. У меня пересохло во рту.

— Я должна кое-что тебе рассказать.

Генри резко вдохнул и откинулся назад. Воздух резко вырвался из моих лёгких.

И тогда я рассказала ему.

Генри встал и начал шагать — прочь от моих слов, прочь от меня. На полпути к дороге он остановился и сжал кулаки. Он не издавал ни звука. Но с таким же успехом он мог бы кричать.

Я не стала к нему подходить.

— Генри... — его имя застряло у меня в горле. Он ни чем не показывал, что услышал меня. Я видела, как тяжело поднимались и опускались его плечи, когда он отрывисто вздыхал. Я попыталась представить, что сейчас творилось в его голове.

И пожалела об этом.

Он думал, что те, кто был в ответе за смерть его деда, были мертвы. Думал, что, пусть

никто и никогда не узнает о том, что произошло на самом деле, состоялось хоть какое-то подобие правосудия. А только что он узнал, что он ошибался.

Я верю, что ты не станешь мне лгать.

— Скажи что-нибудь, — тихо произнесла я. Он не пошевелился. Он не издавал ни звука, не считая его неровных вдохов. Каждый вздох был резче предыдущего.

Он был зол.

Ему было больно.

Он потерял самообладание — но он не сломается. Генри Маркетт не мог сломаться. Он не позволял себе потерять контроль...

— Генри, — я шагнула к нему. — Прошу, просто...

— Накричать на тебя? — тихо предложил Генри. — Что я должен сказать, Кендрик? Что я хотел бы, чтобы ты рассказала мне правду много недель назад?

Он не обернулся ко мне. Что-то в тоне его голоса заставило мой желудок изогнуться. Его голос огрубел. Я слышала, как надломился с таким трудом завоеванный им контроль.

— Сказать тебе, что у меня было право знать? — продолжил Генри, мельком глядя на меня через плечо. — Что я чувствую себя так, словно я снова на похоронах моего отца — смотрю на скандально известного фиксера Айви Кендрик и думаю о том, как она может с такой легкостью лгать в лицо моей матери?

Я знала, что этим словам полагалось ударить меня с силой взрыва. Так и случилось.

— Что ещё знает Айви? — спросил Генри. — Она вообще расследовала вероятность того, что кто-то спланировал убийство моего деда? — он уставился на меня — сквозь меня. — Она задумывалась о том, был ли в этом замешан президент? Или кто-то из правительства?

— Я не знаю, — ответила я Генри. Моё признание эхом разнеслось по подъездной дорожке.

— Кендрик, то, чего ты не знаешь, — голос Генри был едва ли громче шепота, — может наполнить океан, — он опустил взгляд на землю. Белки его глаз контрастировали с его темной кожей. — Я сказал, что Талия просыпается с криками по ночам, — он впустил меня. Теперь он наказывал себя за это. Как и меня. — После этого она забирается ко мне в кровать. Я разрешаю ей спать со мной. Разрешаю ей класть голову мне на грудь, чтобы она могла слышать моё сердцебиение, — его голос дрожал. — Я говорю ей, что мы в безопасности, что с нами ничего не случится, — он сделал паузу. — Я вру ей. Потому что этот мир не безопасен. Люди, которые должны нас защищать, те, кому мы должны доверять — иногда именно они причиняют больше всего вреда, — на несколько секунд он замолчал, а затем его тихий голос стал ещё мягче. — Как я могу защитить от этого Талию, или мою мать, или тебя?

Не дожидаясь ответа, Генри зашагал прочь. Тем лучше. Ведь я не знала, что ему ответить.

ГЛАВА 44

В ту ночь я не могла заснуть несколько часов, и, даже когда мне это удалось, Генри последовал за мной в мои сны.

— Просыпайся, Тэсси, — посреди ночи меня разбудил голос. — Тереза, — нотка неотложности в голосе Айви подействовала на меня так, словно кто-то плеснул мне в лицо

водой.

Я села в постели.

— Что случилось?

Айви провела рукой по моим волосам, убирая их с моего лица.

— Мне нужно, чтобы ты собрала сумку. Одежда, твои школьные принадлежности, всё, что тебе может понадобиться.

— Сумку? — когда Айви начала вставать, я схватила её за руку. — Айви, что происходит? — ответа не последовало. — Это из-за того, что я рассказала Адаму?

Выражение лица Айви едва заметно дрогнуло. Я видела, как она скрывает свои эмоции, пытаюсь переключиться в режим фиксера и разобраться со мной, как с очередной проблемой. Но она не могла. Айви смотрела на меня так, словно я держала в руках её сердце.

— Что происходит, Айви?

Она вырвалась из моей хватки и встала, шагая к моему шкафу и доставая оттуда сумку.

— Ты отсылаешь меня.

Никакого ответа.

— Это потому что мы с друзьями расследовали смерть Джона Томаса? — спросила я. — Ашера могли арестовать. Мы должны были что-нибудь сделать.

Айви ни на секунду не отвлеклась от сборов.

— Это Стефани Ройал отправила видео с Даниэлой Уолкеру Нолану и всем новостным агентствам.

Мы предполагали — Уолкер предполагал — что Даниэла каким-то образом отправила видео, в котором она назвала его отцом своего ребенка, с отсрочкой. В качестве очередной стадии плана, заключавшегося в том, чтобы пошатнуть Белый Дом.

— Откуда видео у Стефани Ройал? — спросила я. Айви не ответила. Я вспомнила о том, что я сказала Адаму и поправилась. — Откуда видео у конгрессмена Уилкокса?

От его источника. Если не от самой Даниэлы, то от тех, с кем она работала. Ответ повис в разделявшем нас воздухе. Но мне нужно было, чтобы Айви сказала это. Мне нужно было, чтобы она сказала, что отсылает меня, потому что она нашла связь между конгрессменом Уилкоксом и террористами, и скоро может произойти что-то плохое.

Моё горло сжалось, когда я шагнула к Айви. А через какой-то миг она обняла меня обеими руками. Я рефлекторно замерла, но она крепко держала меня. Через пару секунд я расслабилась, и мои руки сами с собой сжали её так же крепко.

Какая опасность угрожала Айви, если она отсылала меня?

— Ты должна перестать это со мной делать, Тэсси, — пробормотала Айви.

Перестать просить об ответах, которых она не могла дать. Перестать рисковать. Перестать быть так похожей на неё.

Я заставила себя отстраниться.

— Мне нужно собраться, — мой голос звучал глухо. Я пересекла комнату и начала машинально снимать одежду с вешалок.

Так всегда было с нами с Айви. И всегда будет.

— Люди, на которых работает Даниэла, приказали ей снять это видео, — Айви нарушила тишину. Она пожалеет о том, что рассказала мне об этом. Мы обе знали это, но ей удавалось наблюдать за тем, как я ухожу, не лучше, чем мне удавалось терпеть её тайны. — Даниэла должна была разослать видео, если её поймают. Но она этого не сделала. Её работа заключалась в том, чтобы сблизиться с сыном президента, забеременеть его ребенком. Но

она говорит, что Уолкер ей не безразличен. Наши эксперты по борьбе с терроризмом ей верят. Верят, что она не смогла контролировать свои эмоции. Возможно, ее собственные люди посчитают её обузой.

Она не смогла разослать видео, — подумала я, переводя слова Айви, — так что «Senza Nome» разослало его за неё.

Это было ближайшим подтверждением того, что конгрессмен Уилкоккс был замешан в делах террористов.

— Куда ты меня отправляешь? — мягко спросила я. Моё горло сжалось, когда я произносила эти слова. Я знала, что Айви меня любила. Знала, что она была готова пожертвовать собственной жизнью, чтобы я была в безопасности. Но если бы она могла щелчком пальцев превратить меня в дочь, которая не задает вопросов, которые сделают из неё мишень — дочь, меньше походившую на неё и совсем не такую, как я — она бы это сделала.

Даже ради неё я не могла быть этой девушкой. А она не могла пообещать оставаться в безопасности ради меня.

— В безопасное место, — ответила Айви. — И, — добавила она, — в последнее место, где мы с Адамом хотели бы тебя увидеть.

ГЛАВА 45

Я ужинала в особняке Кейсов по воскресеньям. Я сидела напротив создателя королей за антикварной шахматной доской в его кабинете. Но я впервые поднялась на второй этаж по массивной мраморной лестнице.

Перед нами протянулся длинный коридор. Уильям Кейс проводил меня в его конец и открыл дверь по левую сторону от нас. Огромные апартаменты, с собственным входом, гостиной и настолько большой спальней, что широкая двуспальная кровать казалась мне крохотной. Несмотря на размеры, что-то в этих апартаментах резко контрастировало с грозным антиквариатом и избытком мрамора на первом этаже.

— Это была любимая комната твоей бабушки, — сообщил стоящий рядом со мной Уильям Кейс. — Она сделала ремонт вскоре после смерти Томми.

— Это была его комната? — я не собиралась задавать этот вопрос. Создатель королей не ожидал его услышать.

— Нет, — резко и коротко произнёс он. — Эта комната всегда была гостевой. Тереза просто решила сделать её более... личной, — он обернулся и посмотрел на арочные окна на дальней стене. — Думаю, она надеялась, что когда-нибудь Адам приведет домой девушку, — Кейс замолчал и снова обернулся ко мне. — Я могу просить моему сыну многое, но то, что он скрывал твоё существование от моей жены? От меня? — старик покачал головой. — Мы могли бы дать тебе жизнь, которой ты заслуживала.

Адам — и Айви — не хотели для меня такой жизни.

Тот факт, что я была здесь, что Айви отправила меня к человеку, которого она презирала ради моей безопасности, показывал, насколько серьезной была ситуация.

Айви занялась конгрессменом Уилкокксом. Она попытается доказать, что он работает с «Senza Nome». Террористы не будут рады потерять своего агента.

— Во что бы ни ввязалась Айви, — уж слишком догадливо произнёс Уильям Кейс, — я обещаю, что здесь тебя это не коснётся.

Он защитит меня. Айви верила в это, хоть она ему и не доверяла.

— Сейчас твой друг Ашер наслаждается привилегией иметь прекрасного адвоката, — Кейс произнёс эти слова мимоходом, но в моей голове прозвучало предостережение Адама.

За услуги от человека вроде Уильяма Кейса всегда приходится платить.

Я повернулась и посмотрела мужчине в лицо.

— Чего вы хотите?

Он изучил мою позу и выражение моего лица.

— Ты говорила с Адамом, — заключил он. — Разве так сложно поверить, что я могу хотеть тебе помочь, Тэсс? Что я ничего не хочу взамен?

Я хотела бы в это верить. Я хотела бы верить, что эти слова были не просто ходом в его устной шахматной партии.

— В этом городе люди всегда хотят чего-то взамен, — ответила я. Я посмотрела в глаза своему деду. — Вы научили меня этому.

Создатель королей покачнулся на каблуках, не сводя с меня своих карих глаз.

— Очень хорошо, — через какой-то миг сказал он. — Я хочу, чтобы ты рассказала, почему ты здесь. Хочу узнать, во что именно ввязалась Айви.

— Какая вам разница? — спросила я, давая себе время, чтобы обдумать вопрос. — Ещё два месяца назад вы были не против позволить Айви умереть.

Если эта колкость и угодила в цель, создатель королей ничем этого не показал.

— Мне не всё равно, потому что её поступки влияют на тебя. Мне не всё равно, — произнёс он, — потому что, когда геройство Айви Кендрик подожжет этот мир, тушить огонь придётся мне.

Уильям Кейс. Создатель королей. Человек, который раздает приказы за кулисами.

Меня не удивило то, что он следил за Айви — или то, что информация о её работе была ценой за оказанную им услугу.

— Айви нашла связь между конгрессменом Уилкоксом и террористами, — я рассказала ему об этом взамен на то, что он сделал для Ашера. — Я не знаю подробностей, но думаю, что сейчас она строит дело против Уилкокса, готовится его сломать.

— Что насчёт женщины? — со странно напряженным взглядом спросил Кейс. — Даниэла Николае. Уилкокс был с ней связан? — создатель королей шагнул ко мне. — Что вице-президент собирается сделать с террористкой, которая носит ребенка Уолкера Нолана?

От этого вопроса по моей спине пробежали мурашки. В том, что мой дед следил за Айви был смысл. Но не в его заинтересованности Даниэлой Николае.

Если ты мне доверяешь, Тэсс, — прошептал в моих воспоминаниях голос Адама, — *не доверяй ему.*

— Почему вы хотите это узнать? — слова застряли у меня в горле.

— Информация — это сила, Тереза. Ты никогда не знаешь, какая информация окажется самой ценной.

Что могла дать моему деду информация о том, что вице-президент сделает с террористкой, организация которой пыталась убить президента?

Ты знала, что «создателем королей» впервые назвали графа Уорика во времена борьбы между Ланкастерами и Йорками? Я уставилась на Уильяма Кейса, вспоминая его лекцию о том, что происходило со слабыми и стратегически бессильными правителями. *Уорик сверг двух королей.*

— Где они её держат? — надавил Кейс. — Женщину, беременную ребенком Уолкера

Нолана.

Мы работаем в вашем правительстве, ваших правоохранительных органах, вашей армии.

Уильям Кейс верил в формирование союзов. Он презирал президента Нолана. А теперь президент был в коме.

— Дочь, — произнесла я. Несмотря на то, что мой мозг работал на полной скорости, я не пропустила ни секунды разговора.

— Прошу прощения?

— На видео, в котором Даниэла назвала Уолкера отцом своего ребенка, она сказала, что Уолкер её отец. Это девочка.

— Какая разница, — повысив голос, парировал Кейс, его слова прозвучали резко, словно удар кнута, — мальчик это или девочка? Что Айви сказала о матери? Что эта группировка планирует с ней делать? Какие у них планы на Уолкера Нолана?

Вся интенсивность взгляда Уильяма Кейса обладала мощностью. Я чувствовала себя так, словно он просматривал моё подсознание, как картотеку.

Я гадала о том, что случится, если ему не понравится то, что он там увидит.

— Есть теория, — сказала я, подражая напряженному взгляду создателя королей собственным, — что Даниэла была скомпрометирована эмоциями, и её собственные люди могут посчитать её обузой, — я удерживала его взгляд, гадая о том, сколько от Томми — и от самого себя — он видел во мне. — А теперь вы спрашиваете меня о том, где её держат и что с ней сделают, — у меня пересохло в горле, но я не стала отступать. — Зачем вам это знать?

Я ждала, чтобы он услышал мой настоящий вопрос. Чтобы он сказал мне, что он не работает с «Senza Nome» и не собирается свергать королей.

Он сжал зубы и не произнёс ни слова.

— Мне не стоило сюда приезжать, — сказала я. — Айви не стоило меня присылать, — я подняла с пола мою сумку и зашагала мимо него.

— Больше. Ни. Шагу, — создатель королей обернулся. — Вот до чего мы дошли? — спросил у меня он. — Ты убегаешь от меня?

Кейсы не сбегают. Кейсы не отступают от битвы. Я чувствовала, что при других обстоятельствах, он сказал бы мне эти слова.

— Айви прислала тебя сюда, потому что у меня есть ресурсы и люди, которые смогут тебя защитить, — он шагнул ко мне. — А ещё, — сказал он, — в отличие от неё, я не склонен к детским вспышкам гнева и импульсивным действиям, — он подошел ко мне. Мне пришлось приложить усилия, чтобы не сделать шаг назад. — В ближайшее время ты, моя дорогая, не уйдешь из этого дома.

— В понедельник мне нужно будет пойти в школу, — сказала я.

— И ты туда пойдешь, — парировал создатель королей. Он опустил руку мне на плечо, а затем поднёс её к моему лицу. Через какой-то миг он ласково опустил её на мой затылок. — Я прошу прощения, — произнёс он, — если мои вопросы тебя напугали.

— Я не напугана, — ответила я. — Просто я думаю о том, на что вы способны. И есть ли черты, которые вы не станете пересекать.

— Кем ты меня считаешь? — мягким, но смертоносным тоном спросил Кейс. — Чтобы задавать такой вопрос? — он ласково провёл рукой по моей голове и сжал моё плечо. На секунду мне показалось, что он не выпустит меня.

Но он отпустил.

Он отпустил меня, повернулся и подошел к прикроватной тумбочке. Он взял с неё фотографию в рамке и вернулся ко мне.

На фотографии я увидела двух молодых парней и их мать. *Тереза Кейс. Женщина, в честь которой меня назвали. Женщина, оставившая эту комнату.*

Кейс уставился на фотографию, поглаживая рамку большим пальцем.

— Ты правильно делаешь, что относишься ко мне с подозрением, — сказал он, глядя на свою покойную жену и мальчика, которым был мой покойный отец. — У меня есть свои мотивы. Всегда есть. Но это не то, что ты думаешь, Тэсс. Есть черты, которые я не стану пересекать.

— Тогда почему? — хрипло произнесла я. *Зачем спрашивать меня о Даниэле Николае? Если вы не работаете с ними, если вы не один из них — тогда почему?*

Я почувствовала какую-то перемену в комнате. В нём.

— Уолкер Нолан — мой сын, — ещё несколько секунд создатель королей смотрел на фотографию, а затем он поднял взгляд. — Моя жена не знала. Адам не знает. Как и Уолкер, — создатель королей подошел к тумбочке и осторожно поставил рамку на место. — Никто не знает, — произнёс он. — Кроме нас с Джорджией, и теперь тебя.

Джорджия Нолан и Уильям Кейс.

Адам говорил, что у них были отношения, до того, как они оба поженились. Когда Кейс узнал, что Уолкер пришел к Айви, он появился у нас на крыльце, требуя ответов. Пытаясь узнать, в какие проблемы ввязался Уолкер.

В тот день он встречался с Джорджией.

— Теперь ты знаешь, почему мне нужно знать, что Айви знает обо всей этой омерзительной ситуации, — сказал создатель королей. — Та девчонка-террористка носит не внучку президента, — я никогда не слышала в его голосе такой резкости. — А мою.

Я заставила себя осмыслить это и заговорить.

— Почему вы мне это рассказываете?

Почему он рассказал мне тайну, которую хранил десятилетиями?

Взгляд создателя королей скользнул к фотографии.

— Я потерял Томми, — произнёс он. — Адам считает меня чудовищем. Уолкер никогда по-настоящему не был моим сыном, — его пальцы сжались на рамке. — Я обращался с Айви, как с дочерью, а она выбрала президента Нолана, — он заставил себя вернуться к тумбочке и поставить на неё рамку. — Что бы ни случилось, моя дорогая, — сказал он, оборачиваясь ко мне, — я не потеряю тебя.

ГЛАВА 46

Создатель королей остался верен своему слову, и не выпускал меня из дома до тех пор, пока лично не отвёз меня в школу в понедельник. На первом уроке директор Рэлей созвал общешкольное собрание. Я сидела рядом с Вивви, стараясь ничего не чувствовать, когда Генри прошел прямо мимо нас. Я старалась не думать о том, что уже двадцать четыре часа не получала новостей от Айви.

— Случилось что-то, о чём я не знаю? — спросила Вивви. — Потому что ты снова делаешь это выражение лица... — Вивви нахмурилась, — ... и выражение лица Генри, и... — директор Рэлей спас меня от продолжения расспросов Вивви.

— Начиная с сегодняшнего дня, — объявил он, объявляя собрание открытым, — вступают в силу наши новые меры безопасности, — он начала перечислять эти меры: удвоение числа охранников, смена школьной политики об обыске и конфискации, строгое соблюдение всех существующих протоколов безопасности.

Я гадала о том, заметили ли остальные, как хорошо были вооружены новые охранники. Полиция всё ещё не арестовала никого в связи с убийством Джона Томаса Уилкокса. Администрация Хардвика была на грани.

Отец Джона Томаса работал с террористами, и теперь Джон Томас мёртв, — подумала я. — *Его убил кто-то в этой школе. Администрация Хардвика и должна быть на грани.*

— Тэсс, — Вивви подтолкнула меня локтем в бок. Я вздрогнула и осознала, что директор замолчал. Собрание подошло к концу.

Я поднялась на ноги, чтобы уйти, и в моём кармане завибрировал телефон. Я достала его и прочитала сообщение. Когда я подняла взгляд, я увидела, что Генри смотрел на меня с противоположной стороны комнаты.

— Всё в порядке? — спросила Вивви.

Я положила телефон в карман.

— Всё нормально.

Согласно сообщению, Айви сделала то, что всегда делала Айви Кендрик. Появилась проблема. И она решила её. Конгрессмена Уилкокса арестовали. Она нашла доказательства — реальные доказательства — связывающие его с «Senza Nome».

Я протолкнулась через толпу, стараясь добраться к Генри. Стоило мне выйти из часовни, моё лицо обдул холодный ветер. Я позвала Генри по имени, но он продолжил шагать к главному зданию школы. Я догнала его только в коридоре. Моё лицо онемело от ветра.

— Айви нашла связь между конгрессменом Уилкоксом и «Senza Nome».

Генри замер у своего шкафчика. Несколько секунд он крутил замок. Когда дверца шкафчика открылась, он незначительно повернул голову в мою сторону. Я посчитала это разрешением продолжать — пусть и незначительным.

— Конгрессмена арестовали. Если смерть Джона Томаса как-то с этим связана, Айви не позволит это скрыть.

Генри закрыл свой шкафчик. Он собирался отвернуться от меня. Собирался уйти.

— Генри, — сказала я. — Посмотри на меня. Пожалуйста.

Он посмотрел мне прямо в глаза. Я почти сразу об этом пожалела.

Кендрик, то, чего ты не знаешь, может наполнить океан.

Я сделала с ним то же, что Айви сделала с его матерью. Я позволила ему верить в ложь. Я приняла решение о том, что ему нужно было знать, а что — нет.

— Не хочу прерывать невероятно напряженный и полный скрытого смысла момент, — рядом с нами появилась Вивви, — но кто-нибудь расскажет мне о статусе нашего проекта «Освободим Ашера»?

Не сказав больше ни слова, Генри зашагал прочь. Он даже не попрощался. Вивви повернулась ко мне с широко раскрытыми глазами и озадаченным выражением на лице. Мой желудок резко изогнулся.

У меня были секреты не только от Генри.

Тогда я рассказала Вивви то, что должна была рассказать много недель назад. Я

рассказала ей, что, вероятно, человек, спланировавший убийство судьи Маркетта — и её собственного отца — всё ещё был на свободе. Всё ещё был жив.

Вивви стала быстро моргать. Она сжала губы и заставила себя улыбнуться, стараясь не заплакать.

— Я знала, что это не конец.

— Вивви, — я взяла её за руку, но она вырвалась из моей хватки.

— Ты слушала, как я говорю о моём отце, — произнесла Вивви. — И ты знала. Ты знала, что это не конец. Ты должна быть моим другом. Моим лучшим другом, — она покачала головой. — Знаю, что я, наверное, не твой лучший друг. У тебя есть Ашер и Генри, и, наверняка, много друзей в Монтане, но ты — моя лучшая подруга. Иногда мне кажется, что ты — мой единственный друг. Я доверяла тебе, когда не доверяла никому, и... — она резко замолчала.

— Прости, — сказала я Вивви. — Я думала, что защищаю тебя. И это была только теория.

Теория, в которую я поверила, стоило мне её услышать.

— Всё нормально, — глухо произнесла Вивви. Она заставила себя улыбнуться, хоть по её щеке катилась слеза. — Я не сержусь.

Это Генри сердился на меня. Вивви была убита горем.

— Я не сержусь, — повторила она. — Я просто... мне нужно идти.

— Вив...

Я даже не успела произнести её имя, как она уже ушла — бросилась прочь по коридору, чтобы никто — включая меня — не увидел, что она плакала. Когда она исчезла за углом, один из охранников прошел мимо и сказал мне идти в кабинет. Я подождала, пока он уйдет, а затем развернулась и зашагала прочь.

Я хотела пойти за Вивви, но не была уверена в том, будет ли это правильным поступком. Так что я сделала то, что делала каждый раз, когда мои мысли становились слишком шумными, и я не могла найти правильные ответы: я решила прогуляться. Я зашагала по коридору, повернулась кругом и оказалась рядом с библиотекой.

Тогда я услышала первый выстрел.

ГЛАВА 47

Сначала я решила, что мне послышалось. Но затем прозвучал второй выстрел. И третий. *Стрельба.* Мой мозг попытался найти другое объяснение, но моё тело говорило мне бежать. *Бежать-бежать-бежать-бежать...* Я чувствовала пульс у себя в горле, моё тело дрожало с каждым ударом сердца. В моих ушах эхом отдавался шум крови. Я заставила себя двигаться, заставила себя развернуться, сделать шаг вперед — прочь.

Прочь. Прочь. Убегай. Беги-беги-беги...

Я увидела дверь библиотеки и вспомнила о том, как эта дверь открылась, и в коридор упало окровавленное тело Джона Томаса. Я дрожала. Моё зрение расплывалось. Неглубокие вздохи обжигали мои лёгкие.

Кровь. Куда бы я не смотрела, я видела красный. *Джон Томас. Его тело на полу.* Вокруг меня сжимались стены.

Выстрел. Выстрел. Выстрел.

Он истекает кровью. Не могу бежать. Не могу пошевелиться. Не могу дышать.

Кровь...

Чьи-то руки схватили меня за плечи. Я взбрыкнулась, словно лошадь со сломанной ногой.

Прикоснувшийся ко мне человек отшатнулся назад. Я видела только кровь. Я слышала, как она зовёт меня по имени.

Я чувствовала себя так, словно наблюдаю за собой со стороны. Словно меня контролировало что-то другое.

— Тэсс. Тэсс.

Сквозь кровь я различила черты её лица...

— Эмилия, — я произнесла имя и пришла в себя. Никакой крови. Никакого тела. Но выстрелы были реальны. Услышав ещё один, я была уверена. Эмилия взяла меня за локоть.

— Нам нужно идти, — произнесла она. — Нужно спрятаться.

Я позволила ей потянуть меня к двери библиотеки, и тогда вернулись мои инстинкты выживания. Я толкнула дверь. Эмилия последовала за мной. Я подумала о том, чтобы забаррикадировать дверь, но решила, что это только привлечёт больше внимания. Если мы забаррикадируемся здесь, стрелявший будет знать, что мы внутри.

Я потянула Эмилию к стеллажам. В задней части библиотеки освещение каждого стеллажа регулировали датчики движения. Я присела на корточки между двумя стеллажами, прижимаясь к полкам так плотно, как только могла. Рядом со мной то же самое сделала Эмилия. Через минуту освещение отключилось.

Это были самые долгие шестьдесят секунд в моей жизни.

Я слышала дыхание Эмили, чувствовала его на своей шее.

— Что происходит? — спросила я у неё. Я говорила так тихо, что сама едва расслышала свои слова.

— Мы должны были разойтись по кабинетам, — так же тихо произнесла Эмилия. Её слова заглушал громогласный стук моего сердца. — Я забыла что-то у себя в шкафчике. Вернулась к нему и увидела, как один из новых охранников достал пистолет.

Администрация Хардвика удвоила количество охранников в школе. *Тяжело вооружены*, — вспомнила я. Я думала — все мы думали — что охранники были вооружены для нашей защиты.

— Сколько? — негромко выдавила я. — Только один охранник?

Эмилия едва заметно покачала головой. Мы не могли позволить себе привести в действие датчики движения. Не могли позволить, чтобы включился свет. Это могло привлечь к библиотеке внимание.

Чего они хотят?

Я не стала рисковать и задавать этот вопрос вслух. Эмилия не могла знать ответ — она увидела то, что увидела, и убежала.

Беги. Беги-беги-беги...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Все мои инстинкты говорили мне выбираться отсюда. Я была в ловушке. И если они станут нас искать — если они захотят нас найти, прятаться будет негде. А если они нас не искали, если нападающие решили сосредоточиться на кабинетах, то наши одноклассники, те, кто вернулись с общешкольного собрания...

Сама того не осознавая, я пришла в движение. Я собиралась подняться на ноги. Что-то сделать. Но ногти Эмили впились в мою руку.

Не надо. Как и мой последний вопрос, она не стала произносить эту просьбу вслух. *Не глупи. Не оставляй меня здесь одну.*

— Генри где-то там, — сказала я Эмили. Мне едва удавалось формировать слова. — И Вивви...

Я понятия не имела о том, где была Вивви. Она убежала за несколько минут до первого выстрела.

На какой-то миг в коридоре повисла тишина, а затем мы услышали выстрелы. Громче, чем предыдущие. Ближе.

Эмилия зажмурилась. Я вытащила из своего кармана телефон. *Позвони. Позови на помощь. Набери... Нет связи.* Я услышала за дверью шаги. Услышала, как кто-то выкрикивал приказы. Почему не работал мой телефон?

Они отключили связь? Они.

Впервые я позволила себе подумать о том, что за люди проникали в службу безопасности элитной частной школы и начинали стрельбу.

Террористы.

— Кто-то меня накачал, — теперь глаза Эмили были открыты. Она побледнела и смотрела прямо перед собой. — На той вечеринке, кто-то меня накачал.

Она впервые произнесла эти слова вслух. Я знала это, как знала и что она не хотела умирать, не признавшись в этом.

Мы не умрем. Не умрём.

— Не знаю, был ли Джон Томас тем, кто подсыпал что-то мне в напиток, — хрипло произнесла она. Её губы почти не двигались, и я едва различала слова. — Я никогда точно не знала, что произошло той ночью, или кто был в этом замешан. Я не хотела знать.

Снова шаги. Тяжелые. Кто-то бежал.

По моей спине пробежал холодок. Я заставила себя перестать дрожать, но не могла выбросить из головы ужасные вопросы.

Сколько человек стреляют?

Сколько человек мертвы?

Эмилия снова закрыла глаза, а затем опустила руку в свою сумку. У меня перехватило дыхание. *Что ты делаешь, Эмилия?*

Она достала из сумки планшет. Свет оставался выключенным. Она двигалась очень медленно, и делала неглубокие вдохи. Потом она нажала несколько кнопок на экране. Через секунду он разделился на шесть частей. *Шесть видеотрансляций,* — осознала я.

— Я сказала, что узнаю, как взломать систему безопасности Хардвика, — прошептала Эмилия. — Так что я взломала её.

Мой взгляд замер на экране. Я видела, как вооруженные охранники проходили мимо разных камер. На полу лежали тела.

Взрослые мужчины. Я обдумала это. *Охрана Хардвика. Первым делом они вывели из игры других охранников.*

Я не видела учеников — ни на полу, ни в коридорах.

Перед одной камерой мелькнуло движение, и в следующий миг дверь библиотеки распахнулась. Наблюдая за происходящим сквозь полки, сначала я увидела пистолет, а затем — мужчину, который держал его. Я услышала голос девочки, которая была с ним, и узнала её.

Анна Хейден.

Мужчина был её телохранителем. Не опуская пистолета, он повёл Анну к дальней стороне библиотеки. Я хотела было окликнуть их, чтобы они узнали, что мы были здесь, но дверь снова открылась. Агент закрыл Анну собой и начал стрелять.

Мы с Эмилией сидели там, неподвижно съёжившись в темноте. Мы даже не могли отползи подальше от выстрелов, не включив освещение. Анна кричала. Вооруженный охранник, стрелявший в её телохранителя, звал подмогу.

Эмилия прижалась ко мне. Я чувствовала, как она дрожит. Она прикусила свою ладонь, чтобы придушить стон, едва не вырвавшийся из её рта.

Не шевелись. Если мы пошевелимся, включится свет. Если мы пошевелимся, мы умрём.

Один из террористов упал, но телохранителя Анны стал преследовать другой. Агент сменил пистолет и продолжил стрелять.

— Анна.

Я услышала, как кто-то позвал Анну по имени. Женщина. Сначала я подумала, что это была Эмилия, или даже я, но это было не так. Сдавленный, отчаянный шепот раздался у входа в библиотеку.

Доктор Кларк.

Мой учительница по «Проблемам современного мира» выглядела так, как я себя чувствовала — что-то среднее между опустошенной и оцепеневшей. Я вспомнила её рассказ о «вспышках памяти». Я не смогу забыть ни единой детали из сегодняшнего дня. Я никогда не смогу забыть.

Анна бросилась к Доктору Кларк, пока двое охранников атаковали её телохранителя. Я услышала и увидела, как агента ранили в плечо.

Он продолжил отбиваться.

Анна добралась к Доктору Кларк. Словно одна из тех матерей, которые внезапно обнаруживают в себе суперсилу, чтобы поднять машину со своего ребенка, Доктор Кларк толкнула Анну за полку и бросилась в бой. Время от времени ныряя в укрытие, она добралась до одного из убитых охранников и схватила его оружие, а затем нырнула за полку на противоположной от нас стороне комнаты.

Не шевелись, — повторяла себе я. — Нельзя шевелиться. Не двигайся. Будь неподвижна.

Я наблюдала за тем, как моя учительница сделала то, чего не могла сделать я. Телохранитель Анны застрелил стрелявшего в него террориста и посмотрел на неё.

— Сколько их ещё? — спросил у неё он.

Она вышла из-за полки, всё ещё сжимая в руке пистолет.

— Не знаю, — она сглотнула. — Помощь в пути? Вы смогли позвать на помощь?

— Связь не работает, — ответил агент. — Второй телохранитель Звездного Света мёртв. Подмога будет здесь в любой момент, но они не смогут попасть внутрь. Это место — крепость. Я должен её вывести, — телохранитель обернулся к дочери вице-президента. — Анна, ты...

Прозвенел выстрел. Через какой-то миг последний телохранитель Анны Хейден упал на пол. Эмилия прижала ко рту вторую руку, чтобы сдержать крик.

Телохранитель. Выстрел. Я не могла осознать, что я видела. Что это значило. Кто-то выстрелил ему в голову...

Не просто кто-то.

На моих глазах Доктор Кларк хладнокровно переступила через тело телохранителя Анны. Она всё ещё сжимала в руке пистолет, из которого она только что выстрелила.

Моя учительница по «Проблемам современного мира» только что застрелила агента из личной охраны президента. Она только что застрелила телохранителя Анны.

— Пора выходить, Анна, — произнесла Доктор Кларк. Она говорила точь в точь как тогда, когда она стояла в кабинете и читала нам лекции о выборах или актах международной агрессии. — Я не хочу тебе навредить. Никто из нас этого не хочет, — Доктор Кларк остановилась рядом с Анной. Когда она опустила взгляд на девочку, её голос смягчился. — Никто из нас не хочет тебе навредить, — повторила она, — но мы это сделаем.

— П... Почему? — выдавила Анна.

— Поверь мне, — ответила Доктор Кларк, — не так я хотела провести это утро, но, к сожалению, решения принимаю не я.

— Вы... — взгляд Анны замер на теле её телохранителя. — Вы убили Дэйва.

— Он назвал тебя «Звёздным Светом». Я так понимаю, это твоё кодовое имя для личной охраны? — прямо спросила Доктор Кларк. При других обстоятельствах её голос мог бы показаться успокаивающим. — Он должен был защищать тебя. И он умер, делая это. Он хотел бы, чтобы ты сделала всё, что возможно, чтобы защитить себя, — Доктор Кларк указала на неё пистолетом. — Вставай.

Анна плакала. Она отползла назад и врезалась в стену.

Доктор Кларк просто повторила:

— Вставай, Анна, — она навела пистолет на девочку. Анна встала. Через несколько секунд в комнату зашли два вооруженных охранника.

— Заберите её, — приказала Доктор Кларк. — Отведите её в комнату к остальным целям особой важности. Если нужно будет наказать кого-то в пример другим, постарайтесь выбрать кого-то бесполезного.

Один из охранников схватил Анну. Она закричала, и, не успела я и моргнуть, как он ударил её пистолетом по голове. Дочь вице-президента упала на землю.

— Найдите для неё лёд, — приказала Доктор Кларк. — Эти дети нужны нам невредимыми.

Охранник поднял Анну и коротко кивнул.

— Ты — босс, — сказал он. В его тоне читались слова «пока что».

Доктор Кларк пристально посмотрела на охранника. Её палец всё ещё был на курке пистолета.

— Скоро у нас будут гости. Если собираешься бунтовать, делай это сейчас.

Охранник отвёл взгляд первым. Вперед шагнул другой охранник, толкая мужчину, который держал Анну, к двери.

— Все на своих местах, — сообщил он Доктору Кларк. — У нас тридцать человек. На крыше снайперы. Школа укреплена.

— Я хочу, чтобы вы пересчитали всех учеников. Мы должны знать, кого не хватает, и найти их. Сейчас же.

Я больше не могла смотреть на это, так что я закрыла глаза. Каждый мой вздох оглушал меня. Моё сердцебиение, каждое моё движение — в любую секунду они могли нас услышать. В любую секунду они могли нас найти.

Кровь.

Кровь на моих руках.

Я не могла позволить себе застрять в воспоминаниях, но настоящее было не лучше. Ковёр библиотеки был пропитан кровью.

Телохранитель. Два стрелка.

Тела на полу, тела в коридорах — и я сидела здесь, стараясь не дышать, не думать, не двигаться. Мои ногти впивались в деревянную полку.

Неподвижно. Так неподвижно. Нужно оставаться...

Раздался звук. Я не была уверена в том, издала его я или Эмилия, или паркет на полу, но Доктор Кларк повернулась в нашу сторону. Я прижалась к полке, надеясь, что темнота в этой стороне комнаты проглотит меня.

Не дай ей увидеть нас. Не заметь нас. Не...

Доктор Кларк пересекла комнату в нашем направлении. Рядом со мной Эмилия вздрогнула. Затем она всучила мне свой планшет и поднялась на ноги.

Свет включался с опозданием в пару секунд. За эти две секунды Эмилия шагнула в проход.

— Не стреляйте, — сказала она, поднимая руки. — Пожалуйста, не стреляйте.

Близняшка Ашера не посмотрела на меня. Она ничем не показала, что я была там.

— Эмилия, — я расслышала слова Доктора Кларк, но я не видела её, потому что я прижалась к полке, подавлявая желание пойти за Эмилией.

Я не могу ей помочь. И затем: Она сделала это ради меня.

— Ты — благоразумная девочка, — сказала Эмилии Доктор Кларк. — Умная. Сильнее, чем кажешься.

Почему? — мысленно спросила я у Эмилии. — Почему ты пожертвовала собой ради меня?

— Вы убили Джона Томаса, не так ли? — спросила Эмилия, шагая к Доктору Кларк — прочь от датчика движения, который контролировал освещение в между моими стеллажами.

Шестьдесят секунд. Шестьдесят секунд до того, как погаснет свет. Шестьдесят секунд в надежде на то, что никто не увидит меня сквозь полки.

— Не знаю, что именно узнал Джон Томас, почему вы хотели его смерти, — Эмилия продолжила говорить, чтобы Доктор Кларк смотрела на неё. — Честно говоря, Доктор Кларк, мне плевать. Мне плевать на то, почему вы убили его. Плевать на то, что это сделали вы. Но ещё вы пытались обвинить в этом моего брата.

— Уверю тебя, — ровно ответила Доктор Кларк, — убийство мистера Уилкокса не было моей идеей, и не я нажала на курок. Мы проникаем, мы наблюдаем и вербуем, — это слова прозвучали словно мантра или молитва. — Мы убиваем только тогда, когда должны — чтобы донести свою мысль. Некоторые из нас воспринимают эту клятву серьезнее, чем другие.

Я подумала о взрыве в больнице и попытке убийства президента. Какую мысль они пытались донести?

— Почему? — Эмилия повторила вопрос, который задала Анна. Она всё ещё шагала к женщине — уводила её от меня.

— У нас есть важная задача, — сказала Доктор Кларк. — Всё что мы делаем — во благо.

— Как давно вы...

— С того времени, как я провела год за границей, — ответила Доктор Кларк. — Я была

не намного старше тебя.

Я вспомнила о том, как Доктор Кларк описывала собственную «вспышку памяти» — как она вышла из самолета одиннадцатого сентября.

Всё что мы делаем — во благо.

Вот, что они сказали ей? Она в это верит?

— Сколько людей сегодня погибло? — парировала Эмилия. Ей голос не дрогнул. Словно стоило ей выйти из укрытия, паника начала исчезать. — Как можно убивать людей во благо?

Доктор Кларк не ответила. Вместо этого я услышала, как она подняла пистолет.

— Не глупи, — сказала она Эмили. — Будь разумной. Делай то, что тебе говорят, и останешься цела, — она сделала паузу. — Как и твой брат.

— Ашер не здесь.

Молчание Доктора Кларк говорило само за себя *Мы можем до него добраться. В любое время, где угодно — мы можем добраться до кого-угодно.*

— Я не буду делать глупостей, — спокойно произнесла Эмилия. — Что я должна сделать?

Надо мной с щелчком выключился свет. Несколько секунд я чувствовала, что Доктор Кларк смотрит в мою сторону.

— Заберите её.

Я не сразу осознала, что Доктор Кларк говорила не обо мне, а об Эмили.

— Особая или низкая важность? — спросил охранник, к которому она обращалась.

— Низкая.

Низкая важность, потому что родители Эмили — дантисты, — каким-то образом я осознала это сквозь пелену ужаса, охватившего всё моё тело. — *Низкая важность, потому что её семья не могла ничего дать террористам.*

Отец Анны Хейден исполнял обязанности президента Соединенных Штатов. *Особо важная цель.* Учитывая моё родство с Айви и Уильямом Кейсом, я решила, что меня они тоже посчитали бы целью особой важности.

Я услышала, как открылась дверь библиотеки.

— Босс хочет с вами поговорить, — сообщил Доктору Кларк новый голос. — Пропало несколько детей.

Босс? — подумала я. — *Какой босс?* Доктор Кларк сказала, что убить Джона Томаса не было её идеей. *Тогда чьей? Кто нажал на курок?*

Это должен был быть кто-то из Хардвика. Кто-то с доступом к камерам наблюдения. Кто-то, у кого были полномочия привести в школу новую охрану.

Я не закончила эту мысль. Я не двигалась. Не дышала. Я не делала ничего, пока Доктор Кларк и другие не ушли. Я услышала, как за ними закрылась дверь. Но только когда я опустила взгляд на планшет, который отдала мне Эмилия, и увидела двух охранников — один из них сопровождал Эмилию, а второй шагал рядом с Доктором Кларк — я позволила себе вдохнуть.

В одиночестве.

ГЛАВА 49

Я заставила себя пошевелиться. Мышцы моих ног закричали в знак протеста. Мои ноги

затекли, а мышцы спутались окаменевшими узлами. Моя челюсть болела — я слишком долго и слишком сильно её сжимала.

Я оставалась внизу и двигалась очень медленно, стараясь избегать датчиков движения. Я должна отсюда выбраться. Из библиотеки, из Хардвика. Я сразу же вспомнила о туннеле, ведущем в Аквакомплекс. Если бы я смогла пройти мимо охранников, выбраться на улицу, добраться до туннеля... *Это место — крепость.* Слова погибшего агента эхом отдавались в моих мыслях, а вслед за ними — слова одного из охранников. — *Снайперы на местах.*

Если я выйду на улицу, они увидят меня.

Если они решат, что я пытаюсь сбежать, они пристрелят меня.

Выхода нет. Я попыталась игнорировать негромкий, настойчивый голос, говоривший мне, что это плохо кончится. Если террористы использовали элемент неожиданности, чтобы провести в школу тридцать вооруженных человек; если их снайперы были на крыше и они были готовы отбить атаку оперативной группы или кого-то похуже, у меня не было шанса выбраться.

Этот голос сказал мне спрятаться. Он сказал мне остаться здесь, в безопасности.

Здесь не безопасно, — подумала я. Доктор Кларк приказала охранникам пересчитать учеников и найти тех, кого не хватало. Как только она поймёт, что я пропала, они обыщут здание. Она вспомнит, что Эмилия сдалась здесь.

Я должна пошевелиться. Должна идти.

— Куда? — слово слетело с моего языка. Шепот, грубый, словно открытая рана. Моя грудная клетка сжалась, и каждый вздох давался мне с трудом. Моё горло болело, а глаза щипало.

Соберись, Тэсс. Думай.

Я перевела взгляд на планшет Эмилии. Если ей удалось взломать камеры наблюдения, значит, она попала в беспроводную сеть Хардвика, а если сеть работала, значит, у меня могло получиться отправить сообщение наружу.

Я открыла браузер. Каждый сайт, на который я пыталась зайти, был заблокирован. Я попыталась написать сообщение, снова попробовала позвонить с моего телефона — ничего.

Я снова открыла видеотрансляции и уставилась на них, пытаюсь запомнить алгоритмы движения.

Я не могу здесь остаться. Они найдут меня. Я должна идти — но они не должны меня увидеть.

Я для пробы нажала на экран. Теперь вместо разделенного экрана, я стала просматривать трансляции одну за другой. Их было больше шести.

Вооруженные охранники у каждого выхода.

В главном здании было больше тридцати камер, а значит, я могла заглянуть в большинство комнат.

Включая эту.

Я не видела себя на экране. Хорошо, учитывая то, что то же самое видел тот, кто сейчас сидел в офисе охраны Хардвика.

Если бы Эмилия была здесь, она могла бы подсказать мне, как отключить некоторые камеры. Но Эмилия сдалась, чтобы спасти меня. *Почему?* У меня не было времени на то, чтобы задаваться этим вопросом.

Ты — фиксер, — сказала себе я. — *Ты не спрашиваешь «почему». Ты берешь то, что у тебя есть и находишь решение.*

Я просмотрела видеотрансляции во второй раз, отмечая все места, где не было камер. *Уборные. Сам офис охраны.*

Я постаралась не останавливаться на трансляциях из кабинетов, на запертых там учениках. Они лежали на животах, их руки были связаны за спинами.

Я старалась не думать о том, что случилось с учителями.

Но к этому моменту личная охрана президента должна была понять, что что-то случилось. *За нами придут. И сделают что?* — прошептал голос на тыльной стороне моего сознания. *Слишком много террористов. Слишком много жизней под угрозой. Слишком много особо важных целей.*

Отец Анны Хейден был исполняющим обязанностей президента одной из самых влиятельных стран на Земле. Как только стало ясно, что президент Нолан вышел из игры, отец Анны взял управление на себя.

Они стреляли в президента. Они убили Джона Томаса.

Что, если они с самого начала планировали захватить Хардвик? Что, если «Senza Nome» напали на президента, чтобы вице-президента привели к присяге, и страной управлял человек, чей ребенок учится в этой школе?

Они убили Джона Томаса. В тот же день, когда президента подстрелили, убили Джона Томаса. После этого у Хардвика были причины нанять дополнительную охрану, оправдание тяжело вооруженным охранникам.

Не просто у Хардвика, — подумала я. — *Это сделал не Хардвик,* — я сглотнула. — *Это сделал директор.* Такие решения принимал директор. Директор решал, кого нанимать.

Убит ученик Хардвика. Я обдумала произошедшее, шаг за шагом. *У директора есть причина, чтобы нанять дополнительную охрану, которая будет тяжело вооружена. В президента стреляют.* Я заставила себя продолжить, закончить эту мысль. *Когда президента подстрелили, его власть передаётся вице-президенту. А дочь вице-президента учится в Хардвике.*

Они чего-то хотят. Анна — рычаг давления. Опять же, они сказали «цели особой важности», в множественном числе. В этой школе были и другие ученики, которые могли оказаться полезны.

Хардвик — это Вашингтон.

Я должна была что-нибудь сделать. Найти способ отключить камеры? Отключить электричество и свет?

Я заставила себя включить одну из трансляций из кабинета, заставила себя посмотреть на своих одноклассников, лежавших на полу.

Если я отключу электричество, один из них попытается сделать что-то глупое.

Если я отключу электричество, охранники будут стрелять.

Я не могла так рисковать. Я была подростком без оружия в здании с дюжинами вооруженных террористов. На крыше были снайперы. Скоро террористы поймут, что я пропала. Скоро они начнут меня искать. Я могла лишь попытаться связаться с внешним миром и рассказать им о том, что я знала о террористах — где они держали других учеников, как были вооружены террористы, сколько их было и что в этом была замешана Доктор Кларк.

Информация — это сила, — я вспомнила слова своего деда по отцовской линии. — *Ты никогда не знаешь, какая информация окажется самой ценной.*

Чем больше информации будет у полиции — у ФБР — или у тех, кто руководил этой

операцией, тем выше шансы того, что мы выберемся отсюда живыми. Я должна была отправить им сообщение.

Но как?

Мой телефон всё ещё не работал. Должно быть, они как-то перебивали сигнал. Но у них наверняка был способ связи. Должен был быть.

Террористы захотят озвучить свои требования. Они захотят наладить связь с внешним миром. Мне просто нужно было узнать, как — и найти способ использовать это.

Если бы я была рабочей телефонной линией, где бы я была? Я опустила взгляд на трансляции с камер. Я подумала о комнатах, которые я не видела. Офис безопасности. Если бы я хотела захватить Хардвик, это место было бы моей оперативной базой. Если бы я могла добраться туда, я могла бы отвлечь того, кто был в комнате...

Это плохая идея. Я знала это также отчетливо, как знала, что людям в фильмах ужасов не стило бесцельно гулять по лесу.

Но это была моя единственная идея.

Они всё равно меня поймут. Даже если я останусь здесь, даже если я спрячусь в другом месте — они найдут меня. Вопрос в том, смогу ли я отправить сообщение до того, как это случится.

Возможно, я не Анна Хейден, но у меня всё ещё был козырь в рукаве. Меня уже похищали, чтобы шантажировать Айви.

Если нужно будет наказать кого-то в пример другим, — сказала охранникам Доктор Кларк, — постарайтесь выбрать кого-то бесполезного.

Мне придётся рискнуть и посчитать, что они захотят оставить меня в живых.

Так или иначе, я должна была попытаться.

ГЛАВА 50

Я изучала трансляцию с камеры в библиотеки достаточно долго, чтобы найти её слепые пятна. Я поползла по полу, достаточно медленно, чтобы не задействовать датчики движения, и добралась к двери. Следующим шагом был коридор. Я прислушалась к шагам и сказала себе, что это не слишком отличалось от того, чтобы слушать, как к тебе подходит лошадь, и знать, что, если ты поднимешь голову, ты можешь её спугнуть.

Сейчас. Иди сейчас.

Не попасть на камеры в коридоре было сложнее — невозможно, если я хотела пройти больше пары шагов. Я добралась до ближайшей уборной и проскользнула внутрь.

Я машинально осмотрела комнату в поисках укрытия. К сожалению, спрятаться за писсуарами было невозможно. Я попыталась расшатать окно.

Как бы ни так.

Наблюдая за камерами и прислушиваясь к шагам, я подождала, пока в коридоре никого не будет, и снова проскользнула туда. Я не была уверена в том, где именно находились офисы безопасности Хардвика, но я знала, что он были в этом здании, на последнем этаже. Если у них была связь с миром снаружи, я готова была поспорить, что найду его там — скорее всего, под охраной.

Дальше по коридору, ещё одна уборная.

Прижимаясь к плитке на стене, и выдерживая наплыв адреналина, я нажала на экран планшета, листая трансляции, пока я не нашла камеру на лестнице. Я попыталась увеличить

её, но у меня не получилось.

Вместо этого, на экране появилось сообщение.

«АКТИВИРОВАТЬ ПРОГРАММУ?»

Программу? Чем ты занималась, Эмилия?

Окно на экране давало мне два варианта ответа: «ДА» и «НЕТ». Не задумываясь, я нажала на «ДА».

«ВЫБИРЕТЕ КАМЕРУ, КОПИЮ КОТОРОЙ ВЫ ХОТИТЕ СОЗДАТЬ».

В главном здании было три лестницы. *Если это срabотает, я буду поклоняться земле, по которой ты ходишь,* — мысленно сказала я Эмилиии. — *Я вечно буду твоей должницей. Я буду тебе таким же хорошим другом, как ты — мне.*

Я не позволила себе думать о том, как Эмилия поднялась на ноги и шагнула в проход. Вместо этого я сосредоточилась на планшете. Я нажала несколько кнопок, надеясь, что выбрала правильные команды, приоткрыла дверь в коридор и бросилась к лестнице.

Дверь закрылась у меня за спиной. *Слишком шумно. Это не срabотает. Не может срabотать.* Но я подумала о ране Джона Томаса, о том, как Доктор Кларк целилась в Анну Хейден и о трупе её телохранителя на полу библиотеки....

Только миновав два лестничных пролета, я осознала, что бегу. Вдруг я услышала, как кто-то зашел на лестницу вниз, и мгновенно приняла решение.

Не было времени прислушиваться. Не было времени проверять планшет. Я шагнула в коридор. Я оказалась на виду. И коридор был...

Пуст.

На крыше были снайперы, охранники патрулировали два первых этажа и все выходы, но на третьем этаже было тихо.

До какого-то момента.

— На данный момент все ученики в школе пересчитаны и живы.

Я узнала голос директора, стоило ему нарушить тишину.

— Так может быть и дальше. Мы можем прийти к мирному решению, но для этого вы должны сотрудничать.

Через пару секунд я поняла, откуда доносился голос, а затем я осознала, что он обращался не ко мне.

— Вот, как будет выглядеть сотрудничество. Вы передадите нам Даниэлу Николае. Также вам будет предоставлен список других людей, арестованных вашим правительством и другими правительствами. Вы используете свои ресурсы, чтобы обезопасить их освобождение по всему миру.

Одно дело, абстрактно осознать, что директор мог привести в школу этих людей. Но совершенно другое — думать о том, что человек, который вычитывал тебя за плохое поведение, мог сделать что-то подобное.

Другое дело — слушать, как он озвучивал требования.

Словно мотылёк, летевший на свет, я покралась навстречу голосу, прижимаясь к стене.

— Вы переведете двадцать миллионов долларов на предоставленный нами счёт. Эти деньги — не более чем жест доброй воли, чтобы мы знали, что родители Хардвика заботятся о состоянии своих детей.

Заключенные. Деньги. От масштаба требований у меня пересохло во рту.

— Вдобавок к этому, некоторые родители учеников Хардвика исполняют несколько частных просьб, — директор начал зачитывать имена, и я думала лишь о том, что когда-то в

его офисе висела фотография, позволившая мне связать трёх участников заговора.

Это никогда не кончится. Я почувствовала, как во мне вскипает истерия. Террористы, политики и школьная администрация, мятежный телохранитель президента, врач Белого Дома, которого можно было купить.

Каждый раз, когда я думала, что всё закончилось, что всё могло закончиться, я ошибалась.

— Прия Бхарани.

Упоминание тёти Вивви заставило меня вернуться к настоящему. Она была одной из родителей, которых попросят исполнить «частную просьбу». Как и Айви.

— И Уильям Кейс, — закончил директор.

Айви и создатель королей. Это делало меня целью очень высокой важности. А то, что в списке была и Прия, значило, что важна и Вивви. *Они будут меня искать. Они будут искать Вивви, если они ещё её не нашли.*

— Подробности этих просьб и инструкции о сотрудничестве вы получите позже, — в голосе директора послышалась одна-единственная нотка напряжения. Я добралась до конца коридора. Прижимаясь к стене, я подалась вперед, чтобы мельком увидеть, что поджидало меня за углом.

Директор Рэлей сидел на стуле посреди коридора перед камерой. У него на коленях лежал лист бумаги.

За камерой стояла женщина в вязаном свитере с кардиганом. Она держала пистолет.

— Мы повсюду, — сказал директор. — Мы работаем в вашем правительстве, ваших правоохранительных органах, вашей армии. Мы учим ваших детей.

Миссис Перкинс. Я не могла осмыслить то, что видела — женщину и пистолет. Секретарша директора?

— Мы знаем ваши тайны, — произнёс директор Рэлей и теперь — только теперь — я услышала в его голосе едва заметную дрожь, когда он читал чужие слова. — Мы делаем это во благо. Мы больше не станем...

Чья-то рука закрыла мой рот и грубо потянула меня назад.

— ... ждать.

ГЛАВА 51

Я должна была отбиваться. И я так и сделала, но было слишком поздно. Чья-то рука обвила моё тело. Чужая ладонь закрывала мне рот, не давая дышать. Не давая закричать. Я попыталась вырваться из хватки державшего меня человека, но не смогла пошевелиться.

Слишком поздно.

— Не двигайся.

Я почти не расслышала слов, но я почувствовала шепот у моего уха. *Генри.* Рука на моей талии, дыхание на моей шее и тело, к которому меня прижали — всё это принадлежало Генри. Я чувствовала, как билось его сердце — так же сильно и громко, как моё собственное.

— Отличная работа, директор, — голос миссис Перкинс напомнил мне о том, что всё — всё — было не тем, чем казалось. — Теперь нам пора поговорить о пропавших учениках.

Пока Миссис Перкинс расспрашивала директора, Генри беззвучно шагнул в сторону, оказываясь со мной лицом к лицу. Наши глаза встретились, и пару секунд он удерживал мой

взгляд, а затем убрал руку с моего рта. Он поднёс указательный палец к губам и склонил голову в сторону лестницы.

Тихо. Сюда.

Я коротко кивнула, показывая, что поняла. Пока мы шагали по коридору, его ладонь покоилась на моей руке. Он был готов в любой момент оттолкнуть меня с линии огня.

Готов закрыть меня собой.

Я не позволю тебе этого сделать, — подумала я. После того, как Айви променяла свою жизнь на мою, а Эмилия сдалась, чтобы не попались мы обе — больше никто не станет закрывать меня от метафорической пули.

Как и от буквальной.

Словно почувствовав мои мысли, Генри крепче сжал мою руку, когда мы шагнули на лестницу. Когда за нами открылась дверь, он заставил себя отпустить меня.

— Ты что, с ума сошла? — негромко, но решительно произнёс он. — Что, по-твоему, ты там делала? Они могли тебя увидеть! Они могли застрелить тебя, Кендрик!

— Миссис Перкинс, — также тихо ответила я. — Миссис Перкинс могла меня застрелить.

Миссис Перкинс, которая могла с легкостью отправить сообщение с телефона Эмилии, когда кто-то принёс его в офис администрации.

Миссис Перкинс, которая могла бы — по указанию директора — сама нанять дополнительную охрану.

Генри замер между дверью и верхней частью лестницы. Он был напряжен и не знал, откуда появится следующая угроза.

— Здесь есть камеры, — сказал он. — Они нас увидят. Нам нужно идти.

Я подняла планшет.

— Они нас не видят. Пока что.

Я не знала, оставались нам минуты или секунды. Не знала, что случится, если кто-то найдёт нас на лестнице.

— Как ты... — начал было Генри, но тут же запнулся. — Эмилия.

Я кивнула.

— Эмилия.

Я передала планшет Генри и позволила ему пролистать видеотрансляции. Он остановился на видео из одного из кабинетов. *Вооруженные мужчины. Ученики на полу.*

Не говоря ни слова, Генри вернул мне планшет.

Моё сердце подпрыгнуло в горло. Я почувствовала, как что-то во мне развалилось на части. *Вивви.* Я опустила планшет и закрыла глаза. *Они схватили Вивви.* Я хотела думать, что она сбежала и спряталась. Хотела, чтобы она была в безопасности.

Ты должна быть моим другом. Моим лучшим другом, — я вспомнила её слова. — *Я доверяла тебе, когда не доверяла никому.*

Я заставила себя открыть глаза. Вивви была связана и напугана. Её держали на прицеле — и я ничего не могла с этим поделать.

Они найдут нас, — осознание словно масло окутало моё тело. — *Они найдут Генри. Найдут меня.*

— Мы должны что-то сделать, — каким-то образом мне удалось сформировать слова. — У них Вивви. И Эмилия.

Кадык Генри дёрнулся.

— Мы ничего не можем сделать, — слова давались ему также тяжело, как и мне. — Я хотел бы, чтобы это было не так, — резко произнёс он, — чтобы мы могли это закончить, но я не вижу выхода и вижу очень много возможностей сделать только хуже.

Что ты пытаешься сказать, Генри?

Он ответил, словно я произнесла эти слова вслух.

— Я пытаюсь сказать, что, чтобы защитить Вивви — и самих себя — нам нужно к ней присоединиться.

— Что? — резко переспросила я. Если бы я не должна была шептать, я бы повысила голос.

Генри схватил меня за плечи и повернул меня к себе.

— Внизу — в кабинете, с Вивви — нам будет безопаснее, — сказал он. — Тебе будет безопаснее внизу.

За всё время нашего знакомства, я никогда не видела Генри Маркетта на грани слёз, но теперь я слышала их в его голосе. Я видела в его взгляде отчаяние.

Он всегда был спокоен. Всегда контролировал себя.

— Ты слышала их требования, — сказал мне Генри, проводя большими пальцами по моей ключице. Это движение было настолько мягким, что я не знала, заметил ли он. — Им что-то нужно от Айви. Они тебе не навредят.

Генри хотел, чтобы я была в безопасности. Я понимала это желание. Я понимала, что, чтобы он не чувствовал ко мне час назад, притупилось перед нуждой позаботиться обо мне сейчас.

Моя свободная рука скользнула на его запястье. Я держалась за него, а он — за меня.

— Может, ты и прав, — сказала я. — Может, мы и не попадёмся под перекрестный огонь, если сдадимся, — я чувствовала его пульс и тепло, исходящее от его тела. — Но то, что нас могут случайно застрелить, важно лишь до тех пор, пока они не начнут расстреливать нас специально.

Миссис Перкинс засняла сообщение директора о сотрудничестве. Террористы высказали требования.

Я лучше многих знала, что могло случиться — и случится — если их требования не выполнят. Они выстроят нас, одного за другим. Начнут с целей низкой важности, с бесполезных.

От других они могут отрезать кусочки для видимости.

Снизу донёсся звук. Моё сердце сотряс адреналин. В один миг я осознала, что под нами на лестнице находились вооруженные люди, а в следующий Генри прижал меня спиной к стене, закрывая моё тело своим. Защищая меня.

Всё произошло слишком быстро. Я замерла. Вот оно. Мы больше не сможем убежать. Больше никаких «возможно».

Этажом ниже шаги остановились.

Дверь открылась.

И закрылась.

Я чувствовала теплое дыхание Генри на своём лице. Его губы замерли меньше чем в миллиметре от моих.

Второй этаж. Охранники пошли на второй этаж. На третьем мы были в безопасности — пока что.

Генри отстранился от меня. Теперь нас разделяли несколько миллиметров.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — резко произнёс он.

— Хотя я и лгунья? — я не собиралась произносить эти слова. Не собиралась просить прощения. Я не была уверена, что я его заслуживала.

— Мы все иногда лжем, Кендрик, — сказал Генри.

Я подалась вперед, отталкиваясь от стены и сокращая расстояние, разделявшее наши губы. На какой-то миг он замер, а затем его руки зарылись в мои волосы, и он ответил на мой поцелуй.

Я предполагала, что Генри Маркетт целовался, как джентльмен — прилично и сдержанно.

Я ошибалась.

Генри Маркетт целовался так, как я дралась — неистово. Без страха. Без сомнений. Без сожалений. Только Генри и я, и жажда, которой я никогда в нас не замечала. Мы жаждали этого. Нас.

Я отстранилась первой. На несколько секунд мои губы замерли у его губ. Отрывисто дыша, я заставила себя собраться. У нас не было на это времени.

— Мы не можем сдать, и не можем оставаться здесь, — я сделала шаг назад и перевела взгляд на планшет. Я не смотрела на Генри. Не могла на него смотреть. Вместо этого я пролистала видеотрансляции. — Я собиралась попытаться пробраться в офис безопасности, увидеть, возможно ли отправить послание наружу.

На какой-то миг повисла тишина.

— Полагаю, ты знаешь, — произнёс Генри, — что это худшая идея в истории человечества?

У тебя есть идеи получше? Я подняла бровь, позволив ей озвучить этот вопрос за меня.

Генри уставился на меня. Я видела, как крутятся шестеренки в его мозгу. Он о чём-то думал, что-то чувствовал. Но мне не удалось разгадать значение напряжения его челюсти и его взгляда.

— Туннель, — голос Генри стал ещё тише, чем прежде.

— Тот, через который Ди провела нас в Аквакомплекс? — спросила я. — Я о нём подумала, но мы не сможем выбраться из главного здания. На крышах снайперы, а у каждого выхода вооруженные охранники.

Генри покачал головой.

— Это не единственный вход в туннель.

У меня пересохло во рту. Внезапно, я снова была в библиотеке и наблюдала за Анной и её телохранителем. Прежде я не задавалась вопросом о том, почему он выбрал библиотеку для своей стычки с охранниками.

Он сказал Доктору Кларк, что он должен вывести Анну.

Я схватила Генри за руку, как он сделал в коридоре. Заработала та часть моего мозга, которой руководили инстинкты — страх хищников, темноты и смерти. Я проигнорировала яростное и непрерывное биение моего сердца и тяжесть, появляющуюся в моём желудке, стоило мне подумать о том, что я рискую не только своей жизнью, но и жизнью Генри.

— Думаю, я знаю, где в этом здании вход в туннель, — сказала я Генри. Я проверила планшет и кивнула в сторону лестницы. Затем я заставила себя отпустить его руку, заставила не прикасаться к нему и не думать о его прикосновениях. — Пойдём.

Пройдя три четверти пути до библиотеки, мы попались мужчине с автоматической винтовкой.

— На пол!

Я узнала этого мужчину. Именно он ударил Анну Хейден по голове и намекнул на то, что он подчиняется приказам Доктора Кларк до поры до времени.

Наёмник. Непредсказуемый.

Я опустилась на пол. Охранник подошел к Генри.

— Ты! — сказал он, махая винтовкой в сторону Генри.

Генри поднял руки. Он медленно опустился на колени. Я увидела в глазах мужчины блеск. Он шагнул к Генри.

— Маркетт, — я выпалила фамилию Генри. — Это — Генри Маркетт. Я — Тэсс Кендрик Кейс.

Генри сверлил взглядом винтовку, и сжимающего её мужчину. Когда он заговорил, каждое слово звучало обдуманно и резко.

— Мы нужны вам живыми.

Не стреляйте. Не стреляйте в него. Пожалуйста не...

После долгой паузы охранник опустил винтовку на десять или пятнадцать градусов — достаточно, чтобы моё сердце снова начало биться, но не достаточно, чтобы я перестала представлять, как он передумывает и нажимает на курок.

Охранник перевёл взгляд с Генри на меня. Он убрал одну руку с винтовки и поднёс её к уху. Я осознала, что он с кем-то разговаривал, передавал послание.

— Я нашёл...

В один миг Генри стоял рядом со мной, а затем он бросился за винтовкой.

Нет.

Генри схватил ствол винтовки и впечатал его в лицо охранника, бросаясь на него всем телом. Они оба упали. Винтовка выстрелила.

Нет.

Я бросилась вперед, думая лишь о том, чтобы добраться к Генри. *Если я доберусь до него, с ним всё будет хорошо. Если я смогу к нему прикоснуться, я смогу его спасти. Я сделаю так, чтобы с ним всё было в порядке.*

Боже, пожалуйста, пусть он будет в порядке.

— Тэсс, — Генри встал с охранника. Я оглядела его в поисках крови или раны на плече или груди. — Кендрик, — на этот раз голос Генри был резче. — Нам нужно идти. Сейчас.

Он в порядке. Генри в порядке. Когда мы бросились бежать к библиотеке, я боролась с желанием оглянуться через плечо. *Никакой крови,* — подумала я. — *Крови не было. Ни на Генри. Ни на нападавшем.*

— Он без сознания, — сказал Генри, когда мы добрались до двери библиотеки. — Но не на долго.

Возможно, один из нас должен был взять винтовку — но я не умела из неё стрелять. Я сомневалась в том, что это умел Генри.

Мы должны отсюда выбраться. Мы должны найти туннель, прежде чем кто-то пойдёт искать мужчину, которого Генри отправил в отключку.

Сколько у нас времени? Секунды? Минуты?

Чувствуя адреналин, я рванула вперед. *Куда именно направлялся телохранитель Анны?*

Если бы я была входом в подземный туннель, где бы я находилась?

— Туннель под нами, — сказала я Генри. — Вход должен быть внизу.

Я опустила на корточки и принялась безумно водить руками по полу. Должно было быть хоть что-то. Я искала кнопку, трещину в полу...

— Это здесь, — позвал Генри. Он толкнул книжную полку. Она скрипнула и пришла в движение. Я поспешила помочь ему, не задаваясь вопросом о том, как он нашел вход, как нам могло так повезти, когда...

— Сюда!

Я слышала крик, а затем слышала, как кто-то бежал — к библиотеке, к нам. Полка поддалась. Что-то щелкнуло, и через секунду я смотрела в темную дыру.

Туннель — если нам повезёт.

— Ты первая, — сказал мне Генри. — Дай мне планшет и иди.

Не было времени думать. Мы не могли тратить время. Я отдала ему планшет и прыгнула в дыру, грубо приземляясь на землю. Я посмотрела вверх.

— Иди, — повторил Генри. В его голосе звучала категоричность, и я осознала, зачем он попросил планшет.

Он не пойдёт со мной.

— Генри! — мой крик заглушил звук вернувшейся на место полки. Через секунду после этого стало тихо, а затем я слышала сверху звуки шагов.

И выстрелов.

Они ему не навредят. Он — цель высокой важности. Он должен быть...

Я не могла вернуться вверх. *Я должна идти. Должна позвать на помощь. Ради Генри — и Вивви с Эмилией, и остальных.* Спотыкаясь в темноте, я нащупала стену туннеля. Она оказалась холодной и сырой на ощупь. Я продолжила двигаться — бежать, спотыкаться, падать и подниматься на ноги.

Если придётся, я буду ползти.

У них Генри. Я не позволяла себе думать о том, что Генри могло больше не быть, как не было Джона Томаса. Не позволила себе думать о том, что лицо Генри могло принадлежать телу, а не парню.

У них Генри. У них Вивви. У них Эмилия.

Я заставила себя идти вперед. Наконец я увидела пробел в темноте. Чем ближе к концу туннеля, тем проще становилось различить лучи света. Я разглядела на земле очертания двух давно погасших светящихся палочек.

Три дня. Прошло всего три дня с вечеринки, неделя с убийства Джона Томаса. Меньше десяти минут после того, как я бросила Генри, и меньше часа с первого выстрела.

Я опустила руки на металлическую дверцу туннеля и толкнула. Моё тело запротестовало. То же сделали дверные петли, но затем они поддались. Я слышала шум потока воды. Наверное, прошел дождь. В пятницу водоотводная канава была суха, но теперь мне пришлось промокнуть, чтобы найти металлическую ступеньку. Я опустила на неё ногу и потянулась вверх. Убрать решетку было просто, но выбраться было сложнее, чем в пятницу, ведь было мокро, и я была одна.

Я опустила свой торс на землю для опоры. Я выбралась и поднялась на ноги.

И тогда я слышала доносящийся сзади голос.

— Так мило, что ты к нам присоединилась, Тэсс.

Я медленно обернулась. За моей спиной стояла Миссис Перкинс. Я не видела у неё

оружия, но по обе стороны от неё стояли вооруженные охранники.

За ними стоял Генри.

Я чувствовала, что моё тело вот-вот сдастся. Генри был жив, у меня ничего не получилось, и адреналин, державший меня на ногах последний час, покинул меня. Моё тело казалось скорее раковиной.

Я споткнулась. Генри бросился мимо охранников, чтобы поймать меня. Террористы не стали поднимать оружие. Они даже глазом не повели, когда он помог мне восстановить равновесие.

Генри держал меня на секунду дольше, чем должен был. Он прошептал мне на ухо два слова и отпустил меня.

— Забери её на третий этаж. Оставь её с директором, — миссис Перкинс улыбнулась мне. Её улыбка была слишком резкой для её лица заботливой матери. — Я слышала, ты считаешь себя экспертом в решении проблем, Тэсс. Любопытно увидеть, как ты решишь мою нынешнюю проблему.

Я почти её не слышала. Я была заиклена на двух вещах: словах, которые Генри прошептал мне на ухо и на том факте, что приказ отвести меня на третий этаж предназначался не охранникам.

Миссис Перкинс приказала это Генри.

Что он прошептал мне, когда поймал меня, удерживая меня в вертикальном положении?

Прости меня.

ГЛАВА 53

Кендрик, то, чего ты не знаешь, может наполнить океан.

Миссис Перкинс протянула руку и опустила её на плечо Генри. Генри не замер под прикосновением террористки. Он даже глазом не повёл.

Мы все иногда лжем, — вот, что он мне сказал.

Мы проникаем, — я вспомнила слова, которые сказала Эмили Доктор Кларк в библиотеке. — Мы наблюдаем и вербуем.

— Не сопротивляйся нам, — негромко сказал мне Генри. Хотела бы я, чтобы его голос не звучал, как голос парня, которого я знала. Хотела бы я не видеть моего Генри в его глазах, когда он продолжил. — Не сопротивляйся мне.

Вооруженные люди связали мои руки за спиной. Они привязали меня к стулу, а Генри наблюдал. Он знал, что меня уже похищали, уже связывали. Знал, что я не могу даже посмотреть на скотч, не вспоминая об этом. И он наблюдал.

— Оставьте нас, — сказал охранникам Генри.

Я подумала о мужчине с оружием, на которого мы наткнулись в коридоре. О том, как он посмотрел на Генри и сказал: «Ты». Не «теперь ты опускайся на землю», а «я тебя знаю». «Что ты делаешь с этой девчонкой?».

Стоило Генри попросить, охранники оставили нас наедине. Я посмотрела на парня, которого я поцеловала меньше часа назад. Я заставила себя увидеть его, каждую деталь его лица. Черты, которые я помнила и знала...

— Кендрик.

Полные губы, широкая челюсть, пронзительно ясные глаза.

— Не называй меня так, — сказала я Генри. — Никак меня не называй.

Он понизил голос.

— Я пытался тебя вывести.

Во мне вскипел гнев. Он вырвался из меня странным, сухим смехом.

— Ты пытался меня вывести, — повторила я. — Как насчёт Вивви? Или Эмилии? — я не дала ему времени на ответ. — Всех этих девятиклассников, которые тобой восхищаются?

Генри сжал зубы.

— Я не хотел, чтобы это случилось. Если бы ты понимала...

Понимала?

— Эти люди убили Джона Томаса! — слова вырвались из моего рта. Мне было больно их произносить. — Эмилия обвинила в этом Доктора Кларк, и, знаешь, что она сказала? Она сказала, что это была не её идея. Что не она нажала на курок. Но она не отрицала, что за этим стоит «Senza Nome».

— Я не знал, — гортанно произнёс Генри. Я едва расслышала его слова. — О Джоне Томасе. О его отце. До этих выходных я даже не подозревал...

— На моих руках была кровь Джона Томаса, — выдавила я. — И ты...

Он смысл её. Он дал мне свою рубашку. Он заботился обо мне.

— Я не знал, — повторил Генри. — Клянусь. Никто не должен был пострадать.

Я слышала то, чего не говорил Генри. Здесь никто не должен был пострадать.

Генри рассказал мне, что смерть его дедушки научила его тому, что людям у власти не всегда можно было доверять. Я скрывала от него правду о заговоре, боясь того, что он может сделать, если узнает правду. И когда он услышал, что в заговоре мог участвовать кто-то четвертый, он был опустошен. Он сказал, что хотел бы, чтобы я рассказала ему раньше.

Не потому что он этого не знал, — осознала я, пытаясь понять, как парень, который верил в честь — верил, что должен защищать беззащитных — мог позволить себе присоединиться к этой группировке.

Он уже знал, что с заговором не покончено. Они ему рассказали.

Если «Senza Nome» пытались манипулировать Генри, они могли не сказать ему, что четвертым конспиратором могло оказаться несколько человек. Они могли убедить его в том, что был всего один подозреваемый.

— Президент, — я заставила себя произнести это вслух. — Они сказали тебе, что это президент организовал убийство твоего дедушки.

Генри стоял, глядя на меня с тем же нездоровым мазохизмом, который заставлял меня смотреть на него. Он не заговорил — не подтвердил мои слова, но и не стал их отрицать.

Они сказали тебе, что президент убил твоего дедушку. Они убедили тебя в том, что могут всё исправить.

— Сначала они просто просили деньги, — произнёс Генри. — Затем — информацию.

Информацию. Я подумала о каждом разе, когда Генри спрашивал у меня, чем занимается Айви. Вспомнила, как мы двое сидели на крыльце в темноте. Генри спрашивал о файлах Айви.

Он использовал меня.

Открылась дверь. В комнату толкнули директора Рэлей, связанного и избитого. Генри отвёл от меня взгляд, обернулся и подошел к директору, чтобы привязать его.

— Вы не должны этого делать, мистер Маркетт, — сказал ему директор Рэлей.

— Если я хочу остаться в положении, в котором я смогу защитить людей в этой школе, — сказал ему — и мне — Генри, — да, я должен.

Я отвернулась в сторону. Я не хотела на него смотреть. Не хотела показывать, что я услышала эти слова.

Я не повернулась, когда услышала, как Генри зашагал к двери.

Не подняла голову, когда она закрылась за его спиной.

Я сморгнула слёзы, от которых помутнело моё зрение. Мой взгляд сфокусировался на директоре, привязанном напротив меня в этом крохотном кабинете.

— Чтобы они вам не приказывали, — сказал мне директор — на его губе запеклась кровь, а его лицо опухло, — сделайте это, мисс Кендрик.

Меня удивила свирепость в его голосе.

— Это я виноват, — сказал директор, как мне, так и самому себе. — Я привёл их сюда. Это я виноват.

Я подумала о Докторе Кларк — наблюдавшей, проникнувшей, влияющей и вербующей. Подумала о секретарше директора, державшей палец на пульсе этой школы.

— Они уже были здесь.

Когда умер дедушка Генри, Доктор Кларк дала нам задание — выбрать ему замену. Потому что она хотела, чтобы мы критично обдумали этот процесс? Или потому что она хотела узнать, что думали наши родители? Что они знали?

Мы всё видим. Знаем все ваши тайны. И мы выжидаем.

Я заставила себя выбросить из головы слова Даниэлы Николае и вернуться к мужчине напротив меня.

— Почему вы сняли фотографию? — этот вопрос удивил меня не меньше, чем директора. — Фотографию с президентом в Кэмп-Дэвид, — продолжила я. Фотографию, на которой был запечатлен отец Вивви и ещё один человек, замешанный в заговоре об убийстве судьи Маркетта. — Почему вы её сняли?

Я думала, что директор работал с террористами. Когда он зачитывал их слова, я поверила, что они принадлежали ему. Я бы задумалась об этом, если бы я не подозревала всех мужчин на той фотографии? Я бы осознала, что лучше всего повлиять на директора и молча наблюдать за всем, что происходило в этих коридорах, мог кто-то не угрожающий?

Кто-то неприметный.

— Чем вас может интересовать эта фотография? — спросил директор, напоминая мне удрученного мужчину, столько раз сидевшего напротив меня в своём кабинете. — Честное слово, мисс Кендрик...

— Пожалуйста, — сказала я. — Я просто хочу знать.

Директор фыркнул, но удостоил меня ответом.

— Мне сказали, что выставлять эту фотографию на показ на таком видном месте немного бестактно.

Я услышала, как повернулась дверная ручка, а через миг открылась дверь. Мои запястья натянули стягивающие их веревки. Я не могла пошевелиться. Не могла сопротивляться. Я была беспомощна.

Генри бросил меня беспомощной.

Доктор Кларк осторожно закрыла за собой дверь. Она опустилась рядом со мной на колени.

— Только посмотри на себя, Тэсс.

Её голос был ласковым. Она произнесла эти слова, словно ей было больно видеть меня в таком положении.

Словно это не она застрелили телохранителя Анны у меня на глазах.

— Я не хотела, чтобы эта встреча проходила в таких обстоятельствах, — сказала мне Доктор Кларк.

— Мойра, отойди от этой юной леди или я... — директор резко запнулся, осознавая, что он не мог ничего сделать. Не мог ничего сказать.

Доктор Кларк ничем не показала, что она услышала его слова. Её тёплые карие глаза были сосредоточены на мне.

— Я знаю, как это выглядит, Тэсс. Знаю, что ты не можешь понять то, что я сегодня сделала и почему. Знаю, что ты не понимаешь, почему парень вроде Генри решил меня выслушать...

— Что вы ему сказали? — спросила я, снова натягивая веревки. Мой стул вздрогнул. Она не отпрянула. Не повела глазом.

— Я сказала ему то, что пытаюсь сказать тебе. То, что происходит здесь сегодня — мы не такие. Это, — она указала на меня и на директора, — мы таким не занимаемся.

Одно призвание. Я слышала тон, с которым Даниэла Николае говорила в том видео, в голосе моей учительницы. Именно так выглядел фанатизм.

Она по-настоящему в это верила.

— Я пришла к такой жизни, когда была не намного старше тебя, — мягко произнесла Доктор Кларк.

— После 11.09., — я перебила её, прежде чем она успела продолжить. *Что бы вы не сказали, для меня вы останетесь монстром.* Надеюсь, она услышала это в моём голосе.

Как бы то ни было, она продолжила:

— После террористического акта я хотела что-то сделать. Мир стал опасным местом. Всё изменилось.

— Так что вы стали террористкой, — резко подсказала я. — Если не можете их победить, присоединяйтесь к ним?

— Нет, — возмущенно произнесла Доктор Кларк. — Нет, Тэсс. Я бы никогда...

Я не стала слушать, что бы она никогда не сделала. Она убила человека у меня на глазах.

— Когда я была за границей, меня кое-кто нашел. Наставник. Он посчитал, что я могу быть заинтересована в службе, — Доктор Кларк сделала паузу. — И он был прав.

— Служба, — глухо повторила я. — Вы называете это службой?

— Наша организация была задумана для проникновения в террористические группировки. Мы влияем на их решения. Останавливаем их изнутри. Играем в их игру лучше, чем они сами.

Я собиралась было спросить у неё, каким образом Хардвик считался террористической группировкой. Но я решила, что это не стоит моих слов.

— Чтобы заниматься этим, — сказала Доктор Кларк, подавшись вперед и попытавшись взять меня за руку, — нам нужны глаза и уши повсюду.

— Глаза и уши? — я отдернула руку. — Я привязана к стулу, я видела, как вы на смерть застрелили человека, и вы хотите, чтобы я поверила, что вы просто наблюдатели? — она верила в свои слова. Она ждала, что в них поверю и я. — Вы устроили взрыв в больнице!

— И в этом взрыве никто не пострадал, — яростно произнесла Доктор Кларк. — Думаешь, это случайность? Ошибка? Мы не совершаем ошибок.

— Тогда почему... — я запнулась. — Вы знали, что Уолкер Нолан кому-нибудь расскажет. В этом и смысл.

— Иногда величайшие угрозы приходят изнутри. Иногда система ломается, Тэсс. Абсолютная власть портит людей, — Доктор Кларк мельком взглянула на директора и снова обернулась ко мне. — Ты знаешь, каково это, Тэсс. Бросать вызов людям у власти. Я всегда восхищалась тем, как ты защищаешь тех, кто не может защитить себя сам, — она сделала паузу. — Разве так сложно поверить, что кто-то вроде меня хочет сделать то же самое?

Слушая её слова, я знала, что она сказала Генри что-то подобное. Она сказала ему, что система сломана, коррумпирована. Она позволила ему поверить, что он может это исправить.

— Ты знаешь, на что способен президент Нолан, — сказала Доктор Кларк. — Ты знаешь, что случилось с судьей Маркеттом, и как администрация Нолана это скрывает.

— Вы сказали Генри, что это не кончилось, — я заставила себя посмотреть Доктору Кларк в глаза. — Сказали, что президент в ответе за смерть его дедушки.

— Я верю, что в этом замешан кто-то из его людей, — возразила Доктор Кларк. — Маркетта убили врач президента и агент его личной охраны. Не похоже на совпадение, — на несколько секунд она замолчала. — Не думаю, что ты считаешь это совпадением.

Я представила, как Генри слушал эти слова.

— Вы сказали Генри...

— Я сказала ему, что мы можем помочь ему дать отпор, добиться справедливости, что никто не должен быть выше наказания. Умерло четыре человека. Мы не должны этого заметить? Судья Маркетт. Его врач. Главный претендент на его должность. Агент личной охраны президента, которого застрелил кто-то из штурмовой группы? — она понизила голос. — Белый Дом пытался скрыть личность агента, но мы узнали. Мы всегда узнаём. Администрация Нолана хотела скрыть это не просто так, Тэсс. Кто, по-твоему, приказал застрелить Дэмиена Костаса? Кто, по-твоему, приказал казнить этого человека без суда?

Четвертый заговорщик.

— Так почему вы не раскрыли правду? — спросила я у Доктора Кларк. — Если вам не плевать на заговоры и тайны, почему не...

— Когда кто-то занимает должность президента, мы разрабатываем запасной план. Если этот человек оказывается достоин этой должности, мы не приводим план в действие. А если — нет... — Доктор Кларк элегантно пожала плечами.

Запасной план, — подумала я. — Уолкер Нолан. Этот план разрабатывали годами. Они проникли в жизнь Уолкера ещё до того, как избрали президента Нолана. Они подослали к нему Даниэлу.

И когда они заподозрили, что с администрацией Нолана что-то не так, им не пришлось искать инкриминирующую информацию.

У них уже был собственный компромат.

Они срежиссировали взрыв, обнародовали отношения Уолкера с террористкой, только для того, чтобы свергнуть президента.

Мой мозг завертелся.

— А зачем стрелять в президента? Ещё один запасной план?

— Этот выстрел, — из дверного проёма донесся голос, — был единственной случайностью, которой мы не планировали.

Я повернула голову в сторону, откуда донесся голос.

— Мне нужна ещё минута, — сказала Доктор Кларк миссис Перкинс.

— У тебя была минута, — ответила миссис Перкинс. — И ты зря тратишь время. Она не переметнется.

Доктор Кларк поднялась на ноги. Она плотно сжала губы. Мышцы её лица были напряжены.

— Для этого нужно время.

— К сожалению, Мойра, именно времени у нас не хватает, — миссис Перкинс перевела взгляд с Доктора Кларк на меня. Её глаза сияли намного мрачнее, чем глаза Доктора Кларк.

Некоторые люди совершают ужасные поступки из-за того, во что верят, — подумала я. По моему телу пробежал холодок. — А другие выбирают веру, которая позволит им совершать ужасные поступки.

— Вы убили Джона Томаса, — произнесла я. Я не могла отвести глаз от женщины, которую когда-то считала приветливой и милой.

— Когда президента подстрелили, и его должность мог занять вице-президент, я привела в действие новый план. Нам нужно было убить ученика, чтобы директор согласился на дополнительную, вооруженную охрану, — миссис Перкинс пожалала плечами. — То, что мистер Уилкокс рылся в файлах своего отца, сделало его очевидным выбором. Рано или поздно нам бы пришлось с ним разобраться. Два зайца одним выстрелом. Я увидела возможность, — глаза миссис Перкинс сияли. — И я использовала её.

— Его отец работал с «Senza Nome», — произнесла я. — Он был одним из вас.

— Он никогда не был одним из нас, — ответила миссис Перкинс. — Мы никогда ему не доверяли. Он был гадюкой, чьи цели временно совпадали с нашими. Зачем упускать такую возможность ради кого-то подобного?

Возможность устроить захват Хардвика, пока страной руководит вице-президент.

— Вот и всё? — спросила я. — Вы увидели возможность и воспользовались ей? И вы думаете, что я поверю, что вы никак не причастны к нападению на президента? Это просто счастливое совпадение? — спросила я. — «Senza Nome» взяли на себя ответственность за покушение!

— Да? — парировала миссис Перкинс. — Мы правда это сделали? — её глаза сверлили мои.

На допросе Даниэла Николае сказала, что это не «Senza Nome» стояли за покушением на жизнь президента.

— Не важно, — пожав плечами, произнесла миссис Перкинс. — Возможно, нападение на президента Нолана помешало одному из наших планов, но оно позволило нам осуществить другой.

Первый план. Даниэла Николае, Уолкер Нолан и пиар-атака, которая разрушила бы администрацию Нолана на промежуточных выборах.

Позволило осуществить другой. Осада Хардвика.

— А теперь, — объявила миссис Перкинс, — у меня есть проблема, и ты, моя милая, её решишь.

Ни за что.

— Некоторые всё ещё не осознали, что в этой битве им не победить, — продолжила миссис Перкинс. — Соединенные Штаты не ведут переговоров с террористами и всё такое, — она закатила глаза. — А те, кто готовы вести переговоры, попросили нас о знаке доброй воли.

Никто не должен использовать слова «добрая воля» в отношении к этим людям. Никогда.

— Нам нужна твоя помощь, — сказала мне Доктор Кларк. — Чтобы все твои одноклассники выбрались отсюда живыми.

Все? — подумала я. — *Даже бесполезные?*

Словно подчёркивая мои слова, миссис Перкинс повернулась, подняла свой пистолет и всадила пулю между глаз директора.

Мой желудок запротестовал. Тошнота врезалась в меня с силой грузовика. Я сглотнула, сопротивляясь ей и надеясь, что у меня перестанет звенеть в ушах.

— Я привлекла твоё внимание? — спросила миссис Перкинс.

— Да, — выдавила я.

Миссис Перкинс опустилась рядом со мной на колени, как до этого делала Доктор Кларк. Выражение её лица было почти материнским.

— Мы с тобой поговорим, Тэсс. А потом, в качестве знака доброй воли, я отпущу тебя.

Я уставилась на рану на лбу директора Рэлей. По его безжизненному лицу текла кровь.

— Отпустите меня? — переспросила я.

— О, да, — сказала миссис Перкинс. — Я отпущу тебя, и ты передашь мои слова Айви исполняющему обязанности президента и всем, кто спросит. Ты расскажешь о наших требованиях и проследишь за тем, чтобы люди у власти отреагировали правильно.

Отреагировали правильно. Другими словами: «дали террористам то, чего они хотят».

— А если они этого не сделают? — спросила я.

— Ты — изобретательная девушка, — сказала миссис Перкинс, — и у тебя есть связи с очень влиятельными людьми. Я уверена, что ты в этом разберешься.

У меня пересохло во рту.

— А если у меня не получится?

— Я дам тебе восемь часов. После этого каждый час я буду приставлять пистолет к голове одного из твоих одноклассников. И, Тэсс? — миссис Перкинс протянула ко мне руку и ласково убрала с моего лица прядь волос. — Я с удовольствием нажму на курок.

ГЛАВА 54

Меньше чем через два часа после того, как я услышала первый выстрел, я вышла из ворот Хардвика с поднятыми руками. Меня встретила штурмовая группа, ФБР, Национальная Безопасность и дюжина пистолетов, направленных мне в голову.

— Ты вооружена? — спросила женщина в куртке ФБР. — На тебе есть какая-нибудь взрывчатка?

Я покачала головой.

— Ты ранена?

Я снова покачала головой.

— Нам нужно, чтобы ты легла на землю, — сказала женщина. — Лицом.

Я сделала, как она просила. Через секунду кто-то меня обыскал. Они не нашли ничего, кроме флешки, висящей на моей шее на цепочке. Указания. Для органов власти. От «Senza Nome». Они разрешили мне сесть. Я и не осознавала, что я замерзла и дрожала, пока женщина из ФБР не набросила мне на плечи свою куртку.

— С тобой всё в порядке, — сказала она мне. — Тэсс, послушай меня: с тобой всё в

порядке.

Возможно, эти слова должны были успокоить меня, но этого не случилось. Со мной всё было в порядке. Но если я не выполню указания миссис Перкинс, не подчинюсь её приказам, с остальными случится что-то плохое. С Вивви. С Эмилией. И даже с Генри, если они заподозрят его в неверности.

— Мне нужен медик! — крикнула женщина из ФБР. — У неё шок!

Вокруг меня столпились люди. Агенты задавали вопросы. Медик светил мне в глаза фонариков. *Восемь часов*, — подумала я. — *У меня восемь часов*.

— Тэсс!

Моё тело отреагировало на голос Айви. Мои плечи согнулись, а голова поднялась.

— О боже, Тэсси, — кто-то попытался остановить Айви. Она обернулась к нему. Я никогда не видела её такой. — Это — моя дочь, — яростно произнесла она. По её лицу катились слёзы. — И следующий, кто попытается встать между мной и моей дочерью, пожалеет о том, что родился на свет, — Айви не верила в смутные угрозы. — Каждая ваша тайна выплывет на поверхность. Люди будут сомневаться в каждом вашем решении. Вас будут проверять, допрашивать и переведут на самую ужасную должность по канцелярской работе, которую я смогу найти. А теперь уберите с моего пути.

Все ушли с пути Айви.

В один миг она оказалась рядом со мной. Она упала на колени, так быстро и сильно, что ей наверняка было больно, но, кажется, она этого не почувствовала. Она обвила меня руками, крепко прижимая меня к себе. В следующую секунду она оттолкнула меня и провела ладонями по моим плечам и рукам, убеждаясь в том, что я была здесь, я была цела и невредима. Затем Айви снова и снова негромко произносила моё имя. Она спрашивала, в порядке ли я. Её руки опустились на моё лицо. Она пригладила мои волосы и поцеловала меня в лоб.

Я обвила её руками.

— Айви.

— Я здесь, — пробормотала мне в волосы Айви. — Ты в безопасности. Я с тобой. Тэсси. Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Я никогда не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Мисс Кендрик, — женщина из ФБР стояла на почтительном расстоянии от нас. Она дала нам с Айви минутку, но не могла позволить дать нам больше времени. — Я понимаю, что Тэсс через многое прошла, но она — наш единственный источник информации о том, что происходит внутри, а значит, она наш единственный шанс вытащить этих детей живыми.

Восемь часов, — подумала я. — *Уже меньше*. Я хотела верить, что ФБР сможет со всем справиться. Что, если я расскажу им всё, что знаю и всё, что мне сказали, они найдут способ всех спасти.

Но у меня не было такой роскоши.

Каждый час, я буду приставлять пистолет к голове одного из твоих одноклассников.

— Агент права, — сказала я Айви. — Мне нужно с ними поговорить.

Я с удовольствием нажму на курок.

— А после этого, — я говорила негромко, чтобы меня могла слышать только Айви, — мне нужно поговорить с вами.

В нескольких шагах от нас, за правоохранительными органами, я заметила Адама. Глядя на нас с Айви, он пытался совладать со своими эмоциями. А за Адамом я увидела Уильяма

Кейса с каменным выражением лица. Айви проследила за моим взглядом, и я уточнила.

— Со всеми вами.

ГЛАВА 55

Через четыре часа ФБР позволило Айви и Адаму отвезти меня домой. Половина и отведенных мне восьми часов прошла за расспросами и описанием ситуации внутри.

Участники переговоров и профайлеры попросили меня описать всех, кто был замешан в происходящем. Затем представители Нацбезопасности начали проверять прошлое миссис Перкинс и Доктора Кларк.

Мне удалось описать одного из охранников — того, кто вырубил Анну и подрался с Генри, когда тот пытался меня вывести — так чтобы художник смог создать его фоторобот.

Я рассказала им всё, что знала о количестве террористов, о кратких разногласиях, которые я посеяла в их рядах, о том, как Доктор Кларк и миссис Перкинс играли со мной в хорошего и плохого террористов. Я рассказала о туннеле, трансляциях с камер наблюдения и мужчине, которого застрелили у меня на глазах.

Я сказала, что у них было восемь часов. Сказала, что произойдёт, если они не выполнят требования миссис Перкинс.

Я рассказала им всё, кроме правды о Генри — и ряда требований, которые дала мне миссис Перкинс.

— Тебе что-нибудь нужно? — спросила Айви, открыв дверь нашего дома. Я шагнула в фойе и впервые почувствовала себя дома. Здесь было моё место. Я бы отдала всё, чтобы остаться здесь. С Айви.

— Можешь сделать мне горячий шоколад? — хрипло спросила я.

Просьба застала Айви врасплох. Я никогда не позволяла ей заботиться обо мне. Я никогда не просила её — даже немного, даже мысленно — быть моей мамой.

— Я сделаю нам по чашке.

Я оказала нам обоим услугу и проигнорировала обнаженные эмоции в её голосе. Она пошла готовить горячий шоколад.

— Больше так не делай, — тихо произнёс Адам. Он присоединился нам по пути домой, но, как и Боди, он молчал и слился с фоном под рёв нашей связи с Айви.

— Не делай что? — спросила я. — Не просить горячего шоколада?

— Не позволяй, чтобы происходило что-то плохое, — сказал Адам, внезапно обнимая меня. Его слова звучали скорее как молитва, чем просьба. — Никогда. Не с тобой.

— Я этим займусь, — ответила я, уткнувшись ему в грудь.

Он обнимал меня ещё несколько секунд, а затем открылась входная дверь. Уильям Кейс замер в дверном проёме. Его взгляд застыл на нас с Адамом.

— Будьте как дома, — сухо сказал старику Боди. — Не утруждайтесь стучать.

Слова Боди заставили нас троих выйти из своих размышлений. Создатель королей переступил порог и закрыл за собой дверь, и Адам обернулся к своему отцу, всё ещё заботливо приобнимая меня одной рукой.

— Мне сказали, что требуется моё присутствие, — сообщил Адаму Кейс. В его голосе прозвучала нотка вызова, но он первым отвёл глаза, переводя взгляд с Адама на меня. — Ты цела?

Кейсу сообщили о моём состоянии, но он впервые получил шанс спросить лично. Я могла только представить, как сильно его раздражало ожидание — и тот факт, что ФБР пустило ко мне Айви, а не его.

— Я цела, — ответила я. — Но я не в порядке.

В этот момент вернулась Айви. Вручив мне чашку горячего шоколада и оставив вторую себе, она остановилась слева от меня. Адам и Айви стояли по обе стороны от меня. Я должна была чувствовать себя в безопасности.

Должна была чувствовать себя защищенной.

Три часа и сорок пять минут.

У меня не было времени на ужас, чувство вины или страх.

— Я не буду в порядке, пока это не закончится, — сказала я, переводя взгляд с одного лица на другое. — А это не кончится, пока мы не дадим им то, чего они хотят.

— Я не всё рассказала ФБР.

Мы пятеро сидели за столом, где Айви проводила переговоры — Айви, Адам, Боди, создатель королей и я.

— Почему? — спросил Адам.

Я ответила:

— Потому что мне сказали так сделать.

Пока я была уверена, что «Senza Nome» об этом не узнают, я не могла так рисковать. Если террористы отправили двух человек в Хардвик, я не могла исключить возможность того, что у них был человек и в ФБР.

— Кроме того, — вслух произнесла я, оглядывая всех, кто сидел за столом, одного за другим, — эта часть послания предназначается вам.

Ты — изобретательная девушка, и у тебя есть связи с очень влиятельными людьми. Я всё ещё помнила блеск в глазах мисси Перкинс. Я уверена, что ты в этом разберешься.

— Правительство Соединенных Штатов не ведет переговоров с террористами, — сказала я. — В этом и проблема. Нам нужно, чтобы вице-президент согласился отпустить Даниэлу Николае. Им придётся отправить её в школу, если они хотят вытащить кого-нибудь ещё.

Мгновенно повисла тишина.

— Это проблема, — признала Айви. — Ситуация в Хардвике уже привлекла внимание всей страны. Вице-президента не должны видеть за переговорами с террористами. Если он не хочет поощрить будущие угрозы, его руки связаны.

— Тогда тебе придётся их развязать, — сказала я. — Не знаю, как. Мне плевать, как. Но это должно произойти.

— Почему? — прямо спросил Уильям Кейс. Теперь, когда он видел меня, он не был особо заинтересован в выполнении требований террористов.

— Потому что, — с напором произнесла я, — если мы не сможем сделать так, чтобы вице-президент отпустил Даниэлу, умрут люди. Умрут дети.

— Почему для этой группировки так важно, чтобы отпустили Даниэлу Николае? — тон моего деда напомнил мне о том, что для него это было чем-то личным. — Кто она для них?

— Солдат? — предположил Боди. — Оставшийся позади в рядах врага?

Адам смотрел прямо перед собой. Он был солдатом.

— Они позволили ей попасться, — медленно произнёс Адам. — Не так ли? — вопрос

был риторическим, и если он и ожидал ответа, то от Айви, а не от меня.

Я всё равно ответила.

— Их план заключался в том, чтобы Уолкер рассказал своему отцу. Их мишенью была не больница.

— А Ноланы, — вмешалась Айви. — Это с самого начала была пиар-атака, — она сделала паузу. — И её руководители должны были понимать, что Даниэла может попасться.

Она была бесполезна? Или всё это время у них был запасной план?

— Ты говорила с этой женщиной, — сказал Айви Уильям Кейс, сложив руки на столе и подавшись вперед. — Думаешь, её арест был спланирован? Думаешь, она хороший маленький солдат, попавшийся врагу?

Выражение лица Айви стало немного более сдержанным. Ей явно показалось, что создатель королей слишком уж заинтересован в этом вопросе, пусть она и не знала, почему.

— Мне позвонили, когда Тэсс общалась с ФБР, — не спеша сказала Айви. — Министерство безопасности допрашивало конгрессмена Уилкокса о его связях с «Senza Nome». Конгрессмен почти сломался.

Почти?

— Конгрессмена Уилкокса убили под арестом вскоре после того, как террористы отпустили Тэсс.

Судя по словам Айви, насколько бы миролюбивой не была организация «Senza Nome», они были не рады идее о том, что кто-то из их людей заговорит.

— Для них Даниэла — не солдат, — продолжила Айви. — А помеха.

Айви рассказала мне, что те, кто допрашивал Даниэлу, верили, что её чувства к Уолкеру были неподдельными. Они гадали о том, могли смениться объект её верности — если этого ещё не случилось. Если люди, с которыми работала Даниэла, задавались теми же вопросами, она была не просто помехой. Она была угрозой.

— Если бы они могли до неё добраться, они бы уже это сделали, — прокомментировал Адам. — Как они добрались до Уилкокса.

— Капитан Очевидность прав, — Боди откинулся на спинку стула. — Если друзья-террористы Даниэлы не могут пробраться туда, где её держат, не удивительно, что они хотят, чтобы мы отправили её к ним с бантиком.

Челюсть создателя королей едва заметно дернулась. Айви и Адам не знали, кто отец Уолкера. Они не знали, что террористка носит его внучку — и я видела по его глазам, что он не собирался им рассказывать. Они и так знали, что женщина была беременна. Они считали, что её ребенок был Ноланом. Они были близки с Ноланами больше, чем с ним. Он не расскажет им правду. А я верила в то, что этот секрет мне не принадлежал.

— У нас меньше четырех часов на то, чтобы Даниэлу Николае отпустили, — сказала я, концентрируясь на этом. Позже у меня будет время решить, что рассказать Айви и Адаму об Уолкере Нолане. Сейчас я не могла забывать, что наше время было ограничено. И не могла позволить им об этом забыть.

— Если она не зайдёт в Хардвик через три часа сорок шесть минут, они начнут стрелять. Поговорите с вице-президентом, с Пентагоном — шантажируйте, подкупайте, крадите, мне плевать. Найдите способ.

Я обращалась к каждому из них. Первым ответил создатель королей.

— Думаешь, — резко произнёс Уильям Кейс, — если мы дадим им Даниэлу Николае, они просто всех отпустят?

Он явно не считал это вероятным.

— Нет, — натянуто ответила я. — Думаю, если мы дадим им Даниэлу Николае и кто-то надавит на секретаря штата, чтобы он начал просить иностранные правительства об услугах в виде освобождения заключенных из списка, двадцать миллионов долларов переведут на их счёт и им организуют стратегию выхода, тогда они всех отпустят.

Это не всё. Даже не половина. Но только это я могла сказать в этой комнате, перед этими четверыми.

— Я не хочу показаться равнодушным к тому, через что ты прошла, — сказал Уильям Кейс, — но учитывая то, что мою внучку уже отпустили, я не склонен платить какой-либо выкуп.

— Так не платите, — негромко сказала ему я. — Убедите других родителей это сделать. Их дети всё ещё в опасности. У многих из них глубокие карманы, — я позволила им усвоить эти слова. — Вы постоянно говорите об искусстве влияния, — сказала я Кейсу, — о стратегии и манипуляции — так заставьте это случиться. Проследите за переводом денег и убедитесь в том, что полиция не сможет его отследить.

По каким-то причинам «Senza Nome» считали, что у создателя королей был опыт работы с денежными переводами, которые нельзя было отследить.

— Это было бы рискованно, — сказал Кейс. — Это может привести к проверке моих ценных бумаг, которой я хотел бы избежать.

Я не сказала ему сделать это ради меня. Не сказала «пожалуйста». Создатель королей первым напомнил бы мне: Кейсы не умоляют.

— Тебя совсем не волнует то, — осторожно, до опасного равнодушно спросил у своего отца Адам, — что в опасности чужие дети?

Я изучала лицо старика в поисках ответа на этот вопрос. Это волновало его сильнее, чем он хотел бы признать.

— Вы это сделаете? — негромко спросила я.

Он встал.

— Сделаю, — он посмотрел на Айви. — Но когда речь заходит о том, чтобы убедить вице-президента отпустить известную террористку, — продолжил он, — здесь ты сама за себя.

Кейс вышел из комнаты для переговоров, а двадцать секунд спустя я услышала, как он вышел из дома.

— Что ты недоговариваешь, Тэсс? — вопрос Айви застал меня врасплох, как она и планировала. Айви Кендрик всегда знала, когда от неё что-то скрывали.

— У них была ещё одна просьба, — сказала я. — Для тебя.

Это не всё. Но я не могла сказать больше. *Это всё, что тебе можно знать.*

Я не позволила этим мыслям мелькнуть у меня на лице и оттолкнула черную дыру поднимающихся во мне эмоций — пустота, чувство вины, страх той вещи, о которой я не могла ей рассказать.

Той вещи, о которой они меня попросили.

— Они хотят получить твои файлы, — сказала я, придерживаясь того, что я могла рассказать Айви. — Хотят программу, которая раскроет тайны твоих клиентов, если ты исчезнешь. Они хотят её и список твоих клиентов — хотят всё.

— Откуда они вообще знают о программе? — спросил Боди.

Мои внутренности сжались, пока я старалась не думать о том, что о программе знал

Генри.

Сначала они просто просили деньги. Затем — информацию.

Генри просил у меня о доступе к файлам Айви.

До этого, в день, когда кто-то вломился в офис Айви, Генри предложил меня подвести.

— У «Senza Nome» есть глаза и уши повсюду, — сказала я.

— Ты не можешь отдать им программу, — мягко сказал Айви Адам. — Если эта информация будет обнародована, это будет шокирующе. Опасно. Для этой страны и для тебя.

Айви не смотрела на Адама. Она смотрела на меня.

— У них Вивви, — сказала ей я.

Айви не повела и глазом, но я видела, как она осознала эти слова.

— У них Генри.

Она не знала, что сделал Генри. Не знала, кто он. Она знала того Генри, которого когда-то знала я — парня, за которого стоило сражаться.

— Возможно, я могла бы отдать им версию моих файлов, — сказала Айви. — Достаточно тайн, чтобы они поверили, что они настоящие, но недостаточно, чтобы причинить больше вреда, чем я смогу исправить.

Адам сжал зубы. Он явно был не рад идее о том, чтобы давать террористам что бы то ни было. Мой желудок изогнулся по другой причине.

— Что бы ты им не дала, — сказала я Айви, — убедить, что они поверят, что файлы настоящие. Представь, что от этого зависит моя жизнь.

Айви поднялась на ноги и подошла ко мне. Она провела рукой по моей руке, убеждаясь в том, что я всё ещё была здесь. Что я была в порядке.

Она сделает то, о чём я попросила. Я должна была в это верить — потому что моя жизнь действительно от этого зависела.

Вот, почему вернуться домой было так сложно. Вот, почему мне было так больно находиться здесь с Айви, почему я не могла допить свой горячий шоколад.

Из всех требований миссис Перкинс, я не должна была рассказывать Айви о последнем.

После того, как я сделаю то, зачем они прислали меня сюда, если я хочу, чтобы мои друзья и одноклассники выжили, я должна была сделать кое-что ещё.

Я должна была вернуться.

ГЛАВА 56

Два часа и двадцать две минуты.

Айви ушла, чтобы поговорить с вице-президентом. Адам назначил встречу с секретарём штата, чтобы увидеть, сможет ли она договориться об освобождении иностранных заключенных. Боди работал над файлами Айви. А я ждала. Ждала, чтобы создатель королей сдержал своё слово, и в силу вступила следующая часть плана.

Кто-то позвонил в дверь. Боди открыл её, сжимая в руках пистолет.

— Я пришел с миром! — провозгласил стоящий на крыльце Ашер. — Ваш дружелюбный сосед-мятежник, которого недавно подозревали в убийстве!

Боди опустил пистолет.

— Тэсс, — крикнул он, — к тебе гости.

Я подошла к Ашеру, даже не задаваясь вопросом о том, как он мог шутить во время

террористической атаки. Юмор был его первой, лучшей и последней линией обороны от мира.

Я посмотрела ему в глаза, и эта оборона развалилась на части. В такой момент не мог улыбнуться даже Ашер.

— Эмилия меня спасла, — сказала ему я. На каком-то уровне я осознавала, что моё лицо было мокрым, но лишь несколько секунд спустя я поняла, что я плакала. Я рассказала близнецу Эмилии о том, как она шагнула на линию огня с высоко поднятой головой.

— Чтобы сломать мою сестру, — произнёс Ашер, — нужен кто-то получше простых террористов, — он едва заметно подавился этими словами, но продолжил говорить. — Думаю, мы оба знаем, что прямо сейчас она наверняка мысленно составляет эссе для колледжа обо всём этом.

Я кивнула. Уголки моих губ приподнялись. Кивать было больно. Как и улыбаться. Как и думать об Эмилии.

— Генри наверняка читает кому-то лекции, — продолжил Ашер. — А Вивви перетягивает всех на свою сторону своими грустными щенячьими глазками.

Вивви лежит на полу, уткнувшись в него лицом. Возможно, именно Генри держит над ней пистолет.

— Прости, — выпалил Ашер. — Я знаю, что это не... знаю, что ты не... — я ещё никогда не слышала, чтобы Ашеру не хватало слов. — Я должен был быть там, — наконец, сказал он.

Если бы его не отстранили...

Если бы сегодня он был в школе...

Если, если, если... Я слишком хорошо знала, каково это.

Если бы я рассказала Генри правду о смерти его бабушки, если бы он услышал это от меня, а не от Доктора Кларк...

Если бы я не расстроила Вивви, если бы она не сбежала бы и осталась бы со мной...

Если бы террористам сдалась я, а не Эмилия...

— Я должна вернуться, — мой голос звучал так же безжизненно, как я себя чувствовала. — Если я не вернусь со всем, что они попросили, они начнут расстреливать учеников.

Ашер побледнел и отвернулся от меня. Он склонил голову. Я ждала, что он заговорит, но вместо этого, когда он развернулся, он бросился ко мне и обнял меня, так же крепко, как обнимала Айви.

— Если ты умрёшь, — прошептал он, — ты никогда не увидишь танец, интерпретирующий все эти события, который я планирую создать.

Ашер плакал. Он плакал, шутил и умирал изнутри — и в этот миг я поняла, что я не могла рассказать ему всю правду о том, что произошло в школе.

Я не могла рассказать ему о Генри.

Я не рассказала ФБР. Не рассказала Айви. И не расскажу Ашеру. Если я произнесу эти слова вслух, они станут правдой. Если я скажу, что Генри работал с террористами, обратного пути не будет.

Его руки на моих. Его губы на моих. Эта лёгкая полуулыбка.

В глубине души я знала, что обратного пути уже нет. И никогда не будет. Не для меня.

— Что я могу сделать? — спросил Ашер. Я услышала в его голосе знакомую беспомощность. С моей стороны было несправедливо рассказывать ему, что я должна буду

снова сдать террористам. Было несправедливо думать, что он станет сидеть здесь и бездействовать.

— Вообще-то, — сказала я, — ты можешь помочь.

— Всё что угодно, — прямо произнёс Ашер.

Я опустила взгляд на свои часы.

Два часа и четырнадцать минут.

— Мне нужно, чтобы ты передал сообщение, — сказала я, — тёте Вивви.

ГЛАВА 57

— Насколько я понимаю, Айви не знает о том, какую игру ты затеяла, — такими словами Прия Бхарани поприветствовала меня, когда я ответила на её звонок. Она звонила со скрытого номера, вероятно, с одноразового телефона.

— Вы получили моё сообщение, — ответила я, понижая голос и закрывая дверь своей комнаты. Если бы Боди узнал, что я планировала — если бы он рассказал Адаму и Айви — они бы никогда не позволили мне это сделать.

А если они не позволят мне это сделать, кто-то умрёт. А затем ещё кто-то. И ещё. Пока террористы не получают то, чего хотят, или ФБР не рискнет взять Хардвик силой, что могло привести к многочисленным потерям.

— Я получила ещё одно сообщение.

Эти слова вернули меня к настоящему. Я не знала, о чём террористы попросили тётю Вивви, или как они передали свои указания. Я знала лишь то, что мне нужно было подождать два часа, после того, как Айви уйдёт, прежде чем связаться с ней.

— Судя по всему, я должна помочь тебе связаться с Даниэлой Николае перед тем, как её отпустят, — продолжила Прия. — Если кто-то обеспечит безопасность её освобождения.

— Айви над этим работает, — сказала я.

Один час и двадцать одна минута.

— Это всё, о чём они вас попросили? — спросила я у Прии, стараясь сосредоточиться на тёте Вивви, а не на тикающих часах. — Организовать мою встречу с Даниэлой?

— Нет, — коротко ответила Прия. — Я должна убедиться в том, чтобы вас с Даниэлой доставили к ним, — она сделала паузу. — И, конечно, я должна сдать им вместе с вами.

Я запнулась.

— Чего они от вас хотят?

— Прежде чем я приехала сюда, я нажила много врагов.

Она приехала сюда ради Вивви, оставила свою прошлую жизнь — в чём бы она ни заключалась — позади ради Вивви. Мне не нужно было спрашивать, сдастся ли она ради неё террористам.

— Что они с вами сделают? — спросила я у Прии, облачиваясь на дверь своей комнаты. Моё сердце стучало в груди, когда я вспомнила о том, как Доктор Кларк убила телохранителя Анны, а миссис Перкинс бесцеремонно всадила пулю в голову директора Рэлей.

На другом конце провода Прия ответила на мой вопрос молчанием.

Я соскользнула вниз по двери, опускаясь на пол и прижимая колени к груди.

— Что они сделают со мной?

Я старалась не задаваться этим вопросом. Старалась не думать об облегчении, которое

испытывала Айви, зная, что я была дома и в безопасности. О том, как Адам просил, чтобы с мной больше никогда не случилось ничего плохого.

— Если они получают то, чего хотят? — не спеша ответила Прия. — Они ничего с тобой не сделают. Они тебя отпустят.

А если они получают только часть того, чего они хотели? Если они догадаются, что программа, которую Айви собиралась им отдать, была подделкой? Если создатель королей не сможет организовать перевод двадцати миллионов долларов? Если секретарь штата не захочет договариваться об освобождении агентов «Senza Nome» за границей?

— Ты не обязана это делать, Тэсс.

Я чувствовала, что для Прии произнести эти слова было сложнее, чем я могла себе представить.

— Они попросили вас привезти меня, — сказала я.

Если Прия не сделает то, о чём её попросили, Вивви придётся заплатить. Я не могла позволить, чтобы это случилось, какой бы холодок не бежал по моей коже от одной мысли о том, чтобы вернуться туда.

— Женщины вроде этой Клариссы Перкинс, — мягко произнесла Прия, — они прекрасно знают, на что нужно надавить, чтобы сделать очень больно.

Вивви была слабым местом Прии — и моим.

— Значит, Айви не знает...

— Если бы она знала, она бы не выпускала меня из поля зрения, — сказала я. Я была слабым местом Айви. Всегда была. — Меня бы отправили в отключку и посадили на самолёт в Арубу, прежде чем я успела оказаться в пяти милях от школы.

Когда Айви позволила своим родителям растить меня, она думала, что должна солгать. Она считала это правильным поступком.

Теперь я гадала о том, было ли ей больно лгать. Ведь мне было больно позволять ей верить, что я была в безопасности и что я останусь здесь. Если я пойду в Хардвик и не вернусь, она будет знать, что это был мой выбор.

Она будет знать, что я лгала ей и решила уйти.

Мне так жаль, Айви. Я не хочу уходить. Не хочу бросать тебя.

Впервые мне захотелось быть дочерью, которую она хотела. Которую она заслуживала.

Стук в дверь вырвал меня из моих размышлений.

— Секунду, — ответила я.

Судя по всему, Прия услышала стук и мои слова. Она закончила разговор.

— Я буду на связи.

Звонок оборвался. За пару секунд я стерла со своего лица остатки нашего разговора, а затем открыла дверь и увидела стоящего за ней Боди. На его беззаботном лице застыло серьезное выражение.

— Появились новости, — произнесла я.

Боди фыркнул, как он делал каждый раз, когда мои предположения оказывались правдивы.

— Да, котёнок, появились новости.

Я подумала о том, что пыталась сделать Айви. О том, что мне было от неё нужно.

— Хорошие или плохие?

— Смотря у кого спросить, — сказал мне Боди. — Мне только что позвонила Айви. Ей звонила Джорджия Нолан.

Первая Леди. Мой мозг попытался собрать из этого осколка информации единое целое. Боди опередил меня.

— Президент Нолан только что очнулся.

ГЛАВА 58

Три минуты. Через три минуты кто-то умрёт.

То, что президент Нолан очнулся, было хорошей новостью. Но ещё это было и плохой новостью, потому что у президента Nolana не было дочери, которая училась в Хардвике. У него не было личных причин вести переговоры с «Senza Nome», особенно учитывая то, что они требовали освободить террористку, мишенью которой стал его сын. Террористку, по его мнению, носившую под сердцем его внуку.

Две минуты.

Я ничего не слышала от Прии с тех пор, как она повесила трубку. А вот Айви связалась со мной и сказала, что у неё был план.

Я глядела на часы на моём телефоне и надеялась, что он зазвонит. Что кто-то скажет мне, что ситуация была под контролем.

Минута.

Часы уставились на меня в ответ, напоминая мне о данном мной обещании. *Каждый час я буду приставлять пистолет к голове одного из твоих одноклассников. И, Тэсс? Я с удовольствием нажму на курок.*

Телефон зазвонил. Я подняла трубку.

— Прия?

— Нет, — мой желудок извернулся, стоило миссис Перкинс произнести одно единственное слово.

Я должна была убедить её, что мне нужно было больше времени.

— Президент очнулся... — начала я.

— Ещё одна причина поспешить, — ответила террористка. — Как только врач Nolana решит, что он физически и психологически готов вернуться к правлению, правила игры изменяться — и не в твою пользу.

Но и не в вашу, — подумала я.

— Я жду, — выпалила я, прежде чем она успела снова меня перебить. — Я сделала всё, что вы просили. Айви, Кейс, Прия Бхарани — все делают то, что вы попросили.

— И я это ценю, — ответила миссис Перкинс. В её голосе слышался странный тон, гул энергии, врезающийся в меня, словно скрежет ногтей по классной доске. — Но важно, чтобы ты понимала, — продолжила она, — что я из тех, кто держит слово.

Нет. Мне не удалось выдать это слово. Когда у меня наконец получилось, на другом конце провода никого не оказалось.

Она повесила трубку.

Я крепче сжала телефон и ударила рукой о стену.

Моё время вышло.

Я закрыла глаза. Они горели под моими веками. Дрожа, я заставила себя вдохнуть и выдохнуть.

Мой телефон завибрировал.

Я заставила себя открыть глаза и посмотреть на экран. Всё моё тело дрожало, каждый

вздох обжигал мои лёгкие. Я открыла полученное сообщение.

Видео.

У меня пересохло во рту. Я чувствовала моё сердцебиение в кончиках моих пальцев. Дрожащей рукой я включила видео.

— Опустите меня!

Две пары рук заставили сопротивляющегося парня на колени. Когда я видела его в последний раз, Мэтт Беннинг излучал спокойную силу. Осторожный. Сдержанный. Защитник.

Теперь никто не мог защитить Мэтта.

— Я сделаю всё, что вы скажете, — пообещал он. Его от природы негромкий голос повысился до визга, который было больно слушать.

— Передай привет Тэсс, — сказал кто-то за кадром. Женский голос. Две пары рук, сжимающие Мэтта принадлежали мужчинам.

— Привет, Тэсс.

Он рыдал. Часть его думала, что, если он сделает то, что они скажут, они отпустят его. Другая часть знала правду.

— Скажи ей помочь тебе, — приказала миссис Перкинс за кадром.

Мэтт сглотнул. Его кадык дёрнулся. Он перестал сопротивляться и замер.

— Помоги мне.

Теперь его голос был тише. Он звучал, как парень, с которым я говорила на вечеринке. Парень, который не вмешивался.

— Ещё раз, — шагая в кадр, сказала миссис Перкинс. Она опустилась на колени рядом с Мэттом и прижала к его голове пистолет.

— Помоги мне! Тэсс...

Как только он произнёс моё имя, миссис Перкинс нажала на курок. Пистолет выстрелил. Ещё несколько секунд охранники держали тело Мэтта, а затем они отпустили его. У меня на глазах оно упало на пол.

Не Мэтт. Больше нет.

Миссис Перкинс обратилась к камере.

— У тебя есть час.

Видео оборвалось. Я уронила телефон. Он с грохотом упал на пол, а я замерла на месте. Я не могла пошевелиться.

Помоги мне.

Мой желудок взбунтовался, и я бросилась к мусорному ведру.

Помоги мне, Тэсс...

Меня стошнило. Меня продолжало тошнить до тех пор, пока мой желудок не опустел. Всё моё тело содрогалось. Рядом со мной, на полу, зазвонил мой телефон.

Возьми трубку. Моему мозгу удалось сформировать слова. Подними его. Они хотят узнать, посмотрела ли ты. Если ты не ответишь, они...

Каким-то образом моей руке удалось нащупать телефон. Каким-то образом мне удалось ответить.

— Вы — чудовище.

— Тэсс, — на каком-то уровне я осознавала, что голос не принадлежал миссис Перкинс, но я не могла остановиться.

— Я убью вас, — мой голос был также пуст, как и мой желудок. — Я найду способ и

Я...

— Тэсс, — резко повторила Прия.

Помоги мне. Тэсс...

Моё тело содрогнулась, но мой желудок был пуст. Я не плакала.

— Нам нужно действовать, — сказала я Прии.

Пятьдесят девять минут. Пятьдесят восемь. Отсчёт начался сначала.

— Когда я сказала, что ты не обязана это делать, я не шутила, — я почти не уловила слова Прии.

— Мы это уже проходили, — ответила я. — Я обязана, и я это сделаю. Вы тратите время, которого у нас нет.

Повисла пауза. Тётя Вивви явно задавалась вопросом — могла ли она так поступить? Позволить мне это сделать?

— Я снаружи, — слова Прии ответили нам обеим. — Если ты сможешь выбраться из дома незамеченной, я могу организовать тебе встречу с Даниэлой.

Я поднялась на ноги, повесила трубку и утерла рот рукой.

Для Мэтта было слишком поздно — но не для остальных учеников моей школы.

Помоги мне.

Я помогу им. И, если мне придётся умереть, попытаюсь, пусть будет так.

ГЛАВА 59

Я не знала, как Прия нашла место, где держали Даниэлу Николае. Не знала, о каких услугах ей пришлось просить или кого ей пришлось убить — возможно, буквально — чтобы мы попали внутрь. Каким-то образом нам удалось пройти сканирование отпечатков пальцев и радужной оболочки глаз. Когда мы прибыли на место, вооруженные охранники отошли от двери.

В камере сидела невысокая женщина. Её руки заботливо покоились на её выпуклом животе. Её темные волосы были слабыми и безжизненными. Они обрамляли её лицо, словно тень.

Не поворачивая головы, она перевела взгляд на Прию.

— Я тебя ждала, — хрипло произнесла она. — Но, признаюсь, я удивлена увидеть девочку.

Даниэла Николае — женщина, проникнувшая в жизнь Уолкера Нолана самыми интимными способами — осталась сидеть на скамейке. Она не повела взглядом, когда Прия шагнула к ней.

— Твои люди захватили школу Хардвика.

Даниэла подняла голову, словно слова Прии ударили её с физической силой.

— Они дали нам ультиматум, — продолжила Прия. — Либо мы передадим им тебя, либо они начнут убивать учеников.

Они уже начали, — подумала я. Я не могла выбросить из головы лицо Мэтта в его последние секунды.

Левая рука Даниэлы опустилась на её живот. В этом жесте читался смысл: теперь она думала не только о себе, но и о ребенке.

К лучшему это или нет...

Я должна была узнать.

— Можете дать нам минутку? — спросила я у Прии.

Тётя Вивви и террористка посмотрели на меня.

— Мне сказали, что я должна поговорить с Даниэлой одна, — сказала я.

С каждой секундой я всё больше осознавала, что я не должна была здесь находиться. Что бы ни сделала Прия, стоило кому-то узнать, что мы здесь, и мы можем оказаться запертыми в такой же тюрьме.

Двадцать семь минут. У нас не было времени на сложности, мы не могли попасться.

— Ты не можешь вытащить меня отсюда, да? — Даниэла продолжила изучать Прию. — Если бы ты могла, мы бы уже уехали.

Тётя Вивви взглянула на неё.

— Ты не выйдешь отсюда без распоряжения президента, — тон Прии ничем не выдавал то, под каким давлением мы находились. Но я думала о том, что произойдёт, если распоряжение не будет дано.

Двадцать шесть минут.

— Я должна поговорить с Даниэлой одна, — повторила я. Я должна была поверить, что у Айви получится. Она организует освобождение Даниэлы. Она должна. Но прежде чем это произойдёт, прежде чем Даниэла выйдет из этой комнаты, я должна была передать послание террористов.

И своё.

— Пусть девочка передаст сообщение, — сказала Прие Даниэла. — Я не причиню ей вреда.

Прия не пошевелилась.

Я одарила её взглядом.

— Она беременна, — сказала я. — Уверенна, что я смогу с ней справиться.

Прия фыркнула.

— Уверенна, что это не так.

Тем не менее, окинув Даниэлу ещё одним оценивающим взглядом, Прия обернулась и сказала нам, что она будет ждать за дверью. Эти слова явно должны были прозвучать, как угроза.

Я подождала, пока за Прией закроется дверь, думая о том, что я собиралась сказать — и о том, стоило ли это говорить.

— Уолкер Нолан — не сын президента.

Скорее всего, эти слова — как и все следующие — ничего не будут для неё значить. Скорее всего, то, что я скажу, никак на неё не повлияет.

— У Джорджии Нолан был роман, — продолжила я, — с женщиной по имени Уильям Кейс.

Плевать, что, скорее всего, это не сработает. Я должна была рискнуть и поверить в то, что Уолкер Нолан был не безразличен сидящей передо мной женщине.

— Тебя попросили мне это передать? — спросила Даниэла, поднимая бровь.

— Нет, — сказала я. — Не это. Я говорю это не ради них, а ради меня. Уолкер не знает. Как и президент.

— Но ты знаешь? — в голосе Даниэлы звучал вызов.

— Мой отец умер ещё до моего рождения. Его звали Томми Кейс, — я шагнула вперед. — Он был братом Уолкера.

Даниэла молчала. Я сделала ещё несколько шагов вперед. После долгой паузы я

повернулась и села рядом с ней на скамью. Она внимательно наблюдала за моими движениями. Я уставилась прямо перед собой — на стену, на которую Даниэла наверняка глядела много дней.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — наконец, спросила Даниэла, нарушая тяжелую тишину. — Чего ты добиваешься?

Я не стала к ней оборачиваться.

— Меня зовут Тэсс.

Она не спрашивала. Наверное, она не хотела знать.

— Мою мать зовут Айви. У неё нет ни братьев, ни сестер. А у Адама, другого брата Уолкера, нет детей, — я не запнулась, назвав Айви своей матерью. Слишком много стояло на кону. — Ваша дочь, — медленно поднося руку к животу Даниэлы, произнесла я. — Мы одной крови.

Мы семья.

Я хотела, чтобы она увидела это во мне, хотя бы на миг.

— И, если ты не врешь, и вы с моей дочерью одной крови, то кем это делает меня? — спросила Даниэла.

Террористкой. Преступницей.

— Женщиной, которая хочет защитить свою дочь, — мой тихий голос прорезал воздух, словно нож. — Надеюсь, вы можете поверить, что я тоже этого хочу.

Даниэла уставилась на мою руку на своём животе. Она смотрела туда, пока я не убрала её.

Я хотела, чтобы она мне доверилась. Хотела, чтобы она хотя бы попыталась убедить меня довериться ей.

Девятнадцать минут.

В глубине души я знала, что мы не успеем вернуться в Хардвик до истечения часа. Я знала, что произойдёт, если мы этого не сделаем.

Перестань, — сказала я себе. Я должна была верить, что у Айви получится и Даниэлу выпустят. Если я смогу заставить себя поверить в это, то мне нужно было знать, что произойдёт после.

А для этого мне нужен было кто-то, кто знал, как работали «Senza Nome». Мне нужно было, чтобы Даниэла была на моей стороне.

— Ты сказала, что у тебя есть для меня послание, — ровно произнесла Даниэла. Я понятия не имела о том, поверила ли она истории о родителях Уолкера, и было ли ей плевать. Я не знала, видела ли она во мне хоть намек на него. — Для тебя будет лучше, — тем же неумолимым, ровным тоном произнесла Даниэла, — его передать.

Что, если люди, которые допрашивали её, ошибались? — подумала я. По моей спине пробежал холодок. — *Что, если Даниэла не поддавалась эмоциям? Что, если она была одной из них во всех смыслах? Что, если они не собирались заставить её замолчать?*

Впервые я по-настоящему осознала, что эта женщина была членом «Senza Nome». Как миссис Перкинс. Как Доктор Кларк.

— Хотите сообщение? — спросила я. — Голубка всегда хотела полететь в Мадрид.

Я увидела, как женщина осознала смысл этих слов.

Голубка всегда хотела полететь в Мадрид. Что это значило? Что это могло значить?

Даниэла поднялась на ноги. Я осталась сидеть, наблюдая за её движениями. Она обернулась ко мне, и я посмотрела ей в глаза.

— Ты молчаливая, — наконец сказала Даниэла, после минуты тишины.

Я пожалала плечами. Мышцы моих ног были напряжены. Я была готова вскочить на ноги в любой момент.

— Я сказала вам всё, ради чего пришла.

Женщина едва заметно улыбнулась. Я не знала, стоит мне радоваться этому или бояться.

— Если бы я попросила тебя, — с ритмичным акцентом произнесла Даниэла, — ты бы сказала мне, о чём ещё тебя попросили мои люди? Их требования? Кроме послания для меня.

Я не знала, было ли это проверкой, трюком или просто вопросом. Но я была здесь, а она спрашивала. Если всё пойдёт по плану, Прия доставит нас обеих к воротам Хардвика. Мне придется рискнуть и быть честной.

— Они хотят получить вас, Прию и меня, — это было только началом их требований. Я коротко пересказала ей остальные. Даниэла молча выслушала их. Одна её рука покоилась у неё на спине, пока она усваивала мои слова.

— Я могу спросить, кто отдавал тебе приказы? — спросила Даниэла, когда я закончила.

Я рассказала ей о миссис Перкинс. О вооруженных мужчинах в коридорах. Я показала ей видео, которое мне прислала миссис Перкинс. Я не смотрела его. Не могла. Но даже когда я отвернулась, я всё ещё слышала. Я закрыла глаза и оттолкнула воспоминания.

Помоги мне!

Я опустила голову, приобнимая себя руками.

Даниэла досмотрела видео до конца. Когда она подняла глаза, в них не было слёз, но я разглядела в них эмоции.

Чувство вины? Скорбь? Ярость?

— Почему ты? — всё также спокойно спросила у меня Даниэла, шагая в дальний угол комнаты. — Почему они отпустили тебя? Почему отправили тебе видео? Почему они прислали тебя сюда?

Я дала ей единственный ответ, который у меня был.

— Я — изобретательная девушка, и у меня есть связи с очень влиятельными людьми.

Даниэла посмотрела на меня так, словно я была часами, а она — часовым мастером, готовящимся разобрать меня на части.

— Тебе не всё равно.

Так и есть. Почему-то я не могла произнести это вслух.

— Уолкеру тоже не всё равно, — Даниэла склонила голову на бок, позволяя своим волосам упасть ей на лицо. — Он всегда слишком сильно заботится о людях.

О тебе, — подумала я. — *Он слишком сильно заботился о тебе.*

Я ждала этого момента — мой единственный шанс.

— Я бы умерла, чтобы защитить тех, кого люблю, — сказала я. Я опустила взгляд к её животу и задала вопрос. — А вы?

Даниэла медленно подошла ко мне.

— Конгрессмена Уилкокса убили под арестом, — сказала ей я. — Он был помехой, — террористка остановилась прямо передо мной. — А вы? — спросила у неё я. — Вы — помеха для «Senza Nome»?

Когда правительство отдаст вас, что сделают террористы? С вами? С вашим ребенком?

Вы верны им?

А они вам?

Я так и не задала этих вопросов вслух.

— Помеха? — после долгой паузы повторила Даниэла. — Для людей, с которыми ты имела дело, я скорее забота.

Она знает, что она угроза, — подумала я. — *И она знает, как они поступают с угрозами.*

Когда-то Даниэла Николае по-настоящему верила в идеи «Senza Nome». Но сейчас, в этой камере, она искала способ контролировать собственных людей, ведь она была ещё и матерью.

Я знала — от Айви — насколько сильной могла быть подобная мотивация.

— Сообщение, которое ты мне передала: «Голубка всегда хотела полететь в Мадрид». Это приказ убить женщину, которая привела тебя сюда, — Даниэла Николае стояла рядом со мной. — Прия Бхарани. Она — голубка.

Я поднялась на ноги, пытаюсь осмыслить эти слова.

— А Мадрид? — спросила я. Мой язык напоминал наждачную бумагу.

— У меня есть знакомые, — ответила Даниэла, — которые бывали в Мадриде. Я знаю, что они имеют в виду.

— Убийство, — произнесла я.

— Казнь, — поправила она. — Они не просто хотят смерти голубки. Они хотят, чтобы это произошло внезапно и на публике. И чтобы это сделала я.

Прие приказали сдать, привезти Даниэлу и меня. Она почти наверняка знала, что ей придется пожертвовать своей жизнью.

— Когда мы вернёмся в Хардвик, — сказала я, пытаюсь осмыслить реальность происходящего. — Когда мы зайдём туда...

— Я должна буду сделать из неё пример.

— На глазах у ФБР и штурмовой группы?

Даниэла коротко кивнула.

— Разве они вас не застрелят? — спросила я.

Даниэла посмотрела на меня с выражением, граничащим между беспристрастием и жалостью.

Тогда я осознала.

— Они не застрелят вас, если у вас буду я.

Я видела, как бы всё прошло, если бы Даниэла не рассказала мне о значении послания. Я бы ждала нападения, но не ожидала бы, что нападёт она. *Как не ожидала бы и Прия,* — подумала я.

Голубка всегда хотела полететь в Мадрид.

— Зачем вы мне это рассказываете? — спросила я у женщины, которую любил Уолкер Нолан. У террористки, которую он никогда по-настоящему не знал.

— Ты рассказала мне правду, — ответила Даниэла Николае. — Ты хотела, чтобы я тебе доверилась. Ты говоришь, что мы, в каком-то смысле, семья, — эта мысль повисла в воздухе. — Мои люди — организация, на которую я работаю — они были моей семьей. Меня учили — ещё с колыбели — защищать свою семью, — она опустила руку на свой живот. — Я бы умерла ради них. Но я не позволю, чтобы ради них умерла моя дочь.

В коридоре послышались шаги, а затем — крик.

— У вас есть план? — спросила я у Даниэлы.

Она снова улыбнулась всё той же проницательной, жутковатой улыбкой.

— А у тебя?

ГЛАВА 60

Через две минуты дверь камеры распахнулась.

Прия шагнула внутрь и закрыла за собой дверь.

— У нас гости, — сказала она. — Тэсс, нам с тобой нужно уходить. Сейчас же.

— Что за гости? — спросила я.

Прия схватила меня за руку, и потянула меня прочь из камеры. По пути она взглянула на Даниэлу.

— Ты останешься здесь.

Я знала, что вытащить Даниэлу должна была не я, и не Прия. Но после этих пятнадцати минут — особенно двух последних — я не хотела бросать Даниэлу и надеяться на то, что всё пойдёт по плану.

Нам нужна Даниэла. Без неё, у нас нет шансов.

— Держись позади меня, — мягко произнесла Прия, направляя меня по коридору. — И делай всё, что я скажу.

Двое охранников, которые были здесь, когда мы приехали, всё ещё были у двери. Но к ним присоединился третий, и все они лежали на полу. Без сознания.

Что произошло? — я проглотила слова, внезапно осознав, что я не хотела рисковать и шуметь.

Прия заметила выражение моего лица и мельком взглянула на мужчин. В её взгляде читалось: «не спрашивай».

Быстро шагая, мы свернули за угол и продолжили идти, пока из-за угла не появилась группа мужчин. Она зашагала к нам.

Плохо.

Мужчин было четверо. Трое из них были вооружены.

Очень плохо.

— Опустить голову и не останавливайся, — прошептала Прия. Она замедлила шаг, и я последовала её примеру.

— Ты! — произнёс кто-то слева от меня.

Прия напряглась, готовясь броситься в действие.

— Тэсс.

Моё имя заставило Прию остановиться, и я впервые перевела взгляд с пистолетов мужчин на их лица. Трое из них походило на охрану. А четвертым был вице-президент Соединенных Штатов.

Где его телохранители?

— Тэсс, правильно? — спросил вице-президент. Рука одного из мужчин замерла над пистолетом.

— Да, — ответила я, поворачиваясь к вице-президенту. — Правильно.

— Мне сказали, что ты видела мою дочь. Ты видела Анну, — вице-президент не стал говорить о том, что я здесь делала. Кажется, он был не способен чувствовать удивление или подозрение — или что-нибудь кроме смеси печали и страха. — Она в порядке?

— Она кричала, — не сдержав воспоминание, выпалила я. — Я видела, как они вырубili её, но они не пытались её ранить. Она нужна им невредимой.

Она нужна была им, чтобы добраться до вас.

— Ненадолго, — выдавил вице-президент.

Тогда я осознала, почему он был здесь.

Он обернулся к Прие.

— Я вас не видел, — сухо произнёс он.

— Как и мы — вас, — ответила Прия. Она быстро зашагала по коридору. Через миг я последовала за ней.

Он здесь ради Даниэлы, — подумала я. — Как и мы.

Разница лишь в том, что у вице-президента — исполняющего обязанности президента — были полномочия её отпустить.

Мы с Прией выбрались на поверхность. Почему-то я не удивилась, когда увидела снаружи Айви. За ней стоял Адам.

Они были очень удивлены увидеть меня.

— Что... — начала Айви, но затем она передумала. Вместо того чтобы спросить у меня, что я здесь делала, она обернулась к Прие. Выражение её лица обещало катастрофические последствия.

— У неё было сообщение, — сказала Айви Прия. — Для заключенной. Уверю вас...

— Уверю вас, — парировал Адам, шагая вперед, — что вы не хотите заканчивать это предложение.

Адам с Айви были не рады, когда Прия использовала меня, чтобы передать им сообщение. А теперь она привезла меня к террористке? Оставила меня с ней в комнате?

Это закончится плохо.

— У неё не было выбора, — я попыталась привлечь внимание Адама и Айви. — Как и у меня.

У них Вивви.

Я хотела, чтобы Айви вспомнила об этом, а Адам подумал о том, что бы сделала Айви, если бы у террористов была я.

— Уведи отсюда Тэсс, — коротко сказала Айви Адаму.

— Всё сделано? — спросила я, делая шаг назад, прежде чем Адам успел подойти ко мне. — Даниэла? Файлы? Иностранцы заключенные?

Всё, о чём просили «Senza Nome» — всё сделано?

Айви подняла флешку.

— Мои файлы, — сказала она.

Та версия, которую она могла отдать «Senza Nome».

Она слегка склонила голову.

— Всё сделано.

За нами открылась дверь. Мы четверо обернулись. Даниэла Николае шагнула на улицу. Её руки были скованы наручниками, а по обе стороны от неё стояли вооруженные охранники.

— Президент Нолан вернется к присяге меньше, чем через час, — сказал Айви один из охранников. — Вам нужно идти.

Прия выслушала эти указания и шагнула вперед, чтобы забрать у Айви флешку.

— Я получила свой ультиматум, — спокойно произнесла она. — Я должна доставить их

требования. Я пойду туда.

— Ты не вернешься, — сказала Прие Айви. Прия промолчала, показывая, что она слышала в словах Айви правду и неизбежность.

С каменным лицом Айви кивнула охранникам. Они передали Даниэлу Николае Прие. Через несколько секунд охранники ушли.

Их здесь никогда не было. Как и вице-президента Хейдена. Этот обмен не происходил.

— Пойдём, Тэсс, — шагая ко мне, спросил Адам.

Я сглотнула.

— Я не могу.

Айви поняла раньше, чем Адам. Она всегда была на три шага впереди.

— Нет, — яростно произнесла она. — Тэсси. Тереза. Нет...

Мелькнуло движение. Айви упала. Адам поймал её за миг до того, как она коснулась земли. Над ними стояла Прия. Она отравила Айви в отключку, а теперь в её руке появился пистолет.

— Мне жаль, — сказала она Адаму. — Правда. Но Тэсс пойдёт со мной.

Адам опустил Айви на землю. Он поднялся на ноги. Прия выстрелила в сторону, в качестве предупреждения.

— Тэсс, — сказал мне Адам. Он проигнорировал Прию и её пистолет. — Подойди ко мне.

Моё горло сжалось.

— Я не могу.

Теперь Адам увидел то, что Айви увидела мгновенно: Прия не собиралась забирать меня против моей воли. Он увидел, что я с самого начала знала, чем всё кончится.

— Прости, — сказала я Адаму. — Если бы был другой выход... — я отрывисто дышала. — Я бы хотела, чтобы он был, Адам, но я не могу просто отойти в сторону и смотреть, как умирают люди. Скажи Айви...

— Тэсс...

Я перебила его возражение.

— Скажи Айви, что я прощаю её. За то, что она бросила меня в Монтане. За то, что она мне врала. За всё. Скажи, что мне жаль. Что я должна была это сделать. Ладно? Скажи ей...

Я люблю её.

Он слышал это в моём голосе. Все они. Я уставилась на Айви, ничком лежавшую на земле. Её лицо выглядело умиротворённым.

— Скажи ей, — произнесла я, — что я — дочь своей матери.

Я кивнула Прие, и она шагнула вперед. Её пистолет всё ещё был направлен на Адама. Я развернулась, чтобы уйти, и услышала, как Адам шагнул вперед.

— Ты не станешь в меня стрелять, — сказал он Прие.

Через секунду я услышала, как его тело упало на землю.

Я обернулась. *Я не слышала выстрела,* — лихорадочно сказала себе я. Прия не стреляла в него. Над Адамом стояла Даниэла. Её руки всё ещё сковывали наручники.

— Он был прав, — сказала она Прие. — Ты бы в него не выстрелила.

Как она...

Прия перевела свой пистолет на Даниэлу, и я вспомнила, как тётя Вивви сказала, что Даниэла Николае могла справиться со мной, даже будучи беременной.

— Он будет в порядке, — сказала Даниэла, переступая тело Адама. — Мы сделаем это,

или нет?

В этот момент я попыталась не думать о том, что Прия не до конца знала о том, что произойдёт.

Голубка. Мадрид.

Я не могла позволить себе думать об этом. Не могла думать о плане — моём плане.

Прия опустила пистолет, не сводя глаз с Даниэлы.

— Пойдёмте.

ГЛАВА 61

— Я не позволю несовершеннолетней девушке снова рисковать своей жизнью, — теперь нас должна была пропустить в школу женщина-агент, встретившая меня, когда меня отпустили.

Мы доехали до Хардвика за двадцать три минуты. Ещё двенадцать ушло на то, чтобы организовать эту встречу. Чувствуя, как меня душат подсчёты, я опустила на стол свой телефон.

— У вас нет выбора.

По пути сюда я получила ещё одно сообщение. Ещё одно видео. Агент ФБР включила его. Я уже видела видео, но заставила себя посмотреть его снова. На этот раз девушка. Выпускница. Я не помнила её имени, но знала, что она подала документы в Принстон.

Теперь она уже не пойдёт в колледж.

— Дайте им то, чего они хотят, — сказала я агенту, — и мы сможем это закончить.

Она отвела взгляд — от меня и от телефона.

— Министерство внутренней безопасности это одобрило, — сказал ей один из её коллег. В данном случае «этим» называли передачу террористам Даниэлы Николае, а не меня. — Ходят слухи, что приказ поступил сверху.

Скоро этот приказ потеряет силу. Скоро террористы снова кого-то убьют.

Как только президент вернется на свой пост, как только он узнает, что сделал вице-президент... У нас было мало времени, и мы продолжали его тратить.

— Это мой выбор, — сказала я участникам переговоров. — Это хотя бы выиграет для нас время. И они мне не навредят. Не сразу.

Мы не можем стоять здесь и обсуждать это. Нам нужно действовать.

— Нам дозвонилась опекунша девочки, — кто-то протянул женщине из ФБР телефон. Стоило им упомянуть Айви, я пришла в движение. На этот раз ФБР не обыскало меня и поисках оружия.

И это было ошибкой.

Прия отказалась давать мне пистолет, но она не оставила меня беззащитной. По пути сюда мы успели обсудить то, как всё пройдёт. Прежде чем мы вышли из машины, она дала мне нож.

— Положите телефон, — сказала я. Агентам понадобилось короткое мгновение, чтобы осознать, что я держала нож. За этот миг я успела направить его на собственное горло.

— Положите телефон, — повторила я.

— Тэсс, — люди, профессионально ведущие переговоры, умели звучать разумно.

Я прижала кончик ножа к собственной шее и почувствовала острую боль. По моей ключице засочилась кровь.

Они опустили телефон.

— У вас есть выбор, — сказала я, делая шаг назад. — Либо вы впустите нас с Прией и Даниэлой, рискуя тем, что внутри со мной что-нибудь случится, либо, клянусь всем святым, со мной кое-что случится здесь и сейчас.

Возможно, им удастся отобрать у меня нож, но я успею причинить себе немало вреда.

— Я блефую? — спросила я у женщины-агента.

Она взглянула на мою позу и выражение моего лица.

— Нет.

Я чувствовала, что они хотели пропустить меня в школу. Они хотели выиграть время.

Мне просто нужно было дать им оправдание.

Когда мы с Прией и Даниэлой Николае зашли в ворота Хардвика, я едва разглядела силуэты снайперов на крыше. За нашими спинами выстроились в линию штурмовая группа и агенты ФБР.

Один неверный шаг и всё будет кончено.

Шаг за шагом мы отдалялись от безопасного мира снаружи и приближались к главному зданию школы — к вооруженным мужчинам, миссис Перкинс и телам в коридорах Хардвика.

Когда мы прошли две третьих пути, Даниэла заговорила:

— Можешь опустить нож.

Я так долго сжимала нож, что какой-то миг моя рука не хотела двигаться.

Ближе ко входу в Хардвик. Ближе.

Дрожащей рукой я опустила нож.

— Брось его, — негромко сказала мне Прия, когда мы подошли к главному зданию. Я проследила за её взглядом и увидела на своей груди красную точку.

Снайперы.

Я бросила нож. Он со стуком упал на тротуар. Несколько секунд звук эхом отдавался вокруг нас. Мир замер. Тишина.

А затем Даниэла Николае нагнулась, чтобы поднять нож.

Голубка. Мадрид...

В один миг Даниэла схватила Прию со спины, прижимая нож к её горлу. Даниэла повернулась лицом к штурмовой группе, ко всему миру.

— Меня зовут Даниэла Николае, — четко и громко выкрикнула она. — И мы больше не станем ждать.

Нож скользнул по горлу Прии. В один миг тётя Вивви стояла рядом со мной, а через секунду Даниэла оттолкнула её тело в сторону и схватила меня. Она поднесла нож к моему горлу.

— Дыши, — пробормотала мне в затылок Даниэла. Используя моё тело в качестве щита, она отошла от поднятых пистолетов штурмовой группы и от лежавшей на земле Прии.

Голубка всегда хотела полететь в Мадрид.

Я сделала то, что сказала Даниэла Николае. Я заставила себя вдохнуть и выдохнуть. Но мои глаза и мои мысли пеленой застилала кровь.

Я знала наш план. Вот, что я говорила себе, когда Даниэла затянула меня в Хардвик. Я знала, что, чтобы мы сделали то, что должны были, террористы должны были увидеть, как Даниэла исполняет приказ.

Они должны были увидеть, как она убивает тётю Вивви.

— Мисс Кендрик, — миссис Перкинс поприветствовала меня, когда мы шагнули в здание. — Так приятно снова вас видеть.

Вооруженный мужчина впечатал меня в стену. Моё лицо прижималось к стене, а сердце грохотало в груди, пока я старалась игнорировать чужие руки, ощупывающие моё тело в поисках оружия дольше, чем следовало бы.

— Всё чисто, — произнёс мужчина, делая шаг назад. Я медленно обернулась к ним. Напротив меня миссис Перкинс забрала у Даниэлы нож.

— Я возьму это, — сказала она.

С ножа всё ещё капала кровь.

Сжимая нож кончиками пальцев, миссис Перкинс провела нас по коридору и вверх по лестнице. Один из охранников прижал к моей спине дуло своей винтовки. Когда мы оказались в коридоре на третьем этаже, я увидела у стены три тела.

Директор и два ученика.

— Мы — не такие, — негромко произнесла Даниэла, глядя на тела.

Миссис Перкинс открыла дверь компьютерной лаборатории.

— Ты — такая, — беззаботно сказала она Даниэле. — И всегда будешь именно такой в глазах всего мира, благодаря твоему маленькому представлению перед школой.

Вот, в чём был смысл, — подумала я. Как и создатель королей, миссис Перкинс играла в долгую игру. *Стратегия. Бережно выстроенный план.*

Она не считает Даниэлу предательницей. Она считает её конкуренткой.

— А теперь, — сказала миссис Перкинс, переводя взгляд на меня. — Давайте посмотрим, что сделал наш маленький фиксер?

Моё тело переполняли волнение и адреналин. Я постаралась проигнорировать их и осмотрела людей в комнате. Перед одним из компьютеров сидела Доктор Кларк. Охранников было четверо, включая тех, которые привели нас сюда. И между двумя из них стоял Генри.

Не смотри на него. Не встречайся с ним глазами. Не чувствуй на себе его взгляд.

Вместо этого я сосредоточилась на миссис Перкинс и Докторе Кларк.

— Денежный перевод прошел, — сказала миссис Перкинс Доктору Кларку. — Двадцать миллионов, невозможно отследить.

Я выдохнула. Уильям Кейс был человеком слова.

— Поздравляю, джентльмены, — сказала миссис Перкинс охранникам. — Вам заплатят.

Наёмники. Моя грудная клетка сжалась. *Работающие за плату.* Как я и надеялась. Внешне я не могла никак выдавать свою реакцию на это подтверждение.

— Что насчёт Айви Кендрик? — спросила у меня миссис Перкинс. — Самый знаменитый фиксер в Вашингтоне оправдал наши ожидания?

— Она сделала так, чтобы вашу заключенную отпустили, — ответила я, мельком взглянув на Даниэлу. — Разве нет?

Миссис Перкинс негромко цыкнула.

— Не стоит переходить к агрессивному тону, Тэсс. Мы здесь все друзья, — она шагнула

вперед и провела плоскостью ножа по моей шее. — А теперь скажи мне, Айви случайно не прислала нам ещё что-нибудь?

Я кивнула, насколько это было возможно с ножом у горла.

— Восхитительно, — заявила миссис Перкинс, отступая назад. На противоположной стороне комнаты Генри уставился на неё, сжимая зубы.

Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — резко произнёс он, когда его тело замерло меньше чем в миллиметре от моего.

— Думаю, вы ищете вот это, — произнесла Даниэла, поднимая флешку, которую она забрала у Прии. В её голосе не было и капли напряжения — только лёгкий намёк на вызов.

Она их не боится, — осознала я. — *Они никогда не делали ей больно.*

У нас был план. У нас с Даниэлой был план. Я доверила ей свою жизнь и жизнь Прии только потому, что верила, что у нас была одна цель.

Я думала, что она — и её ребенок — были в опасности.

Миссис Перкинс забрала у Даниэлы флешку и передала её Доктору Кларк. Моя бывшая учительница вставила её в компьютер. На экране появились числа и код программы.

Все посмотрели на меня.

— Его нужно дешифровать, — сказала Даниэла, облачаясь на ближайший стол. — Вы ждали чего-то простого?

Она на моей стороне. Она со мной. Она знает план и будет его придерживать.

— Ради твоего же блага, Тэсс, — сказала миссис Перкинс, не сводя глаз с моего лица, — надеюсь, его дешифруют быстро.

Меня оглушал звук собственного дыхания, но каким-то образом мне удалось его расслышать — едва слышный свист.

Даниэла отошла от стола. Пока миссис Перкинс была сосредоточена на ней, я бросилась бежать.

Через дверь, в коридор.

Я пробежала два, может, три фута, но кто-то прижал меня к стене. Я услышала треск. Моя челюсть. Я прикусила язык.

Один из охранников грубо схватил меня, крепко сжимая мои руки у меня за спиной и угрожая вывихнуть мне плечо. На мои глаза навернулись слёзы. Моё зрение расплывалось. Я моргнула.

В коридор шагнула миссис Перкинс. Не спеша, она сменила свой нож на пистолет.

Мои глаза нашли глаза Генри. Всего на миг я позволила себе притвориться, что всего этого не было. Что это просто мы с Генри. Что он — парень, которого я знала. Человек, которым он мог бы быть.

— Перестань, Кендрик. Пожалуйста.

Я услышала, как он произнёс эти слова.

Перестань бороться. Перестань рисковать. Остановись.

Я не могла. Я должна была отвлечь внимание миссис Перкинс. Ещё несколько секунд.

— Программа не работает, — сказала я. — Айви никогда не дала бы вам то, чего вы хотите. Если она что-то и отдала, то это крохотная часть того, что у неё есть.

Миссис Перкинс подняла пистолет.

— Спасибо за твою честность, Тэсс.

За секунду до того, как она нажала на курок, Генри бросился вперед. Он врезался в меня, закрывая меня собой. Защищая меня.

Защищая меня.

Я услышала выстрел и почувствовала, как тело Генри вздрогнуло от удара.

Нет, — подумала и закричала я. Вокруг меня весь мир взорвался хаосом. Я опустилась на пол вместе с Генри. В него стреляли, как и в Джона Томаса. Он истекал кровью, как Джон Томас.

Не Генри.

Предатель — изменник — друг...

Пожалуйста не Генри.

Его кровь испачкала мои руки. Мои пальцы неистово ощупывали его спину в поисках раны. Я чувствовала вес его тела на своих руках.

— Поднимайся! — крикнул мне один из охранников. — Вставай!

— Или, — произнёс кто-то у него за спиной, — ты можешь опустить своё оружие.

Прия Бхарани прижала к его затылку пистолет.

План работает, — глухо подумала я. Мы рискнули тем, что снайперы будут сосредоточены на ФБР и выходах из школы, а не на «теле» в десяти футах от двери Хардвика. Прия была хорошо тренированным агентом. Она умела двигать быстро и бесшумно.

План работает.

Это был наш план. Я должна была радоваться победе. Чувствовать облегчение.

Я чувствовала оцепенение.

Охранник опустил своё оружие. Сжимая Генри в попытках остановить кровотечение, я огляделась по сторонам.

Миссис Перкинс лежала на полу. На её виске виднелось крохотное, идеальное пулевое ранение. Работа Прии, удавшаяся благодаря тому, что я отвлекала внимание. Даниэла вывела из строя одного из охранников. Сейчас она целилась в другого.

Оставались ещё один охранник и Доктор Кларк.

Последний охранник направил свой пистолет на женщину, которую они считали убитой. Он больше не станет недооценивать Прию.

— Прежде чем ты нажмешь на курок, — спокойно сказала ему Даниэла, — учти, что к этому моменту двадцать миллионов долларов снова перевели — на один из моих счетов, — она улыбнулась. — Ты, наверное, надеялся, что тебе заплатят за эту работу?

— Вы... — Доктор Кларк не смогла произнести больше ни слова. Она перевела взгляд с Даниэлы на Прию.

— Насколько мы поняли, — сказала Доктору Кларк Прия, — ваши коллеги хотели увидеть публичное представление. Так что мы его устроили.

Нож перерезает горло Прии. Она падает на землю. Вокруг неё сочится не её кровь. На ноже не её кровь.

Это даже не кровь.

Они сказали мне, что будет несложно повернуть такую ловкость рук, если за нами наблюдают издалека.

Они сказали мне, что люди сосредоточены на угрозах, а не на телах.

Я знала план. Я сама его придумала. И всё же я была удивлена увидеть здесь Прию. Она слишком хорошо сыграла свою роль.

Кровь.

Кровь на тротуаре не принадлежала Прии — но кровь на моих руках принадлежала

Генри.

— Ты можешь помочь нам выбраться отсюда? — спросил у Даниэлы наёмник, всё ещё целясь в тётю Вивви.

— У меня есть стратегия выхода, — губы Даниэлы едва заметно изогнулись. — Придется... принести кое-какие жертвы, — сказала она. — Все наёмники вам верны?

Вы верны им всем? — вот, что на самом деле спрашивала Даниэла.

Несколько секунд наёмник смотрел на неё.

— Нет.

— Тогда, — сказала Даниэла, — возможно, то, что мне от вас нужно, не будет такой уж большой жертвой.

После недолгой тишины наёмник опустил пистолет.

— Думаю, я выражу мнение всей своей команды, — сказал он ей, — если скажу, что мы хотим, чтобы нам заплатили.

— Поздравляю, — с горящими глазами Даниэла опустила собственный пистолет. — Теперь вы официально работаете на меня.

ГЛАВА 63

Соединенные Штаты не вели переговоров с террористами. А значит, теперь, когда Даниэла захватила Хардвик, ей пришлось договариваться с кем-то другим.

— Ты в порядке? — дрожащим голосом спросила у меня Айви на другом конце телефонной линии.

— Я в порядке, — ответила я.

— Ты...

— Я в порядке.

Я услышала, как Айви вдохнула. Хоть мы и говорили по телефону, я практически видела, как она пытается взять себя в руки.

— Ты наказана до тех пор, пока тебе не исполнится сорок.

— Мы готовы принять эти условия, — ответила я, контролируя свои эмоции так же, как она контролировала свои. — Тебе нужно только предоставить транспорт.

Сидящая напротив меня Даниэла склонила голову набок, глядя на телефон, на котором я включила громкую связь.

Это не конец, Айви. Я хотела, чтобы она это поняла. Это не кончится, пока мы не придём к согласию.

Даниэла контролировала Хардвик. Она хотела прийти к мирному решению — но она не собиралась возвращаться в тюрьму. Не эта женщина организовала эту ситуацию. Не она её накалила. Но теперь она управляла происходящим, и она не освободит Хардвик, пока не поймёт, что это в её лучших интересах.

Наше сотрудничество осталось в прошлом.

— Транспорт? — после длинной паузы переспросила Айви. — За происходящим наблюдает весь мир. Это не может закончиться перемирием. Они должны сдаться.

— Ученика подстрелили, — произнесла я. Мне казалось, что я наблюдаю за тем, как я бесстрастно произношу эти слова, со стороны. — Ему нужна медицинская помощь, Айви.

На другом конце провода повисла тишина.

— Генри нужна медицинская помощь, — повторила я. Стоило мне произнести имя

Генри, мои эмоции попытались вырваться на свободу. *Прошу, Айви. Ты должна быть кудесницей. Всего один раз, сотвори чудо.* — Даниэле, — на удивление спокойно продолжила я, — нужен безопасный транспорт, чтобы выбраться из страны. Ей и небольшой группе мужчин.

— Чтобы у меня что-то получилось, — парировала Айви, — мне нужно, чтобы они сдались. Мне нужны террористы в наручниках.

Даниэла подалась вперед, складывая руки на столе.

— Возможно, — сказала она, — мы все можем получить то, чего хотим.

...

Я сидела на полу в пустом кабинете. Рядом со мной Доктор Кларк обрабатывала рану Генри.

— Не волнуйся, — на удивление спокойно, учитывая обстоятельства, сказала мне она. — Ранение в плечо редко бывает смертельным.

Он потерял много крови. Я не сказала это вслух, не могла позволить себе сказать это. Вместо этого я спросила:

— Почему?

— Если пуля не задела важную артерию...

— Нет, — с нажимом произнесла я. — Почему вы согласились сдать?

— Потому что, — мягко произнесла Доктор Кларк, — это для общего блага.

Правительство Соединенных Штатов хотело увидеть террористов в наручниках. Этот кошмар должен был получить лицо. Они должны были победить.

Миссис Перкинс была мертва. И, как только Даниэла спросила, Доктор Кларк предложила сдать. В качестве покаяния?

Нет, — подумала я, наблюдая за тем, как она спокойно обрабатывает рану Генри. — *У неё была цель.*

Даже сейчас, после всего, что случилось, Доктор Кларк делала всё во имя «Senza Nome».

Террористы сдадутся, как и хотела Айви. Миссис Перкинс в мешке для тел и Доктора Кларк в наручниках.

И две трети наёмников.

Оставшиеся мужчины — те, с кем Даниэла заключила сделку — выберутся из этого живыми и значительно обогатятся, при условии, что они помогут вывести из строя остальных. Удивительно, сколько мужчин было готово предать свой отряд, если на кону стояли двадцать миллионов долларов и обвинение в государственной измене.

Я услышала первый выстрел.

Большинство из наёмников, которых Даниэла предложила преподнести Айви на тарелочке, не хотели сдаваться. Именно поэтому Даниэла оставила двух мужчин у моей двери — и больше мужчин у дверей кабинетов.

Большие выстрелов. Движение.

Даниэла спустила снайперов с крыши. Она впустила штурмовую группу и теперь они делали свою работу.

— Она выберется? — внезапно спросила Доктор Кларк. — Даниэла?

Таким был план — и, судя по тону Доктора Кларк, она этого хотела. Только этого.

— Вы правда делаете это ради всеобщего блага? — спросила я. — Или ради неё?

— Всё чисто! — я услышала в коридоре чей-то крик.

Это был знак, что остальные наёмники — люди Даниэлы — должны были уходить.

Даниэла сбежит. А вместе с ней — несколько мужчин. Правительство получит свои мешки для трупов и свои аресты.

И никто и никогда не узнает правду.

— Не только ради неё, — Доктор Кларк молчала так долго, что я перестала ждать ответ. — Я делаю это ради мужчины, который меня завербовал. Он завербовал и тренировал нас всех.

Я впервые слышала об этом человеке. Первый намёк на руководителя «Senza Nome».

— Сегодня Даниэла доказала, — сказала Доктор Кларк. — Она достойна.

— Достойна? — мой желудок резко изогнулся. Даниэла была знакомым мне дьяволом. Она была меньшим из двух зол.

Но ещё она была террористкой.

Мои люди — организация, на которую я работаю — они были моей семьей. Когда я вспомнила слова Даниэлы, дверь распахнулась и в комнату ворвались офицеры из штурмовой группы. *Меня учили — ещё с колыбели — защищать свою семью.*

— Достойна, — повторила Доктор Кларк, когда мужчины бросили её лицом в пол. — Она его дочь.

— Здесь один раненный! — крикнула женщина, опускаясь на колени возле Генри.

— Чисто!

Нас окружали крики, но я была полностью сосредоточена на Докторе Кларк.

— Его дочь? — переспросила я.

Для людей, с которыми ты имела дело, — сказала мне Даниэла, — я скорее забота.

Доктор Кларк была прижата к полу, её руки сковали у неё за спиной. Она улыбнулась.

— Его дочь. И теперь она доказала, что достойна, — сказала она — истинная верующая, до последнего, — быть его наследницей.

ГЛАВА 64

О захвате Хардвика говорили в международных новостях. Как и о его освобождении. Всех террористов арестовали или убили.

По крайней мере, такова была официальная версия.

Весь мир считал, что Даниэла Николае была двойным агентом. Она помогла штурмовой группе пробраться в здание и вывести из строя её группировку. В процессе она и её нерождённый ребенок были убиты.

Соединенные Штаты получили свою победу. Родителям вернули их детей.

А я знала ещё одну правду, которую я не хотела знать. Ещё один секрет.

Возможно, именно тяжесть подобных секретов, а не только предусмотрительность, заставила Айви начать вести свои файлы. Она загружала свои секреты в программу. Может быть, тогда ей не приходилось носить их в себе.

— Подними руку над головой. Теперь поворачивай рукой.

Сжимая зубы, я выполнила указания врача. Я получила трещину в челюсти, головную боль и очень болезненное, хоть и не вывихнутое, плечо.

Когда всё кончилось, я это почувствовала. Всё это — боль, панику, всё, что могло пойти не так.

— Каков вердикт, доктор? Наш пациент будет жить?

Пока я размышляла, в комнату зашел Адам. Доктор прищурилась.

— Вы — её отец? — спросила она.

Айви была занята, мешая СМИ и не подпуская их к больнице — к Генри, Анне Хейден и ко мне. Если бы решение принимала она, Айви не отошла бы от меня ни на шаг.

— Дядя, — ответил врачу Адам. Я видела, что женщина собиралась сказать ему, что она будет говорить только с моими родителями или опекунами.

Я заговорила:

— Почти то же самое.

Пока доктор рассказывала Адаму о моём состоянии, на его лице не было эмоций. Но я знала его достаточно хорошо, чтобы видеть эмоции, которые он держал в себе. Томми умер, так что он был единственным, кто мог заменить мне отца.

Вскоре доктор оставила нас наедине. Адам подошел ко мне. После долгой паузы он присел рядом со мной на стол для осмотра. Он не кричал на меня. Не спросил, как я себя чувствовала. Он просто сидел там, а я подалась к нему.

Он обнял меня, и я плакала — мы оба дрожали от моих всхлипываний.

Он держал меня, держался за меня. А когда я перестала плакать и выпрямилась, утирая слёзы тыльной стороной руки, он не сказал ни слова.

— Мне жаль, что Даниэла тебя вырубил, — сказала я. Он победил меня в моей же игре спокойного молчания.

В ответ Адам поднял бровь.

— Правда?

— Не особо, — с едва заметной улыбкой, призналась я. — Но мне жаль, что это было нужно.

Адам фыркнул.

— Я слышал, ты наказана до сорока лет, — сказал он, подавляя желание самому меня отругать.

— Уверенна, Айви преувеличивала, — сказала я.

Адам поднял вторую бровь.

— Правда?

Дверь больничной палаты открылась. Я ожидала увидеть Айви или Боди, который обещал принести что-нибудь поесть, но вместо этого в комнату зашел Уильям Кейс. На нём была та же одежда, в которой я видела его в последний раз.

Его густые седые волосы растрепались. За этот день он постарел на десяток лет.

— Ты цела?

Те же слова, которые он говорил мне раньше, но на этот раз я услышала в его голосе больше эмоций, чем когда-либо. Я гадала о том, поверил ли он, как и все остальные, что Даниэла и её ребенок погибли. Учитывая всё, что я знала об этом мужчине, если он ещё не знал правду, то скоро он её узнает.

— Со мной всё будет в порядке, — сказала я. Это была правда. Почти правда.

— Если бы я не думал, что меня убьют на месте, — произнёс создатель королей, подходя ко мне, — я бы хорошенько отшлепал тебя за то, что ты вернулась в то здание.

Я не знала, считал ли Кейс, что его убьют Адам, Айви или я сама. Стоящий рядом со мной Адам нахмурился.

Я почувствовала, как на моих губах появилась ухмылка.

— Вы говорите, как моей дедушка, — сказала я. — Мой другой дедушка.

Уильяму Кейсу никогда не нравились напоминания о том, что дедушка растил и любил

меня и сделал меня тем, кем я была. Но на этот раз он воспринял это спокойно.

— Ты — ужасная девочка, — подойдя ко мне, сказал Кейс. — Безрассудная, глупая, безответственная и ужасная девочка. И я... — он посмотрел на Адама, а затем снова перевёл взгляд на меня. — Я попытаюсь быть лучшим человеком, — хрипло произнёс он. — Ради тебя.

ГЛАВА 65

Я не стала оставаться в больнице. Меня отпустили под ответственность Айви. Первым делом я спросила о Генри.

Она знала меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я не отступлю. И — судя по всему — персонал больницы знал её достаточно хорошо, чтобы не останавливать нас на пути в отделение интенсивной терапии.

Мать Генри стояла в коридоре, облокотившись на стену и прижав ко рту кулак. Моё горло и желудок сжались.

— Тэсси, — мягко произнесла Айви, но я уже бросилась бежать.

— Он... — спросила я у мамы Генри. Я не могла закончить вопрос. Памела Эбеллард-Маркетт подняла взгляд. Она не сразу осознала, что я была здесь.

Её тело вздрогнуло, когда она попыталась сдержать всхлип.

— С ним всё будет в порядке, — эти слова ломали её, хоть она и пыталась собраться. — Операция закончилась. Они говорят...

Айви подошла к нам и опустила руку на плечо матери Генри.

— Простите, — произнесла Пэм. — Я не могу разваливаться. Знаю. И с Генри всё будет в порядке. Ему понадобится физиотерапия, но он будет в порядке. Не знаю, почему я так плачу...

Она снова вздрогнула, всхлипывая.

Я знаю. Я знала, почему она плакала так, будто потеряла его. Потому что после захвата Хардвика она снова и снова переживала это. Скорбь напоминала матрешку, а эта женщина уже потеряла мужа. Она потеряла своего свекра, поддерживавшего её после первой потери. Ей дочь просыпалась по ночам с криками, боясь того, что следующими могли стать Генри или его мать.

Пэм покачала головой и выпрямилась. Она заставила себя вздохнуть, но не могла остановить слёзы. Она была одной из самых сильных женщин, которых я встречала.

И она была сломана.

Жизнь сломала её.

И всё же она держалась. Она жила дальше. Стоя там, я видела в ней столько всего от Генри. Она сделает всё, чтобы защитить своих детей. Я видела, что её пугала идея о том, что Генри нёс на себе тяжесть мира, чтобы защитить её.

— Я могу его увидеть? — спросила я.

— Тэсс, — Айви хотела сказать: *«Нет. Замолчи»*.

— Он спас меня, — сказала я Пэм. — Закрыл меня от пули.

Он предал меня.

Наверное, Пэм услышала что-то в моём голосе. Она посмотрела на Айви.

— Всё нормально, — ответила она. — Не уверена, не спит ли он, — сказала она мне. — Но ты можешь пойти.

Я проскользнула в комнату, оставляя Айви с Пэм. Я надеялась, что они смогут удержать медсестер, пока я говорила то, что должна была сказать.

Делала то, что должна была сделать.

Я остановилась у постели Генри, глядя на него. Его лицо покрывали трубки. Он открыл глаза и заметил меня, а затем он вспомнил всё, что между нами произошло.

Всё что он натворил.

— Ты использовал меня, чтобы попытаться получить файлы Айви, — негромко произнесла я. — Ты позволил им сделать себя террористом.

Генри закрыл глаза. Его лицо было напряженным. Затем он снова открыл глаза. Он заставил себя выслушать меня. Услышать меня.

— Если бы ты рассказал мне о Докторе Кларк, если бы ты рассказал всё, что знал, мы могли бы это остановить. Захват, казни — мы могли кому-то рассказать, остановить это.

Генри уставился на меня. Его зеленые глаза выглядели такими знакомыми. Слишком знакомыми. Я не хотела чувствовать то, что я чувствовала, когда он смотрел на меня.

— Я тебя не прощаю, — негромко произнесла я. — Я понимаю, как они до тебя добрались. Понимаю, почему тебе понравилось то, что они сказали тебе о четвертом заговорщике. Я знаю, что ты не хотел, чтобы это случилось, — Генри не знал, что «Senza Nome» захватит школу. Он не знал о пистолетах, охранниках и трупах. Доктор Кларк убедила его, как пыталась убедить и меня, что они были хорошими людьми. — Знаю, что ты бы исправил это, если бы мог. Знаю, что ты закрыл меня от пули, — я смотрела в его зеленые глаза. — Но я тебя не прощаю.

Судя по выражению его лица, Генри Маркетт не ждал прощения.

— Ты кое-что для меня сделаешь, — сказала ему я.

Он коротко кивнул из-под трубок.

— Дай мне слово, Генри Маркетт, — дрожащим голосом сказала я. — Что бы я ни попросила, ты это сделаешь.

Он снова кивнул, на этот раз медленнее, не отводя от меня взгляда.

Я нагнулась, поднося рот к его уху. И тогда я озвучила свою просьбу:

— Не рассказывай никому о том, что там случилось. Не признавайся.

Генри отдёрнулся, но ему было некуда бежать.

— Ты дал мне слово, — сказала я. — Я не прощаю тебя. Но ты не станешь признаваться.

Судя по выражению его лица, он собирался это сделать. Он собирался сдать правосудию.

— Твоя семья этого не заслуживает, — сказала я, думая о его матери и о его сестре, с криками просыпающейся по ночам. — Наёмники мертвы или сбежали с Даниэлой. Она поклялась мне, что ты будешь в безопасности. Ты вне игры, и «Senza Nome» больше никогда не станет с тобой контактировать, — единственное, о чем я её попросила взамен на сделку, которую я заключила с Айви. — Доктор Кларк не скажет полиции ни слова о том, как ты во всём замешан. Директор знал, но его больше нет. И Генри? Я не рассказала.

Теперь настала моя очередь закрыть глаза.

— Я не рассказала ФБР. Не рассказала Айви, — я заставила себя поднять веки. — Кто-нибудь ещё знал? Кто-нибудь из учеников?

Генри не хотел отвечать. Я ждала. Через какое-то время он выдавил одно единственное слово:

— Нет.

Нет, он никому не рассказал.

Нет, я не могу заставить его жить с этим чувством вины.

— Ты дал мне слово, — прямо сказала ему я. — Мы с тобой знаем. Но то, что мы знаем, не выйдет за пределы этой комнаты. Ни когда ты будешь давать показания. Никогда.

Генри был уязвим. Он был зол, бессилён и одинок. И «Senza Nome» нашли его.

Они рассказали ему правду, которую он должен был узнать от меня.

— Я делаю это не ради тебя, — сказала я Генри. — Я делаю это ради Ашера, Вивви, Эмили и всех в той школе, кто никогда не будет прежними, — я сжала губы. — Ради твоей мамы, Талии и себя.

Я не простила его. Но это был Генри. И на короткий миг он был моим.

— Я делаю это, — сказала я, — ради парня, которого я когда-то знала.

Парня, которому лгали. Парня, который потерял слишком многих. Парня, который хотел правосудия. Парня, который верил, что он должен защищать тех, кого он любит.

— Это будет нашим секретом, — сказала я, в последний раз касаясь его лица. — Но Генри? Между нами всё кончено.

ГЛАВА 66

Что бы я ни ожидала увидеть, выйдя из больничной палаты Генри, это явно была не Первая Леди.

Джорджия Нолан негромко разговаривала с Айви. Затем она заметила меня, пробормотала что-то Айви и попятилась, когда я подошла к ней.

— Ты в порядке? — спросила Айви.

Я кивнула. Хотела бы я, чтобы это было правдой.

Айви провела рукой по моим волосам.

— Если ты не против, — сказала она, — с тобой хочет поговорить ещё один человек.

Президент Соединённых Штатов был в сознании. Ему рассказали обо всём, что произошло, и вернули его полномочия. А ещё он всё ещё не вставал с постели. В отличие от Генри, на президенте Нолане не было трубок. Я разглядела под его волосами длинную полосу швов, пересекавшую бок его головы. Из-под его воротника виднелась умело наложенная повязка.

Плечо? Грудь? Я попыталась не думать о том, как пуля врежется в тело президента.

Попыталась не думать о Генри и о том, как он закрыл меня от выстрела.

Я заставила себя поднять взгляд к лицу президента. Его жена подошла к нему, и президент Нолан заговорил.

— Я знаю, что эта страна перед тобой в долгу, — сказал мне президент. Как для человека, который ещё недавно пребывал в коме, его голос звучал на удивление спокойно и сильно. — А ещё я знаю, что из-за моей должности, я не смогу узнать правду о том, что сегодня произошло или поблагодарить тебя, за сыгранную тобой роль.

Если бы не я, Хардвик мог бы всё ещё находиться под контролем террористов.

— Завтра вице-президент уйдёт в отставку, — произнёс президент Нолан, напоминая мне о том, что, если бы не помощь вице-президента, Даниэла Николае всё ещё находилась бы под арестом. — Он сошлётся на семейные причины. Думаю, они с Марджори захотят забрать Анну домой, в Нью-Хэмпшир.

Я достаточно долго наблюдала за политической игрой, чтобы понять истинный смысл слов президента. Вице-президент уходил в отставку не по семейным причинам и явно не по доброй воле.

Они заставили его уйти, потому что он отпустил Даниэлу.

Я вспомнила, как отец Анны вёл себя в том коридоре. Он знал. Знал, чем это кончится.

Возможно, по официальной версии, Даниэла Николае перешла на нашу сторону и погибла, работая на нашу страну, но президент почти наверняка знал правду. Он знал, что Даниэла всё ещё была частью «Senza Nome». Что она всё ещё была на свободе и была беременна. Он не признается в этом. Формально, он не мог об этом знать.

Но он знал. И учитывая то, что, по его мнению, она носила под сердцем его внучку, я гадала, занимался ли он неофициальными поисками Даниэлы Николае и её ребёнка.

— Я же не должен говорить тебе, — произнёс президент, — как важно то, чтобы ты...

— Держала рот на замке? — кажется, президент Соединённых Штатов не привык к тому, чтобы его перебивали. — Я знаю, что должна сделать, — ответила я президенту. — И я умею хранить секреты.

Кажется, именно так работала эта страна — секреты, секреты и ещё раз секреты.

— Состоится пресс-конференция, — сказал мне президент. — Я выступлю с речью о захвате Хардвика и покушении на мою жизнь, — на лице президента мелькнула тень. Возможно, он вспомнил о моменте, когда в него стреляли. Почувствовал, как пуля проникает в его грудь. — Благодаря трудам тех немногих, кому мы можем доверять, — произнёс президент, мельком взглянув в сторону Айви, — стрелявшего арестовали меньше часа назад.

Стрелявшего. Человека, который прицелился в президента и нажал на курок.

— К сожалению, — продолжил президент, — стрелявший оказал сопротивление.

Оказал сопротивление. Как только президент произнёс эти слова, волосы на моей шее встали дыбом.

— Он мёртв, — произнесла я, читая между строк.

— Нам удалось найти финансовую связь между стрелявшим и теми же людьми, которые отвечают за смерть Джона Томаса Уилкокса и захват Хардвика.

Внезапно наш разговор стал больше походить на официально заявление. То, о чём он скоро расскажет прессе. Всё что произошло — с аккуратным маленьким бантиком.

Мой желудок резко скрутило.

— Попытка убийства... за ней стояли не «Senza Nome», — сказала я. — Даниэла Доктор Кларк, миссис Перкинс... они все говорили, что их организация никак не связана с покушением на вашу жизнь.

Возможно, нападение на президента Нолана помешало одному из наших планов, но оно позволило нам осуществить другой. Я практически слышала слова мисси Перкинс. Когда я сказала ей, что «Senza Nome» взяли на себя ответственность за покушение, она ответила: «Да? Мы правда это сделали?».

— Такие люди, — с жалостью в голосе произнесла Джорджия, — такие организации — они забираются тебе в голову, Тэсс. Они говорят тебе то, в чём хотят тебя убедить.

Я это знала. Но ещё я знала, что миссис Перкинс хотела убедить меня лишь в том, что она казнит всех учеников Хардвика, одного за другим, если я не выполню её указания.

— Тэсс, милая, всё закончилось, — сказала Первая Леди, ласково опуская руку на плечо президента. Президент поморщился от боли.

— Ваше плечо, — мягко произнесла я. Как и Генри, президента подстрелили в плечо.

На челюсти президента едва заметно напрягся мускул, но он не позволил себе закрыть глаза.

— Всё в порядке, — сказал он. — Я в порядке — и благодарен за свою жизнь. Мне станет лучше, и я прослежу за тем, чтобы то же самое случилось с этой страной.

— От пули, — мягко произнесла Первая Леди, проводя рукой по швам на голове её мужа, — было меньше вреда, чем от падения.

— Судя по всему, — пошутил президент, взяв свою жену за руку, — я не настолько твердолобый, как мне казалось.

В общении этих двоих было что-то душевное. Было несложно увидеть, почему Америка влюбилась в эту пару во время выборов.

Айви опустила руку на моё плечо.

— Нам пора идти, — сказала она.

Президент Нолан перевёл взгляд на нас с Айви.

— Отдыхайте, — сказал он. — И Тэсс? На этот раз, — он улыбнулся, — постарайся не попадать в неприятности.

ГЛАВА 67

Моего тела коснулась горячая вода. Я закрыла глаза и шагнула под душ. Только этот душ отделял меня от разговора с Айви.

Я рисковала своей жизнью.

Я лгала ей.

И мы обе знали, что при нужных обстоятельствах, я бы сделала это снова.

Со временем горячая вода стала холодной. Я выключила воду и вышла из душа, заворачиваясь в полотенце. Затем я натянула слишком большую для меня футболку.

Айви ждала меня в моей комнате. Её волосы были мокрыми от душа, и я видела наше сходство. Она была одета почти точь-в-точь как я — большая футболка с эмблемой ВВС США, явно принадлежащая Адаму.

Сейчас было два часа утра. Я должна была спать. Но я могла думать лишь о том, какой была бы жизнь Айви, если бы в ней не было меня.

Айви взяла с моей тумбочки расчёску. Она села на край кровати, а я — на пол. Не произнося ни слова, она начала расчёсывать мои волосы. Пока она распутывала их, у меня перехватило дыхание.

Каждый раз, когда я закрывала глаза, я видела директора. Видела Мэтта Беннинга. Видела Генри, утопающего в трубках. Слышала последние слова Джона Томаса Уилкокса.

Я больше не могла закрыть глаза.

Я не осознавала, что Айви перестала расчёсывать мои волосы, пока она не опустилась на пол рядом со мной. Я вспомнила о том, как я плакала, прижимаясь к груди Адама. Для Айви у меня не осталось слёз. Я подтянула колени к груди и приобняла их руками. Несколько секунд спустя я осознала, что то же самое сделала и Айви.

— Адам передал тебе мои слова? — спросила у неё я.

Я просила Адама сказать Айви, что я простила её и что я сожалею о том, что должна сделать. Я просила его сказать, что я была дочерью своей матери.

— Передал, — ответила Айви мягким и неуверенным тоном — в точности

напоминающим мой.

Иногда мне казалось, что мы с Айви были порознь столько лет, что больше не могли находиться вместе.

— Я это серьёзно, — сказала я Айви. — Мне надоело на тебя злиться. Надоело держаться за старые обиды.

— Я знаю, что я снова и снова делала тебе больно. Но, Тэсси, я этого не хотела. Я не хотела...

— Всё нормально, — сказала я.

Она покачала головой.

— Нет. Не нормально.

— То, что ты сделала — когда я родилась, когда умерли мама с папой, когда ты уехала из Монтаны — всё нормально.

Двадцать четыре часа назад я не могла бы даже представить, что произнесу эти слова. Но я зашла в Хардвик, зная, что могу не вернуться. Это был мой выбор. И если я могла принять это решение, то я могла и решить изменить мои отношения с Айви.

Я могла перестать ждать того, что она снова сделает мне больно.

— Я лгала тебе всю твою жизнь, Тэсс. Я не жду, что ты простишь меня за это.

Я выпрямила ноги и опустила голову на её плечо, закрывая глаза.

— Мы все иногда лжём, — сказала я.

Она шумно вдохнула.

— Ты прощаешь меня? — пробормотала я, уткнувшись в её плечо. — За то, что я вернулась туда? За то, что врала тебе? И не была той дочерью, которую ты хотела?

Айви ласково взяла меня за плечи.

— Ты именно такая дочь, которую я хотела, — в моём горле сформировался ком, а она продолжила, — и ты всегда ею была.

ГЛАВА 68

На следующее утро я проснулась в постели Айви. Я наблюдала за ней, пока она спала, и вспоминала о том, когда мы в последний раз спали в одной кровати. *Тогда тебя держали в заложницах*, — мысленно сказала я Айви. — *А я договаривалась о твоём освобождении.* Я не упустила того факта, как та ситуация походила на эту.

У каждой семьи есть свои традиции.

Я проснулась посреди ночи, — продолжила я, наблюдая за тем, как грудь Айви поднимается и опускается. — *И тебя не было рядом.* В тот раз Айви не могла заснуть. Интересно, она наблюдала за мной, так, как я наблюдаю за ней сейчас? *Я пошла тебя искать и нашла тебя в комнате для переговоров. Ты не могла выбросить из головы то, что произошло. Не могла перестать думать о том, что агента из личной охраны президента застрелили уже после того, как он сдался.*

Айви была уверена, что это не было случайностью. *Слишком аккуратно, слишком чисто, слишком удобно.*

К сожалению, стрелявший оказал сопротивление. В моей голове эхом отдались слова, сказанные президентом вчера.

Слишком аккуратно, слишком чисто, слишком удобно.

— Доброе утро, Тэсси, — Айви повернулась на бок. — Как тебе спалось?

Я проснулась от размышлений. И не могла перестать думать.

— Ага, — мягко произнесла Айви, замечая выражение моего лица и тёмные круги под моими глазами. — Мне тоже, — она убрала с моего лица прядь волос. — Что думаешь о том, чтобы взять на себя роль Боди, и приготовить блинчики?

Айви была кем угодно, но не хорошим поваром.

— Не смотри на меня так, — сказала Айви. — Я — профессионал. Я зарабатываю на жизнь решением проблем. Уверенна, я могу приготовить несколько блинчиков, не взорвав кухню.

Кухня не взорвалась, в отличие от блинчиков. Айви позвонила Боди, чтобы возместить ущерб. Когда он пришёл, он был не один.

— Смотрите, когда я нашёл на крыльце, — произнёс он.

Несколько секунд Вивви стояла в дверном проёме. Её большие карие глаза замерли на моих. Её губы дрожали, и я вспомнила о том, как мы расстались в коридоре.

Ты должна быть моим другом. Моим лучшим другом...

Прежде чем я успела закончить эту мысль, Вивви бросилась ко мне, обвивая меня руками. Она уткнулась лицом в моё плечо и крепко меня обняла. Я медленно обняла её в ответ.

Боди с Айви переглянулись и ушли на кухню. Я почти этого не заметила. Я думала только о том, как видела Вивви на видео с камер наблюдения. Её руки были связаны за спиной. Она была в ужасе и в ловушке.

— Прости, что я на тебя разозлилась! — выпалила Вивви, отстраняясь, чтобы посмотреть на меня. — Когда всё произошло, а я не знала, где ты, и в людей стреляли, и...

— Эй, — мягко произнесла я, привлекая внимание Вивви, прежде чем она полностью переключилась в режим тараторенья. — У тебя было право разозлиться, Вивви. Было право расстроиться. Я знала что-то важное о твоём отце и скрывала это от тебя.

— Я рада, что ты мне не рассказала, — пылко произнесла Вивви. — Я не хочу знать, Тэсс, — она сглотнула. — Я осознала это, когда в меня целились из пистолета. Мне нравится то, чем мы занимаемся. Мы с Генри и Ашером.

Когда Вивви произнесла имя Генри, я почувствовала себя так, словно в мой живот вонзился нож.

— Мне нравится помогать тебе быть фиксером, — продолжила Вивви. Я услышала в её голосе слёзы, а затем увидела их блеск в её глазах. — Мне нравится делать людей счастливыми и добиваться справедливости. Мне это нравится. Но я не против, чтобы с заговорами, террористами и смертельно опасными вещами разбирался кто-то другой. Мне не нужны ответы, — Вивви сжала губы и улыбнулась мне со слезами на глазах. — Я не такая, как ты, Тэсс. Или как Генри. Мне плевать на ответы. Для меня важны люди. И если для того, чтобы мы были в безопасности, я не должна что-то знать — значит, мне не нужно это знать.

Я не могла рассказать Вивви столько всего — о Генри и «Senza Nome», о том, что на самом деле произошло в школе, и о том, что Даниэла Николае всё ещё была жива.

— Хорошо, — сказала я Вивви. Она разрешила мне защищать её. И я любила её за это.

— Теперь я снова тебя обниму, — предупредила меня Вивви. Прежде чем она успела исполнить эту угрозу, кто-то позвонил в дверь. Вивви посмотрела в окно и улыбнулась. — Тебе стоит подготовиться к групповым обнимашкам.

Через какой-то миг она распахнула дверь и в дом вбежал Ашер.

— Кто-то сказал «групповые обнимашки»? — спросил он, приобнимая нас обеих. — Что дальше по плану? Можно предложить импровизированную танцевальную вечеринку или великую битву подушками?

— Нет.

Ответ на вопрос Ашера донёлся у него из-за спины. Я подняла взгляд и увидела в дверном проёме Эмилию. На какой-то миг наши глаза встретились, и я увидела, как она шагает в проход в библиотеке. Как она поднимает голову и идёт к Доктору Кларк.

— Ашеру запрещено участвовать в боях с подушками, — по голосу Эмилии было невозможно понять, думала ли она о том же, о чём и я. — Поверьте, — сухо продолжила она, — это к лучшему для всех нас.

Ты сдалась ради меня. Ты рискнула жизнью ради меня.

— Что? — парировала Эмилия, глядя на меня. — У меня что-то на зубах?

Она не хотела благодарности так же, как она не хотела благодарить меня после того, как я помогла ей бросить вызов Джону Томасу.

— Может я и ошибаюсь, — сказала я Эмилии, — но думаю, это не просто так называется групповыми обнимашками.

Прежде чем Эмилия успела это скрыть, я увидела, как на её лице мелькнуло искреннее удивление. Ашер схватил свою сестру и притянул Эмилию к нам. Вивви была не из тех, кто возражал против объятий, так что через несколько секунд она уже обнимала Эмилию одной рукой, а меня — второй. Не отпуская свою сестру, Ашер крепко притянул меня к ним.

Слишком крепко.

Мы начали падать. Ашер повалил нас всех на пол. Вивви начала хихикать.

— Летучая мышь в колокольне! — сказал ей Ашер, снова говоря кодом.

Эмилия попыталась выбраться из-под своего брата.

— Мы — не родственники, — сказал ему она.

Ашер был невозмутим.

— Нам не хватает только Генри, — объявил он, — и незаконных фейерверков. Тогда в мире всё будет правильно.

Теперь так будет всегда, — осознала я, услышав имя Генри. — Я согласилась на это, когда решила сохранить секрет Генри — и заставила его сделать то же самое.

— Ты его уже видела? — спросил у меня Ашер, приподнимаясь на локтях. — Медсестры не хотели меня впускать, но я бываю очень убедительным, — он пошевелил бровями.

— Я его видела, — выдавила я.

Ашер вздохнул.

— Всё ещё не могу поверить, что Генри подстрелили. Это не смогу превзойти даже я, — он вздохнул. — Теперь мне никогда не выиграть сердце Тэсс Кендрик своей отчаянной храбростью, — в его голосе звучала дразнящая нотка, явно говорящая о том, что он не был заинтересован в моём сердце, в отличие от Генри. Эта мысль ударила меня с почти физической силой.

Эмилия закатила глаза.

— А я, — добавила она, — никогда не выиграю в выборах в студенческий совет, — она вздохнула и облокотилась на свои руки. — Моей кампании крышка. Знаете, как вырастает чья-то популярность, когда он героически выживает после пули террориста?

Я устала на неё.

— Шучу, — уточнила Эмилия. — По большей части.

Но я устала на Эмилию не из-за её чувства юмора.

Знаете, как вырастает чья-то популярность, когда он героически выживает после пули террориста? У меня пересохло во рту, а моё сердце оглушающе забило в груди. Слишком идеально. Слишком аккуратно. Слишком чисто.

Внезапно, я снова оказалась на уроке «Проблем современного мира». Доктор Кларк рассказывала о «вспышках памяти». Она спрашивала нас о том, что мы запомним о дне, когда стреляли в президента Нолана.

Возможно, мы запомним, как Джорджия Нолан произносила воодушевляющую речь о своём муже — настоящем бойце.

Возможно, мы запомним, как в выборах приняло участие рекордное количество голосующих.

Перед промежуточными выборами рейтинг одобрения президента был низок, как никогда.

Я не следила за результатом выборов. Но я знала, что я увижу, открыв информацию на своём телефоне.

До того, как президента подстрелили, будущее его администрации оставляло желать лучшего. Его партия почти наверняка потеряла бы множество мест в Конгрессе. Шансы на то, что президент был бы переизбран на второй срок, были равны нулю. Именно поэтому конгрессмен Уилкокс работал с «Senza Nome».

Новость о том, что от Уолкера Нолана забеременела террористка, должна была разрушить Ноланов в самый неподходящий момент.

А затем, за несколько дней до выборов, президента подстрелили — и внезапно, президент Нолан больше не был частью передряг Уолкера. Он был жертвой, солдатом на передовой войны с терроризмом.

«Senza Nome» уже получили то, чего хотели. Эта мысль пустила корни в моём мозгу. У них не было причин в него стрелять. Ни одной.

Я представила президента на его больничной постели. Он говорил мне о том, что стрелявший был связан с террористами. Он говорил, что ему станет лучше, и он проследит за тем, чтобы то же самое случилось с этой страной.

В этой истории были герои и злодеи. И всё преподнесли нам с аккуратным бантиком.

Плечо, — подумала я. — Его подстрелили в плечо.

Я почти слышала слова Доктора Кларк о Генри: *Ранение в плечо редко бывает смертельным.*

А ещё я слышала слова Первой Леди: *От пули было меньше вреда, чем от падения.*

Если бы президент не упал и не ударился головой, он не был бы в коме. Его не отправили бы в больницу для срочной операции.

Знаете, как вырастает чья-то популярность, когда он героически выживает после пули террориста?

— Тэсс? — голос Ашера вернул меня к настоящему.

Я вернулась к их разговору, продолжая снова и снова думать о том, что, если бы не травма головы, президент Нолан был бы в порядке.

Два дня спустя меня пригласили на обед в Белый Дом. Я не сказала Айви ни слова о моих подозрениях. Президент был её другом. Я не могла просить её расследовать вероятность того, что он подстроил покушение на собственную жизнь, пока я не была в этом уверена.

Уверенна в том, что расследование было нужно.

Что это того стоило.

Так что я приняла приглашение Джорджии Нолан, и отправилась в Белый Дом, понятия не имея, что я собиралась там найти.

Доказательство того, что я не сошла с ума. Или лучше — доказательство того, что я ошибалась. У меня было сорок восемь часов, чтобы обдумать слова Доктора Кларк о том, что правительство Нолана было коррумпировано.

Она убедила Генри в том, что президент был четвертым игроком в убийстве судьи Маркетта. Что именно он собрал этих людей. И ушёл безнаказанным.

Два дня я гадала о том, могло ли это оказаться правдой.

Врач президента, — прошептала в моих воспоминаниях Доктор Кларк, когда я села за стол напротив Джорджии Нолан, — *и агент его личной охраны. Не похоже на совпадение. Не думаю, что ты считаешь это совпадением.*

Если президент Нолан мог подстроить покушение на собственную жизнь ради рейтингов, был ли он способен на убийство? Мог ли он быть замешанным в смерти судьи Маркетта?

Обед подавали в семейной столовой. Это место отличалось от публичного образа Белого Дома, но я не на секунду не забывала о том, где я.

Президент Нолан выписался из больницы и вернулся к работе. Айви решала проблемы одного известного филантропа, которого застали за не очень-то филантропскими занятиями.

Только я и Первая Леди.

Насколько хорошо вы знаете своего мужа? — подумала я, пока Джорджия раскладывала нам еду. — *Если я расскажу вам о своих подозрениях, вы будете шокированы? Вы сразу же расскажете ему об этом?*

Джорджия наколола на вилку кусочек свежего фрукта и посмотрела на меня через стол.

— Как ты, Тэсс? — спросила она. — На самом деле?

Я обдумала вопрос.

— Я переживу.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответила Первая Леди. — Айви — одна из самых сильных женщин, которых я встречала, а ты, милая, явно дочь своей матери.

Так и есть.

Поэтому я была там. Поэтому я буду наблюдать, выжидать и искать связи и намёки, которых бы не заметили другие.

— Я так рада, что у нас получилось встретиться, — сказала Джорджия. — Должна признаться, я не просто так пригласила тебя сюда сегодня.

Я рассказала Первой Леди — и президенту — о том, что сказали террористы. О том, что они не организовывали покушения на президента. *Вы пригласили меня сюда, чтобы узнать, что мне известно? Что я подозреваю?*

Джорджия внимательно посмотрела на меня.

— Насколько я понимаю, твой дед рассказал тебе о некоторых... назовём это фактами?

Моё сердцебиение выровнялось.

— Факты, — повторила я. — Об Уолкере.

Вот, в чём было дело. Поэтому она пригласила меня сюда.

— Мой Уолкер, — сказала мне Джорджия, — очень похож на тебя и на своего отца.

Если бы кто-то услышал наш разговор, они подумали бы, что она говорила о президенте.

Но я знала правду.

— Я знаю, что моему сыну тяжело, — продолжила Первая Леди. — Ему разбили сердце. Но он не хочет об этом говорить. Ни со мной. Ни со своим отцом.

На этот раз она имела в виду президента. Он растил Уолкера. Во всех важных смыслах, он был его отцом.

— Если всплывут некоторые факты, — произнесла Джорджия, — это навредит им обоим. Моему мужу и моему сыну.

— Я умею хранить секреты, — сказала я Джорджии.

Она слабо улыбнулась.

— Думаю, так и есть.

Не так давно моя жизнь находилась в руках Даниэлы Николае. Я доверилась террористке, потому что отцом её ребёнка был Уолкер Нолан. Потому что семья была важна. Нас связывала кровь.

Сидя напротив Джорджии Нолан, я думала о том, что нас связывало. У неё был роман с моим дедом — результат отношений давностью в несколько десятилетий. Джорджия относилась к Айви, как к дочери. Я была Кендриком и была Кейсом, а значит, в каком-то искажённом смысле, это делало нас семьёй.

— Что бы вы сказали, — чувствуя, как в моей груди грохочет сердце, я спросила у Первой Леди, — если бы я сказала, что, возможно, ваш муж подстроил покушение на свою жизнь?

Чтобы смягчить ущерб, нанесённый скандалом о Даниэле Николае. Чтобы защититься от нежелательных последствий. Чтобы сыграть на эмоциях людей накануне выборов.

— Тэсс, милая, — произнесла Джорджия, — это смешно, — она смотрела на меня не как на угрозу. Не как на мишень. Она смотрела на меня, как на ребёнка. — Президент просто не способен на что-то подобное, — голос Джорджии звучал, как и всегда, изысканно. Но под лёгким южным акцентом, я слышала нотку честности.

Стальную нотку.

— Я замужем за этим человеком почти сорок лет, Тэсс. Я знаю его настолько хорошо, насколько возможно знать человека. И говорю тебе, он не мог подстроить покушение на свою жизнь, как не мог бы и убить наших детей во сне.

Мне так хотелось поверить Джорджии. Но я не могла перестать думать: *Знаете, как вырастает чья-то популярность, когда он героически выживает после пули террориста?*

Я не могла выбросить из головы судью Верховного Суда, убитого врачом и телохранителем президента. Возможно, они работали по его указаниям.

— Ты пережила травму, — сказала мне Джорджия. — Не удивительно, что проявились затянувшиеся последствия, — голос Джорджии смягчился. — Ты говорила об этом с Айви? С Адамом или со своим дедушкой?

Её слова звучали, как предложение, но я гадала о том, была ли это проверка.

— Айви знает Питера, — продолжила Джорджия. — Почти также хорошо, как я. Она

знает, что он на такое не способен.

На этот раз, когда Первая Леди произнесла слово «способен», я услышала его иначе. Что, если это была не субъективная оценка, не комментарий о моральных принципах президента? Что, если это была констатация факта?

Это Первая Леди организовала пресс-конференцию после того, как президента подстрелили. Она решила действовать.

Судя по тому, что я слышала, я знала, что Джорджия Нолан активно участвовала в работе своего мужа. Я знала, что Айви, Адам и Боди считали её влиятельной личностью.

Я знала, что в эту женщину влюбился создатель королей.

Когда я спросила у директора, почему он снял фотографию из Кэмп-Дэвид, — внезапно, подумала я, — он ответил, что ему сказали, что выставлять эту фотографию на показ было немного бестактно.

Этот снимок связывал трёх заговорщиков, убивших судью Маркетта. Возможно, в тот день там был и четвёртый заговорщик.

Мне сказали, что выставлять эту фотографию на показ на таком видном месте немного бестактно. Не похоже, что такое мог бы сказать президент. Слово «бестактно» звучало элегантно. По-женски.

Мне сказали, что выставлять эту фотографию на показ на таком видном месте немного бестактно.

Внезапно, я была уверена в том, что это сказала Джорджия Нолан.

Зачем Джорджии говорить директору снять фотографию?

Она организовала пресс-конференцию, после того, как подстрелили её мужа, чтобы поддержать его и его партию.

— Тебе правда стоит с кем-то поговорить, — сказала мне Джорджия, — обо всём, через что ты прошла.

Даже после того, как я озвучила свои подозрения, Джорджия не обращалась со мной, как с угрозой. Она не сказала мне молчать о моих подозрениях.

— Обо всём, — мягко повторила Джорджия. — Включая правду о Генри Маркетте.

Я медленно осознала значение этих слов. Джорджия знала. Каким-то образом она узнала, что Генри меня предал. Она знала, что он работал с террористами.

А я знала, что она организовала покушение на жизнь своего мужа.

— Ты мне не безразлична, Тэсс, — сказала мне Джорджия. — Ты очень дорога людям, которые дороги мне.

Людям, которые обойдут весь мир, чтобы найти виновного, если со мной что-нибудь случится.

Первая Леди не станет меня атаковать. Но она знала о Генри — и не важно, была ли я её семьёй, была ли я ей не безразлична. Она была готова атаковать его, чтобы добраться до меня.

Тебе правда стоит с кем-то поговорить обо всём, через что ты прошла.

Я могла бы рассказать Айви о своих подозрениях. Рассказать создателю королей. Они могли бы попытаться связать Первую Леди с покушением на президента, или даже смертью судьи Маркетта.

Обо всём. Включая правду о Генри Маркетте.

Вот, что означало быть на пять шагов впереди. Стратегия. Власть.

Я встала. Джорджия подошла ко мне и поцеловала меня в щеку. Пока я выходила из

дома и меня провели к газону перед Белым Домом, я могла думать лишь о том, что Уильям Кейс был прав.

Королева — самая опасная фигура на доске.

ГЛАВА 70

В течение следующих недель я снова и снова вспоминала мой разговор с Джорджией Нолан: каждое слово, каждую деталь, выражение её лица. Иногда я гадала о том, не выдумала ли я подтекст нашего разговора, скрытую угрозу. Джорджия ни в чём не признавалась. Она не сказала ничего инкриминирующего. Она сказала мне, что мне стоит поговорить с Айви, Адамом или создателем королей. Она всего-навсего высказала заботу.

И дала мне знать, что она знает правду о Генри.

Она угрожала мне, так неуловимо, что я даже не могла использовать это против неё. Она была осторожна. Она играла на победу. Я практически видела, как она использовала эту осторожность, чтобы свести вместе трёх мужчин и внушить им идею о том, что вместе они способны избежать наказания за убийство. Я практически видела, как она тянула за ниточки. Она могла сделать всё это, не оставив за собой и намёка на след.

Несколько месяцев назад я сказала Джорджии, что смерть судьи была проблемой, и она поправила меня. *Смерть Тео Маркетта — это трагедия,* — сказала она. — *Но, говоря на чистоту, это возможность, какой бы трагичной она не была.*

Я ничего не могла доказать. Я никому не могла рассказать. Но в глубине души, я знала. Первая Леди была самым опасным игроком в этой игре.

— За последние недели каждый из вас проявил качества, которые ценятся Хардвиком выше всего: честность, упорство и храбрость, — новая директор стояла в передней части часовни. — С началом нового семестра, — продолжила она, — мы смотрим вперёд — как сообщество, семья и школа. Вы все — выжившие. Я чувствую благоговение, стоя перед вами и направляясь с вами в будущее.

Сидящая рядом со мной Вивви взяла меня за руку. Ашер сидел по другую сторону от меня, складывая оригами в форме чего-то вроде фламинго. Он задел меня плечом. По другую сторону от него, Генри с недоверием смотрел на фламинго.

Генри мельком перевёл глаза на меня. Я отвела взгляд.

— Все вы изменились, — произнесла директор. — То, что произошло в этой школе, никогда вас не оставит. Но вы не обязаны нести эту тяжесть в одиночку. Вы — часть давней традиции, династии учеников, сообщества, которое пройдёт через это и станет сильнее, чем когда-либо. Вы, — с нажимом произнесла директор, — лидеры нашего будущего.

Лидеры. Я вспомнила о президенте и Первой Леди, о своих подозрениях, которые я не могла озвучить.

— В связи с этим, на следующей неделе мы начнём сначала, с новыми кандидатурами для студенческого совета. Надеюсь, многие из вас захотят поучаствовать в выборах. Надеюсь, вы гордитесь своей школой — и собой — сильнее, чем когда бы то ни было. Ведь вы выжили.

Мой взгляд нашёл Эмилию. Она сидела рядом с Маей и Ди в нескольких рядах от нас.

Сильнее, чем когда бы то ни было. Ведь вы выжили.

Эмилия заслуживала победить.

Когда мы вышли из часовни и зашагали к главному зданию, ко мне подошёл Генри.

— Я не буду участвовать в выборах, — сказал он.

Я знала, что он имел в виду: *Эмилия этого заслуживает. А я — нет. Я не тот, кем они меня считают. Я не тот, кем считал себя сам. Я больше не знаю, кто я.*

Я услышала всё это в нескольких словах Генри. А ещё я услышала в них скрытое предположение: если бы он решил участвовать в выборах, он бы победил.

— Вперёд, — сказала я Генри. — Участвуй.

Эмилия его победит. Каким-то образом я в этом удостоверюсь. А ещё, каким-то образом, я найду способ доказать свои подозрения о Джорджии Нолан.

Власть. У Первой Леди её хватало. В отличие от меня. Но я была дочерью Айви Кендрик. Меня растил дедушка и учил стратегии создатель королей. Когда я видела проблему, я её решала.

Я не останусь бессильной на долго.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

От редактора перевода:

Вырезка из поста на тамблере, обращенного к Джен:

— Я просто обязан(а) узнать: в ближайшее время планируется третья книга в серии "Фиксер"? После "Долгой игры" ... мне нужно больше.

— Я так рада, что стольким людям понравилась серия "Фиксер". Я получаю подобные вопросы каждый день. И сейчас ответ на вопрос "будет ли третья книга "Фиксера" — нет.

Я написала две первых книги о фиксерах, заключив контракт на две книги. Сейчас у меня нет контракта на третью книгу, и, скорее всего, это не изменится. Мне жаль, что у меня нет хороших новостей! Эти книги было сложно писать, но это того стоило, и я буду по ним скучать. Один из самых сложных фактов профессионального писательства в том, что не важно, как сильно тебе — или твоим читателям — нравится серия. Решающим фактором для издательств является не то, как сильно любят серию её читатели, а то, сколько книг было продано.

Из этого следует, что есть высокая вероятность того, что продолжения этой серии больше не будет. Впрочем, все возможно. Понадеемся.

Всем спасибо за прочтение!